ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1960 г. 10

Гремят барабаны, звонко поет горн. Отдавая салют, стоят пионеры возле памятника любимому писателю. Он установлен в городе Арзамасе, в новом парке, который носит имя А. П. Гайдара.

Фото А. Геринаса.

ОКТЯБРЬ №10 1960
издательство „Правда"

Слушай, пионер!

У тебя, у твоего отряда и дружины очень много важных дел.

19 мая 1962 года пионерской организации исполняется сорок лет. В ознаменование этого праздника объявлена пионерская двухлетка. Пионерская двухлетка — это миллион тонн металлолома, собранного ребятами;

это 10 миллионов кроликов, 100 миллионов голов птицы, выращенной пионерами;

это зеленые ограды автомобильных дорог, над которыми шефствуют дружины;

это чистота и порядок на каждой улице, где живут ребята, в школе, где они учатся;

это тысячи новых интересных приборов, моделей, машин, сконструированных юными техниками.

Двухлетка касается каждого пионера. Во многих школах ребята уже составили план «Пионерской двухлетки дружины».

А твоя дружина, твой отряд решили, как они будут участвовать в двухлетке?

Принимайся за дело, пионер!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 37-й

Юные пионеры Советского Союза!

19 мая 1962 года Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина исполняется 40 лет.

Четвертое десятилетие вместе со своим старшим братом — комсомолом под руководством нашей родной Коммунистической партии шагает советская пионерия.

Четвертое десятилетие поют над страной звонкие пионерские горны, скликая всех, кто носит красные галстуки, на большие дела во славу любимой Родины.

Сорокалетие пионерской организации — светлый и радостный праздник юных ленинцев, праздник всего нашего народа. Более ста миллионов советских людей в пионерских отрядах прошли первую школу коммунистической закалки. Сегодня они добывают уголь и руду, строят гидроэлектростанции и дома, покоряют целину и космос, зорко охраняют наши рубежи. И каждый из них верен первой клятве, которую он дал в пионерском строю перед лицом своих товарищей: жить, учиться, бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия.

Вместе с партией, вместе с народом — эти слова стали боевым кличем всех поколений юных ленинцев.

И в мирные дни и в суровые годы Отечественной войны пионеры были верными помощниками старших — коммунистов и комсомольцев. Золотыми буквами вписаны в историю нашей Отчизны их героические подвиги. Именами пионеров-героев названы улицы, дружины, школы. Им поставлены памятники.

Умножайте славные традиции пионерии! Напишите историю своего отряда, дружины, школы! Создадим летопись Всесоюзной пионерской организации — яркий рассказ о делах и подвигах юных ленинцев!

Нет для нас в мире дороже имени, чем имя Ленин. Это имя с гордостью носит Всесоюзная пионерская организация. Изучайте замечательную жизнь Ильича, познавайте, как творческим трудом советского народа под мудрым водительством Коммунистической партии претворяются в жизнь его заветы! Создавайте в каждой школе ленинские музеи, залы, комнаты, уголки, выставки!

Будьте верны заветам Ленина! Неустанно овладевайте знаниями! Пусть день ото дня растут ваши успехи в учении! Добивайтесь, чтобы в отрядах не было ни одного второгодника, чтобы ни один из ваших товарищей не остался вне школы!

Сегодня уже не тысячи, а миллионы ваших сверстников в различных уголках земного шара — отважных, смелых и стойких — в рядах пионерских организаций, в труде и борьбе помогают старшим. Укрепляйте дружбу между пионерами братских республик, между детьми всех стран мира.

«Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами»,— завещал Владимир Ильич.

В ознаменование сорокалетнего юбилея Центральный совет

Всесоюзной пионерской организации объявляет пионерскую двухлетку «Пионеры — Родине».

Дел впереди очень много!

Соберем один миллион тонн металлолома для «Стройки дружбы» — нефтепровода Волга — Центральная Европа, который соединит Советский Союз со странами социалистического лагеря, для ударных комсомольских строек семилетки.

Поможем комсомольцам села выполнить принятые обязательства. Вырастим 10 миллионов кроликов, 100 миллионов голов птицы.

Превратим шоссейные дороги и автомагистрали в цветущие зеленые аллеи. Закладывайте сады, ягодники, виноградники, создавайте вокруг школ зеленые изгороди, цветники.

По примеру комсомольцев города-героя Севастополя выходите в поход за образцовую чистоту и порядок на улице, в школе, дома.

Много интересных приборов, моделей, машин сумеете вы смастерить к празднику, включившись во Всесоюзный конкурс «Юные техники — Родине».

Будьте ловкими, смелыми, сильными. Добивайтесь, чтобы каждый пионер стал спортсменом. Стройте спортивные площадки и стадионы. Встречайте пионерский праздник новыми победами на беговой дорожке, зеленом поле, водной глади.

Дружите с задорной пионерской песней. В каждой школе открывайте свои театры, киностудии, создавайте ансамбли, хоры и оркестры.

Пионеры-активисты! Пионеры III ступени! Пионеры-инструкторы! Многое будет зависеть от вас. Будьте запевалами новых увлекательных и полезных дел в отрядах и дружинах, во всем проявляйте инициативу и почин. Больше выдумки, смекалки, фантазии!

Юные ленинцы!

Готовьтесь к празднику горячо, увлеченно, по-пионерски. Активно включайтесь в соревнование за право называться отрядом, дружиной—«спутником семилетки», лучшей дружиной района, области, края, республики. Крепите дружбу с бригадами, ударниками коммунистического труда.

У вас много друзей. Вожатые, учителя, рабочие, колхозники, ученые, писатели, артисты будут вашими верными помощниками и советчиками во время подготовки к юбилею.

2 октября, в день сорокалетия исторического выступления Владимира Ильича Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ с программой коммунистического воспитания молодежи, выходите на старт пионерской двухлетки «Пионеры — Родине».

Пусть ярче горят пионерские костры. Пусть звонче поют пионерские горны. По всей стране пусть разнесут вести о славных делах, которыми пионерия встречает свое сорокалетие.

Юные пионеры!

Мы будем праздновать свое сорокалетие на заре коммунизма. Будьте же достойны этого великого времени. Боритесь за право рапортовать Родине, партии, комсомолу о верности заветам Ильича!

К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!

Центральный совет Всесоюзной
пионерской организации имени В. И. Ленина.

Путешествие Белки и Стрелки

Тысячи ученых, врачей, конструкторов работают над тем, чтобы в космос мог полететь человек и чтобы его полет прошел успешно. Ради этого взлетают над Землей наши ракеты и спутники; ради этого инженеры конструируют все более совершенные приборы для наблюдения и управления полетом; ради этого были отправлены в космический полет, за которым следил весь мир, Белка и Стрелка.

Работа идет полным ходом. Множество писем с самыми разнообразными вопросами о полете второго космического корабля получила редакция от ребят. На некоторые из них мы попросили ответить ученых. Вот что рассказали они.

— Как подбирали «экипаж» космического корабля? Зачем взяли столько животных?

— На втором космическом корабле-спутнике действительно было много пассажи-

Вот они — знаменитые космические путешественницы Стрелка и Белка.

ров, — сказал действительный член Академии медицинских наук СССР В. В. Парин. — Вместе с Белкой и Стрелкой летели четыре десятка белых и черных мышей, две крысы, насекомые, растения, семена кукурузы, пшеницы, гороха, лука, бактерии и микробы. Их отбирали продуманно. Каждое из этих живых существ должно было сослужить службу науке.

Представьте себе: в космос полетел человек. Что ждет его там?

При взлете ракеты страшная сила — ускорение — навалится огромной тяжестью на космонавта, вдавит его в кресло.

Когда космический корабль выйдет из зоны земного притяжения и будут выключены двигатели, космонавт и все предметы в кабине станут невесомыми. Это необычное состояние для живых существ.

Космический корабль будет мчаться в черном, непроглядном, холодном пространстве, пронизанном мощными излучениями.

Сможет ли он не только жить, но и работать, заниматься наблюдениями, писать, читать?

Сможет! — говорит опыт. Полет легендарной Лайки, взлеты животных в высотных ракетах, наконец, космическое путешествие Белки и Стрелки должны были показать, какое действие оказывает космический полет на живые организмы.

Во время полета космического корабля радиоволны доносили до земных лабораторий биение сердец Белки и Стрелки, сигналы о частоте их дыхания, о величине кровяного давления, о температуре их тела. Сотни и тысячи километров отделяли ученых от космического корабля, но они наблюдали за состоянием своих хвостатых пациентов так, словно те находились здесь же, в лаборатории.

Ученые даже видели космонавтов: с борта космического корабля шла телевизионная передача. На экранах телевизоров было видно, как двигаются, отдыхают, едят собаки, как они переносят полет.

Черные мыши помогли ученым определить, много ли космических излучений проникло в корабль, надежна ли его броня. Шерсть этих мышей седеет от вредных излучений.

Влияние космических лучей на белых мышей и крыс, на мушек-дрозофил мы узнаем позднее, когда у них появится потомство. Размножаются они быстро, и ученые все время будут наблюдать за ними в своих лабораториях.

Семена растений, побывавшие в космосе, высеют в почву и тоже будут наблюдать за ростом и развитием растений, выросших из этих семян, чтобы узнать, как влияют космические лучи на наследственность.

Животные и растения отлично перенесли путешествие. Автоматические приборы создали условия для нормальной жизни в кабине космического корабля: они все время поддерживали там определенную температуру — космонавты не страдали ни от холода, ни от жары, — обогащали воздух кислородом, очищая его от углекислого газа.

Правда, для дальних полетов понадобятся большие запасы пищи и воздуха. Ученые думают над тем, чтобы пополнять эти запасы в пути. Вот для чего они посылали в космос микроскопические зеленые водоросли — хлореллу. В будущих полетах водоросли будут поставлять человеку пищу и кислород, поглощать вредную для человека углекислоту.

Многие ученые считают, что хлорелла станет постоянным спутником человека в космосе.

— **Обязательно ли человеку самому лететь в космос? Ведь наши советские автоматические лаборатории прекрасно разведывают сами тайны Вселенной** — на этот вопрос мы попросили ответить члена-корреспондента Академии наук СССР В. И. Сифорова.

— Да, наука многое узнала о космосе, еще не побывав в нем. Автоматические лаборатории проводят сложнейшие измерения, фотографируют светила, передают изображения на Землю. Но могут ли автоматы полностью заменить человека? Нет, автомат может выполнить только то, что приказал ему человек. Но ведь мы далеко не все еще знаем о космосе, и автомат, встретившись с неожиданным явлением, о котором мы на Земле ничего не знаем и поэтому ничего не можем предусмотреть, не сумеет самостоятельно принять решение. Особенно много неожиданностей может быть при посадке на другие планеты. Тут потребуется человеческий ум, знания, смекалка.

Но, полетев в космос, человек не станет выполнять работу, которую нынче делают автоматы. Человек не справится с ней: он действует медленней автоматов, он слабее механизмов, покорно выполняющих его задания, он рассеянней чутких и внимательных приборов. Вот почему космос будет исследовать человек, вооруженный надежной и точной автоматикой.

Поэтому-то с такой тщательностью разра-

батывают конструкторы сложные системы управления полетом космических кораблей. Их работа приближает день, когда в кабину космического корабля, оснащенную многочисленными приборами, войдет космонавт, прозвучит стартовая команда, и ракета умчит его в звездное пространство.

— **Что еще надо сделать, чтобы такой полет состоялся?** — обратились мы к профессору В. В. Добронравову.

— Каждый новый опыт приближает нас к тому дню, когда человек полетит в космос. Ученым предстоит еще немало сделать. Полет человека должен быть абсолютно безопасным.

Советские ученые имеют возможность уверенно проводить опыты, проверять сложнейшую аппаратуру на мощных космических ракетах, которые созданы в СССР. Не имея таких ракет, мы не могли бы и мечтать о полете человека в космос.

Полет корабля-спутника показал, что система управления полетом корабля и отделения его кабины работает надежно. Но нужно еще отработать все устройства и аппараты, чтобы безопасный полет человека и возвращение его на Землю были полностью гарантированы.

— **Как чувствовали себя «космонавты» после полета?** — спросили мы ученых-биологов из Академии наук СССР.

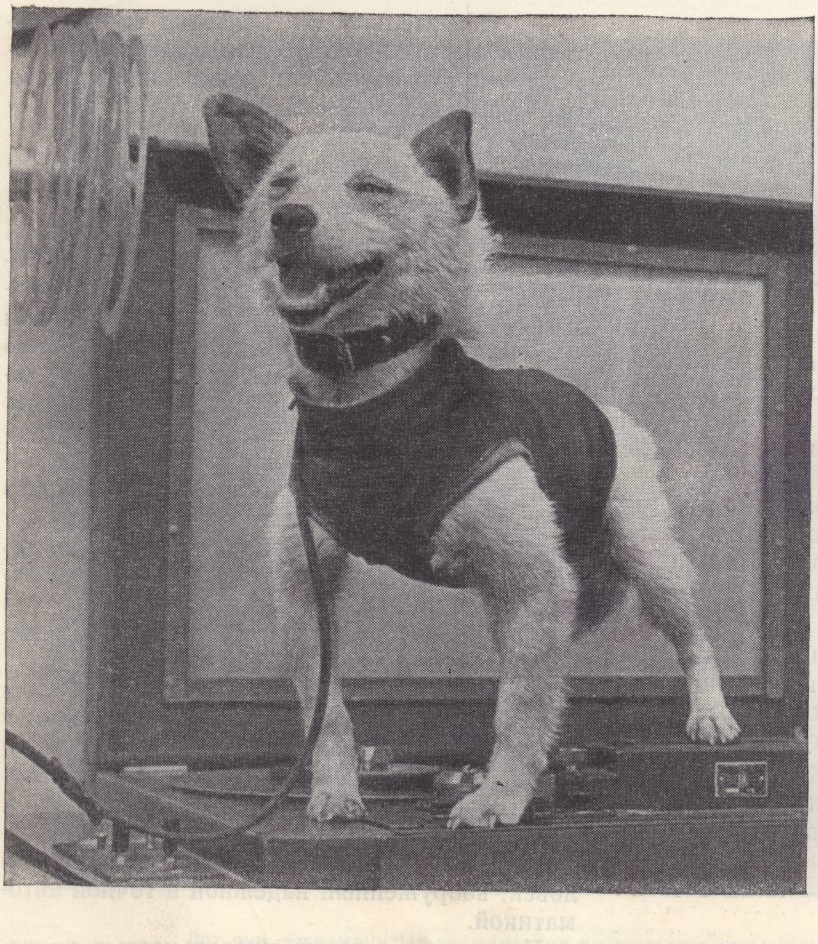
— Замечательно! — ответили нам. — Как только был открыт люк контейнера, из него выскочили радостные Белка и Стрелка. Они прыгали, ласкались к научным работникам, которые их тренировали к полету. Собакам предложили поесть, но они, видно, не были голодны и отвернулись от вкусной, питательной пищи. И вдруг один из сотрудников обнаружил у себя в чемоданчике банку халвы. Он протянул кусок халвы хвостатым космонавтам, и она пришлась им по вкусу: через несколько минут в банке не осталось ни крошки. Обе собачки чувствовали себя великолепно, несмотря на то, что пролетели почти 700 тысяч километров на высоте около 320 километров по холодным просторам космоса.

А потом из контейнера были извлечены остальные «пассажиры». Мыши, словно они и не летали в космос, суетились в своих «купе». Они изрядно изгрызли брикетики пищи, укрепленные на стенках их клеток...

Словно на мирном домашнем подоконнике, цвела нежно-зеленая традесканция. Видно, в кабине космического корабля она чувствовала себя не хуже, чем на родной Земле.

* * *

Еще совсем недавно даже фантасты не смели мечтать о полете человека в космос. Советские ученые, инженеры и конструкторы работают над тем, чтобы этот полет состоялся.

Посмотрите, как «улыбается» Белка. Видно, полет прошел хорошо.

Клавкино лето

Алексей МУСАТОВ

Рисунки Н. Борисовой.

Ребята! Очевидно, многие из вас читали повесть Алексея Мусатова «Клава Назарова». В ней рассказывалось о пионерах и комсомольцах города Острова, создавших в годы Великой Отечественной войны боевую подпольную группу. Организатору этой группы — старшей пионервожатой Клаве Назаровой — было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Недавно писатель закончил новую часть своей книги. Прочитав ее в нашем журнале, вы узнаете много интересного из детства Клавы.

ГОЛУБИ НА КРЫШЕ

Назаровы жили у реки, на Набережной улице. Река Великая была рядом, взгляни в окно — и увидишь все, что на ней делается: рыбаки часами удили рыбу, женщины полоскали белье, мальчишки купались, катались на плотах, пасли на берегу коз.

Клава Назарова, ее сестра Леля и мать Евдокия Федоровна занимали одну комнату во втором этаже коммунального дома.

Во дворе дома столпотворение сарайчиков, клетушек, пристроек. Между пристройками пятачки обработанной земли, грядки величиной с ладонь.

На крышах сарайчиков привольное царство мальчишек-голубятников: проволочные клетки, воркотня сизарей, посвист крыльев взмывающих в небо голубиных стай.

Димка Скворцов, худощавый, жилистый, смуглолицый подросток лет двенадцати, насладившись полетом голубей, впустил их в клетку и принялся пересчитывать.

— Что, недостача? — с тревогой спросил Димку его приятель, вихрастый, босоногий Колька Суконцев.— Это все Оська Бородуля приманивает.— И он кивнул на конец Набережной улицы, где, окруженный садом, высился пятистенный, обшитый тесом дом Бородулиных.

— Нет, все на месте,— ответил Димка, закончив подсчет и влюбленно оглядывая своих питомцев.— Моих не соблазнишь... Они хозяина знают!..

— А вон Мишка вчера четырех сизарей недосчитался,— сообщил Колька.— Этот Оська, знаешь, какой дошлый!.. Любого голубя переманить может.

— Так уж и любого...

Димка не очень-то поверил Кольке, но, кинув сердитый взгляд на дом Бородулиных, подумал, что Оська действительно ведет себя нахально и без зазрения совести перехватывает чужих голубей. Надо будет поговорить с мальчишками и проучить этого Бородулю. Но легко сказать — проучить! Ребят на улице раз-два — и обчелся. Одни уехали на лето в деревню, другие — в пионерский лагерь. А тех, кто остался на лето в городе, пожалуй, и не соберешь. Каждый занят своим делом, живет сам по себе.

Вот только Клавка Назарова иногда еще собирается вместе с подружками и что-то сообща с ними придумывает. Но с девчонками скучно...

Где-то вверху призывно заворковали голуби.

Димка с Колькой обернулись и задрали головы: на крыше дома, в котором жили Назаровы, стояла новенькая клетка с белыми голубями.

— Тоже мне голубятница! — усмехнулся Димка.— Развела птицу, а заниматься с ней не хочет.

— Клавка, небось, дрыхнет без задних ног,— заметил Колька.— Она вчера со своей компанией куда-то в поход ходила. Может, разбудим ее?

— Как знаешь... мне все равно,— с деланным равнодушием ответил Димка.

Колька подобрался поближе к комнате Назаровых и, сунув пальцы в рот, оглушительно свистнул.

Вскоре из окна показалось заспанное лицо Клавы.

— Спишь, голубятница! — закричал Колька.— Тебя голуби заждались. Слышишь, как стонут?

— Ой, ребята, я сейчас! — смущенно забормотала Клава.

Через несколько минут она поднялась на чердак, вылезла через слуховое окно на крышу и занялась голубями: сменила им воду, насыпала пшена, хлебных крошек.

Димка еще раз взглянул на Клавиных питомцев и презрительно махнул рукой.

— Почтовые голуби... то-се, пято-десято. Нахвасталась только. А кто голубей тренировать будет? Они ведь зажиреют, если их на волю не выпускать. Вот увидишь, ничего у Клавки не получится...

— Это как сказать,— задумчиво сказал Колька.— Если Клавка захочет... Ты слыхал, что она с девчонками какой-то тайный лагерь устроила?

— Это где? — встрепенулся Димка.— На острове, что ли, в камышах?

— Ага! А ты откуда про остров знаешь?

— Да так, говорил кто-то,— небрежно ответил Димка.— Делать девчонкам нечего... всякой чепухой занимаются.

Колька покачал головой.

— Нет, у них там интересно. Ты знаешь, я вчера на остров плавал... Все высмотрел. Они там купаются, рыбу ловят, костер жгут. Уху варят, картошку... Потом еще Клавка всякие штуки придумывает.

— Какие штуки?

— На днях она такое устроила! Привела ночью своих девчонок на городское кладбище и заставила каждую пройти по нему в одиночку из одного конца в другой.

— Это еще зачем? — удивился Димка.

— Для испытания храбрости... Чтобы узнать, трус ты или нет... А если кто из девчонок испугается с первого раза, так Клавка посылает ее на кладбище еще раз и еще... А потом они в разведчиков играют.

Димка молчал.

— А знаешь что? — понизил голос Колька.— Давай войдем в Клавкину компанию. Рыбу будем с ними ловить, на плоту кататься. А то все голуби да голуби...

— Входи, если хочешь,— безучастно отозвался Димка.— А мне это ни к чему.

Колька с подозрением покосился на приятеля.

— Знаю, почему ты Клавки чураешься, знаю... Ты от нее взбучку получил — вот и дуешься, как индюк.

— Какую еще взбучку?! — покраснев, прикрикнул Димка.— Чего ты болтаешь?

Колька отодвинулся подальше от приятеля, а Димка, насупившись, отвернулся к голубям.

Все началось с того, что Димка повздорил с конопатой Манькой Затевахиной и стукнул ее раза два по загорбку. Затевахина бросилась с жалобой к Клавке. Хотя на занятиях по физкультуре Назарова и стояла на левом фланге, но у нее был решительный нрав, а когда нужно, и достаточно сильный кулак.

Вчера девчонки во главе с Клавкой встретили Димку в детском парке, затащили его в глухую аллею и потребовали, чтобы он попросил у Затевахиной прощения. Димка гордо отказался. Тогда девчонки повалили его на землю и так настегали крапивой, что Димка пулей вылетел из парка.

А дома Димка обнаружил в кармашке трусов записку.

«Девчонок обижать не дадим,— прочел он.— Летом настегаем крапивой, зимой закидаем снежками. Но если ты честен и смел, приходи к нам на Камышовый остров. Дрохи».

Димка спрятал записку подальше и стал обдумывать, как бы ему встретить Клавку с глазу на глаз и расквитаться за крапиву. Но она почти всегда ходила в компании девчат.

— Ты не знаешь, что такое «дрохи»? — неожиданно спросил Димка у приятеля.

— «Дрохи»? — переспросил Колька.— Я где-то читал. Это, кажется, птицы такие... в степи живут.

— Нет... то дрофы.

— Тогда, может, звери какие или рыбы... А зачем тебе?

— Да так... отмахнулся Димка.— Привязалось откуда-то. «Дрохи» да «дрохи»...

«ДРОХИ»

Свесив голову с крыши сарайчика, Колька наблюдал за тем, что происходило во дворе Назаровых. Туда одна за другой собирались девчонки.

Они расселись около дровяного сарайчика под старой дуплистой ивой. Вскоре с крыши спустилась Клава и приветствовала подруг пионерским салютом. Потом о чем-то заговорила. Но слышно ее было плохо.

— Димка, смотри,— позвал Колька приятеля.— У них не иначе как сбор сегодня. Давай проберемся поближе, послушаем...

Димка недовольно пожал плечом.

— Слушай, если охота! А я еще сизарей малость погоняю.

Он открыл клетку и выпустил голубей на волю.

Во дворе появился худощавый большеголовый мальчишка.

— Видал?..— Колька кивнул вниз.— И Мишка Осинкин с ними.

«Этому-то чего у девчонок надо? — недовольно подумал Димка.— А может, он тоже «дрох» этот самый? Пожалуй, и в самом деле стоит выследить Клавкину компанию».

— Ладно, послушаем,— согласился Димка.

Мальчишки ловко пробрались по крышам дряхлых сарайчиков и клетушек поближе к назаровскому двору и, прижавшись к теплому ржавому железу, затаили дыхание.

По заведенному порядку каждый из членов Клавкиной компании коротко сообщил, что он сделал за последние дни. Позавчера в сумерки Клава с подружками крепко проучила задаваку Димку Скворцова, который обидел Машу Затевахину.

Димка, как известно, парень не робкого десятка и сопротивлялся отчаянно, но они все же одолели его.

— При помощи крапивы,— со смехом добавила Варя Филатова, темноглазая рослая девочка.

— Но и с нашей стороны были потери.

Клава смущенно прикрыла рукой распухший нос.

Колька лукаво покосился на приятеля.

— Ничего такого и не было,— забормотал Димка, беспокойно ерзая по крыше.— Просто налетели на одного, как сороки, и давай клевать. Ну, я им тоже всыпал по первое число.

— Тихо ты, слушай,— шепотом перебил его Колька.

Вторым рапортовал Мишка Осинкин.

Вчера он наловил с полкошелки рыбы и положил ее в погреб к красноармейке Самариной: пусть тетя Поля и ее девчонки жарят на здоровье!

Маша Затевахина рассказала, как она вчера добрых полдня сражалась с козами. Нахалки и обжоры, они забрались в детский парк и бессовестно обгладывали молодые саженцы.

Маша трижды изгоняла коз из парка, измочалила об их спины не одну хворостину. Когда же козы снова пробрались через изгородь, Маша заперла их в сарай и держала там до прихода хозяек.

Когда дошла очередь до Вари Филатовой, она рассказала, что вчера целое утро следила за домом Марфы Бородулиной. Действительно у нее живет какой-то мальчишка, не то родственник, не то приемыш. Марфа берет его с собой на базар торговать овощами и ягодами, заставляет работать на огороде.

— А кто он? Откуда? Как его зовут? — спросила Клава.

— Кажется, Борькой... А про все остальное не знаю,— призналась Варя. Поговорить с мальчиком ей не удалось.

— А еще разведчики! — сказала Клава.— Обещали все видеть, все слышать, а сами ничего не знаем. Нет, так не годится!

— А чего там знать?— заметил Мишка.— Мальчишка как мальчишка. Рыжий, пучеглазый... Весь в Бородулиных. Наверное, родня им. Он с Оськой уже чужих голубей приманивает. И насчет рыбы тоже не промах...

— Да какая же родня,— возразила Варя,— если Борька каждое утро по тридцать ведер воды на грядки таскает?!

— Сколько, сколько?— переспросила Клава.

— По тридцать... а то и больше. Сама считала. И на улицу его Бородулины не пускают.

— Ну вот что,— сказала Клава.— Мы сегодня же должны повидать его... И все, все выяснить... до последней капельки. Айда сейчас же к этим Бородулиным!

— Так там же Оська... разве он допустит?— робко заметила Маша Затевахина.— Задираться начнет...

— Вон нас сколько! — усмехнулась Клава.— И крапивы на Оську хватит... Или мы уже больше не «дрохи», а самые последние трусы?..

— «Дрохи», «дрохи»! — раздались голоса.— Пошли, Клаша! — И пионеры направились в конец Набережной улицы, где жили Бородулины.

— Слыхал? — Колька толкнул приятеля в бок.— Вот они, «дрохи»-то!

— А что это значит, ты понимаешь? — с досадой спросил Димка.

Колька покачал головой.

— Ну, может, игра такая... Или еще что.— Он завистливо вздохнул.— А знаешь, Дим, они все же смелые, хоть и девчонки!.. И дружные! Смотри, даже самого Бородулю не боятся...

— Это еще как сказать,— буркнул Димка, пробираясь по крышам к своей голубятне.

Но в душе он уже не очень спорил с Колькой.

Хорошо бы объединиться с девчонками да вместе проучить этого Бородулю! Проучить за все: за разбитый нос, за перехваченную рыбу, за пропоротый футбольный мяч, за голубей!..

Димка спохватился. Он совсем забыл про своих питомцев, которые выписывали над крышами круг за кругом.

Димка открыл дверцу клетки и засвистел. Поблескивая радужными грудками, сизари вернулись в свое жилье.

Димка пересчитал их и выругался: не хватало двух голубей — Трубача и Забияки.

К нему подбежал Колька.

— Я ж говорил тебе, говорил: это все Оськина работа...

Димка погрозил кулаком в сторону бородулинского дома.

— Ну погоди ж, Бородуля!.. Будет тебе выволочка...

— А знаешь, что?— подсказал вдруг Колька.— Пошли сейчас же к Бородулиным, пока там девчонки... И поговорим с ним.

Димка подумал, почесал в затылке, потом запер клетку с голубями.

— Пошли! — кивнул он.

В ЧУЖОМ САДУ

Перед домом Бородулиных раскинулась зеленая лужайка, посреди которой стоял новенький сруб, сиявший на солнце золотистыми, словно восковыми бревнами.

Клавкина компания забралась в сруб и через оконные проемы стала наблюдать за домом Бородулиных, надеясь, что Борька вот-вот выйдет на улицу.

Но прошло пять минут, десять, а Борька не показывался.

— Давайте покличем его,— предложила Маша Затевахина.

— Нет,— сказала Варя.— Лучше давайте в лапту. Только кричите погромче.

«Дрохи» разбились на две партии и начали играть. Они так старательно кричали и визжали, что из домов то и дело выглядывали хозяйки и с недоумением покачивали головами.

Но Борька не появлялся.

— Может, его дома нет, а мы из кожи лезем,— сказал запыхавшийся от бега Мишка.— Или он в саду работает, не слышит нас.

Ребята оглядели участок Бородулиных. Впереди дома палисадник, потом глухой дощатый забор, справа и слева к участку вплотную примыкают изгороди соседских садов.

Клава кинула взгляд на высокий тополь и шагнула к нему.

— Я заберусь,— опередил ее Мишка.

Он проворно, как кошка, залез на дерево, несколько минут изучал сад и огород Бородулиных и, спустившись обратно, сообщил, что там, кроме Борьки, никого нет. Видимо, Марфа с Оськой ушли на базар торговать ягодами.

— А что Борька делает? — спросила Варя.

— Грядки поливает...

— Опять, значит, воду таскает! — вздохнула Клава и, подумав, заявила:— Как хотите, а я, пожалуй, в сад заберусь.

— Да ты что? —удивилась Маша Затевахина.— Бородулиных не знаешь?.. Поймают — такого ли деру дадут!

— Так их же нет, Бородулиных... Я ведь не за ягодами, а в разведку. Мне бы только с Борькой повидаться.

— Все равно не поверят... А потом у них в саду колючая проволока всюду натянута. И сигналы разные.

— А я ужом, по-пластунски.

Клава приказала «дрохам» в случае опасности подать ей сигнал, а сама юркнула в проулок.

Примяла палкой густую крапиву и, раздвинув жерди в изгороди, пролезла в сад. Осторожно пробралась сквозь заросли малинника, прижимаясь к росистой траве, подползла под колючую проволоку и оказалась у освещенного солнцем огорода. Грядки с помидорами, огурцами и редиской тянулись до самого двора. Они были ухожены, прополоты, помидоры привязаны к аккуратным белым колышкам.

«Вон тут сколько всякого! — с удивлением подумала Клава.— Как в совхозе... И зачем столько грядок на одну семью?»

Клава еще раз окинула взглядом огород. Где же Борька?

Наконец в дальнем углу огорода около небольшого пруда, затянутого зеленой ряской, она заметила большеголового коренастого мальчишку лет десяти. Зачерпнув ведрами воду, он направился к грядкам с помидорами.

Хоронясь за кустами малины, Клава неслышно поползла навстречу мальчишке. Борька шагал, ссутулившись и тяжело дыша. Ведра оттягивали ему руки, на кистях вздулись синие вены.

Подойдя к грядке, Борька опустил ведра на землю и подул на ладони. Потом он перелил воду из ведра в лейку и принялся поливать помидоры.

Дырочки разбрызгивателя засорились, и вода вытекала медленно, еле приметными струйками.

Мальчишке, видимо, все это до смерти надоело, он не стал переливать в лейку второе ведро, а с размаху выплеснул воду на грядку. Отбросил пустое ведро в сторону и, задрав подол рубахи, вытер взмокший лоб.

— Вот и правильно! — невольно вырвалось у Клавы.— Хватит тебе надрываться!

— Кто здесь? Чего надо? — вскрикнул Борька, оборачиваясь на голос.

Клава поднялась из-за куста и шагнула к мальчику.

— Здравствуй, Боря! Тебя ведь Борькой зовут? Правда? А меня Клавой...

— Ну, Борькой,— растерянно признался мальчик.— А ты откуда знаешь? — Он подозрительно оглядел девочку и покосился на бородулинский дом.— Ладно, зубы не заговаривай. Зачем сюда забралась? За клубникой?..

— Да нет... Я не за тем. Я к тебе от наших ребят, от пионеров. Познакомиться с тобой хотим... Ты почему на улицу гулять не выходишь?

— Некогда мне,— буркнул Борька,— дела тут всякие.

— А ты что, в батраки к Бородулиным нанялся? Сколько они платят тебе?

— Зачем в батраки,— обиделся Борька.— Они мне не чужие, Бородулины-то. Тетя Марфа с моей мамкой — сестры родные. Только мамка не Бородулина была, а Капелюхина.

— А почему «была»? — спросила Клава.

— Похоронили ее весной,— помолчав, глухо выговорил Борька.— А отец еще раньше умер. Вот меня тетя Марфа и взяла к себе...

Клава искоса оглядела мальчика. Заношенная синяя рубаха без ремня, на коленях штанов прореха, голова давно не стрижена, на шее косички рыжеватых волос, на лице грязные разводы, словно Борька с неделю не умывался, взгляд диковатый, насупленный.

— Чего ты словно беспризорник?..— спросила Клава.

— Это я на работе такой. А так у меня все есть: и рубаха новая и штаны. Тетка обещала и башмаки купить,— торопливо пояснил Борька и вдруг спохватился:— Ну ладно... Ты иди... мне еще ягоды надо собирать... Три решета.

— Давай я тебе помогу,— предложила Клава.

— Нет, нет, ты лучше уходи. А то еще тетка с базара вернется.

— Я немножко...

В четыре руки они принялись собирать клубнику.

— Ты ешь, не стесняйся,— сказал Борька, заметив, что девочка жадно поглядывает на соблазнительные ягоды.— Я-то уж сытый, оскомину набил.

Вскоре три решета были доверху наполнены ягодами.

Борька отыскал старый берестяной кузовок, наполнил его клубникой и протянул Клаве.

Девочка замахала руками: нет, нет, она совсем не за тем пришла сюда.

— Бери, бери, ребят угостишь...— Борька сунул ей в руки кузовок и кивнул на дом Бородулиных: — У них ягод много. Хватит и еще останется.

— Та-ак! Очень даже похвально!— вдруг раздался насмешливый хрипловатый голос.

— Убегай скорее... тетка идет! — вздрогнув, шепнул Борька.

Но было уже поздно: к ягодным грядкам подходила хозяйка дома. За ней следовал ее сын Оська. Рослая, с круглым подбородком, закутанная не по погоде в теплый платок, Марфа швырнула в сторону пустую корзину из-под овощей, одной рукой цепко ухватила Борьку за шиворот, а другой вырвала у Клавы кузовок с ягодами.

— Это кто тебе дозволил всяких чужих-непрошеных в сад пускать? — обратилась она к племяннику.— Да еще ягодами одаривать?..

Борька растерянно молчал.

— Я кого спрашиваю? — Тетка с силой тряхнула мальчика, но тот только покраснел и продолжал упрямо сопеть.

— Тетя Марфа, вы ж задушите его! — взмолилась Клава, видя, как ворот рубахи врезался в Борькину шею.

— Ничего ему, нехристю!.. Ишь, какую моду взял!.. Тетка из дому, а он все калитки настежь... Входи, кому не лень, пасись на чужом ягоднике!

— Да нет же, тетенька! — вырвалось у Клавы.— Борька тут ни при чем... Я здесь сама по себе... и не через калитку совсем...

— Это как то есть не через калитку? — насторожилась Марфа, выпуская ворот Борькиной рубахи.— Значит, тайным путем забралась, через изгородь?.. На чужие ягоды польстилась?.. Ах ты, воровка, тварь негодная! Оська, держи ее!

Мать и сын схватили девочку за руки.

— Не смейте! Пустите меня! — закричала Клава.

— Нет уж,— твердила Марфа,— пусть вся улица увидит, какая ты до чужого добра охочая да падкая!

— Ничего я у вас не тронула.. ни одной ягодки! — продолжала кричать Клава.

— Так уж и ни одной! — ухмыльнулась Марфа. Она вдруг захватила из решета пригоршню клубники и прижала ее к лицу девочки. Розовый сок окрасил Клаве губы, нос, щеки, подбородок, растекся по шее, запятнал воротник платья.

— Вот теперь кричи, что ничего не воровала, кричи!.. А улика-то вот она, во всю физику! — захохотала Марфа, волоча вместе с Оськой девочку к калитке.

Клава извивалась всем телом, стараясь вырваться, цеплялась ногами за изгородь, пыталась даже укусить Оську за руку, но все было бесполезно. Сейчас Бородулины вытащат Клаву из огорода и прове-

дут через улицу, показывая всем встречным ее лицо, измазанное ягодным соком.

От злости у Клавы из глаз брызнули слезы. Что было делать? Где ее друзья?

Но едва Бородулины вытащили Клавку на улицу, как под ноги им бросилось несколько девчонок. Марфа выпустила Клавкину руку и, словно куль с сеном, повалилась на землю.

В то же мгновение мальчишки прыгнули на Оську, сбили его с ног, и Клава почувствовала, что и другая рука у нее свободна.

— Беги! — крикнул ей один из мальчишек, и девочка узнала в нем Димку Скворцова. Озорно блестя глазами, он сидел верхом на Оське Бородулине, которого прижимали к земле Колька с Мишкой, и брючным ремешком связывал ему ноги.

Багровый от натуги, Оська пытался сбросить с себя ребят и грозил им жестокой расправой.

— Готово! Завязано намертво... морским узлом,— поднимаясь, объявил Димка. Потом скомандовал: — Всем отходить!

Варя схватила Клаву за руку, и они побежали вдоль улицы.

Мальчишки дождались, когда они свернули в переулок, потом отпустили Оську и, помахав ему рукой, направились к реке.

— Имей в виду, Бородуля,— сказал ему на прощание Димка,— нас теперь целая компания. Всегда скрутим и одолеем.

Пыхтя и чертыхаясь, Оська принялся развязывать хитроумно затянутый на ногах ремешок.

СНОВА ВМЕСТЕ

На другой день у Евдокии Федоровны был выходной.

Встав пораньше, она решила не торопясь приготовить дочкам завтрак, потом постирать белье и заняться огородом.

Стараясь не разбудить Клавку и Лелю, мать неслышно вышла из комнаты, спустилась по лестнице во двор и направилась к сарайчику, чтобы набрать картошки на завтрак.

И тут она услышала приглушенные голоса и всплески воды.

Евдокия Федоровна заглянула за угол сарайчика и увидела дочерей. Взбив в железном тазу пышную радужную пену, Клавка стирала белье, а Леля прополаскивала его в деревянном корыте.

— Вы что это поднялись ни свет ни заря? — удивилась мать.— А я думала, вы еще в постели...

— А мы... мы субботник проводим,— пояснила раскрасневшаяся Леля.— Сначала постираем, а потом комнату уберем, пол вымоем. У тебя же выходной, мама...

Евдокия Федоровна окинула взглядом белье, развешанное на дереве. Трусики, сорочки, платья, полотенца... Вон и ее кофта и юбка сохнут на ветру. Нет, что ни говори, а девчонки у нее старательные, не боятся никакой работы.

Взгляд матери упал на белое с красным горошком платье, которое сохло на веревке. Воротничок в розовых подтеках и разводах.

Евдокия Федоровна нахмурилась.

Так вот почему Клавка чуть свет принялась за стирку!

— Вчерашние следы замываешь... свой позор прячешь,— с обидой заговорила мать.— Вот уж не ожидала, дочка, что ты меня так ославишь.

— Что ты, мама! — побледнев, вскрикнула Клава.— Как ты могла поверить!

— Верь не верь, а вся улица твердит: Клавка Назарова хуже мальчишки стала, разбоем занялась, на чужое добро польстилась.

На глазах у Клавы выступили слезы.

На защиту старшей сестры ринулась Лелька.

— Клавка, да скажи ты маме. Это же неправда! Врет Бородулиха, врет... Ну, чего ты молчишь? Как за других, так всегда вступаешься, а за себя не можешь! — Махнув на сестру рукой, Леля торопливо рассказала матери про вчерашнее: и как племянник Марфы Бородулиной таскает в день по тридцать ведер воды, и как Клавка пробралась в чужой сад, и как Марфа измазала ей ягодами лицо и платье...

— Ты ребят спроси... Они все видели, подтвердят. Да и Клавка врать не умеет... Ты же сама знаешь.

Евдокия Федоровна задумалась: это верно, не умеет ее старшая кривить душой.

— Ладно, дочка,— примирительно сказала мать.— Верю я тебе. Ты подальше держись от этих Бородулиных, не связывайся с ними.

— Почему, мама?

— Сквалыги они, скандалисты. Ни стыда у них, ни совести. Любого ославить могут.

— Откуда же на нашей улице такие люди взялись? — с недоумением спросила Клава.

— Говорят, из кулаков они... из деревни откуда-то сбежали,— пояснила мать.— Во время коллективизации... Дом здесь купили, огород развели, торговлишкой занялись.

— Мама,— помолчав, вновь заговорила Клава.— А если вот мальчик у них живет, племянник... И он по тридцать ведер воды в день носит... И кричат на него... и гулять на улицу не пускают...

— Это уж, дочка, их дело, родственное. И незачем нам через забор к ним заглядывать. Нас это не касается...

— Это как не касается?! — вспыхнула Клава.

Евдокия Федоровна задумчиво покачала головой: а ведь это, пожалуй, очень хорошо, что у девчонки такое отзывчивое сердце.

Закончив стирку, Клава с Лелей позавтракали и вышли во двор. Здесь их уже поджидали «дрохи». Поодаль на бревне сидели Димка с Колькой.

— Клава,— шепнула ей Варя,— голубятники тоже к нам в компанию хотят. Раз, говорят, вы против Оськи Бородулина, то и мы с вами...

— А знаешь, кто вчера Оське ноги придумал связать,— сказала Маша Затевахина,— и Бородулиху в огород запереть? Это все Димка Скворцов с Колькой.

— Так в чем же дело?— заторопилась Клава.— Зовите их скорее.

Коля и Димка подошли неторопливо и вытащили из-за пазухи по белому голубю.

— Ваши? — спросил Димка.

Клава не очень уверенно кивнула головой.

— Кажется, наши. Откуда они у тебя?

— «Кажется»! — фыркнул Димка.— Своих голубей не знаете... Их Оська Бородуля сманил. А мы их нынче обратно переманили. Забирайте, вот.— Он протянул Клаве голубей.

— Спасибо,— смущенно поблагодарила девочка.

Лелька понесла голубей в клетку, а Клава отозвала подруг в сторону и зашепталась с ними.

— Ребята, мы вот тут подумали... Если вы с нами будете, то забирайте всех наших голубей... Учите их, тренируйте. А осенью голубей в школу подарим.

— Ого! Вот это привалило! — обрадовался Колька.— Ну как, Дим, беремся?

Димка для вида почесал в затылке.

— Можно, конечно, попробовать,— наконец согласился он.— Только чур, чтоб полный порядок был...

Клава взяла у Лельки ключ от голубятни и передала его Димке.

— Пошли в лагерь! — пригласила она ребят.— Посмотрите, как «дрохи» живут.

— Что это за «дрохи» такие? — спросил Димка.

— Это же очень просто,— улыбнулась Клава.— Дружные рыбаки и охотники. Сокращенно «дрохи».

— «Дрохи»! Придумали тоже...— покачал головой Димка.

НА БАЗАРЕ

«Дрохи» вышли за город и спустились к реке, к тихой, укромной заводи, где в зарослях камыша у них был спрятан плот.

Но не успела Клава показать Димке с Колькой хитро замаскированный плот, как к заводи подбежали трое мальчишек-второклассников.

Клава их хорошо знала: ребята часто бывали у «дрохов» на острове, ловили с ними рыбу, учились плавать, жгли костры.

— Что с вами? Откуда вы такие? — спросила Клава, подозрительно оглядывая мальчишек. Они были встрепанные, потные. Саша Бондарин потирал рукой пунцовое ухо, а Игорек Петровский размазывал по щекам слезы.

— А ну, не хнычь! — прикрикнул на него худенький, чернявый Федя Сушков.— Разнюнился тоже... плакса-вакса. Все равно мы у Бородули рыбу отнимем..

— Как же, отнимешь у него!..— не унимался Сашка.

— Рыбу? — спросила Клава и только сейчас увидела в руках у мальчишек пустые кошелки.— При чем здесь Бородуля?

Переглянувшись с дружками, Федя рассказал.

Всю эту неделю они очень удачно, без удочек и крючков, ловили карасей. Обучил их этому Мишка Осинкин, а того, в свою очередь,— мельничный сторож, дедушка Игнат, старый рыбак и охотник. Делалось это так. Мальчишки брали обыкновенную корзину и обшивали ее мешковиной, оставляя лишь небольшие отверстия. Затем, положив в корзину краюху хлеба для приманки рыбы и увесистый булыжник вместо грузила, они забрасывали ее на дно бочага.

Почуяв запах размокшего хлеба, караси набивались в корзину, и утром их только доставай оттуда.

Вот и сегодня мальчишки пришли к бочагу, чтобы забрать очередной улов. А там уже хозяйничали Оська Бородулин и Борька. Они подняли со дна бочага корзину и переложили всех карасей в свою кошелку.

— А вы что ж, стояли да смотрели, как вашу рыбу забирают? — спросила Клава.

— Мы хотели отнять,— хмуро сказал Федя.— Да знаешь, какие кулаки у Бородули...

— Ну и скотина этот Оська! — возмутился Димка.— Мало ему чужих голубей, теперь еще рыбу у малышей отнимает.

— А вчера Оська ягоды отнял у девчонок,— сказала Варя.

— Подстерег их в лесу да как завоет по-волчьи! Девчонки перепугались и бежать. И кузовки с ягодами забыли.

— А этот самый, Борька, он тоже у вас рыбу таскал? — осторожно спросила Клава.

— Нет, он в стороне стоял, кошелку держал,— ответил Федя.

— Мало мы Оську вчера проучили... Придется добавить,— заметил Димка.

— Куда они пошли? — спросила Клава у Феди.

— На базар. Наверное, сейчас монету зашибают.— Федя вздохнул.— Знаешь, какие у нас караси были? Один к одному.

Минут через десять Клавкина компания уже подходила к городскому базару, что раскинулся на площади недалеко от моста через Великую.

Пионеры миновали колхозные подводы с зерном и сеном, прошли через овощной ряд и стали пробираться мимо столов, где шла бойкая торговля мясом и рыбой. Оськи нигде не было. Но за одним из столов ребята заметили Марфу Бородулину. Перед нею стояла корзина с рыбой и весы.

— А вот караси, золотая рыбка! — зазывала она покупателей.— Свежие, отменные. Сама бы жарила — деньги нужны. Налетай! Покупай! Спасибо скажете.

Федя дернул Клаву за руку.

Девчонка подошла к столу. Рядом с Марфой стоял Борька Капелюхин. Он накладывал рыбу из корзины на чашку весов и, дождавшись, когда тетка взвесит ее, заворачивал в газету и передавал покупателю. Руки у мальчика были покрыты слизью, к рубахе прилипли золотистые рыбьи чешуйки.

Заметив Клаву и мальчишек, Борька виновато съежился и втянул в плечи голову. Несколько карасей выскользнуло у него из рук.

— Ты что ж рыбу-то в пыли валяешь! — прикрикнула на него тетка и, заметив Клаву, удивленно вскинула голову.— А-а... Старая знакомая... Тебе-то чего здесь?

— Ваш Оська вот у этих мальчишек рыбу отнял.— Клава показала на Федю и его дружков.— Отдайте им рыбу... Не верите? Борьку спросите... Он все видел!

Марфа вороватo оглянулась по сторонам и, стараясь не привлекать внимания соседей, угрожающе зашипела:

— Ты что, голубушка, белены объелась?.. Вчера на ягоды позарилась, теперь на рыбу... А ну, шасть отсюда!..

Клава подалась было назад, но рядом стояли ее подруги, Димка с Колькой, Федя с мальчишками. Они горячо дышали ей в затылок, подталкивали под локти.

И Клава вновь вплотную придвинулась к столу.

— Никуда мы не уйдем! — заявила она.— Верните ребятам карасей!

— Это наша рыба! Наша! — во весь голос закричал Федя и запустил руку в корзину, ухватил под жабры крупного краснoперого карася и сунул себе в кошелку.— Разбирай, ребята!

— Ах вы, жулье базарное! — побагровела Марфа и, выскочив из-за стола, бросилась к мальчишке.

Федя ловко увернулся и юркнул в толпу. Марфа с истошным криком «Держите вора!» побежала за ним.

Клава переглянулась с Димой и Варей. Ну и глупый же этот Федька! Бородулиха переполошит весь базар и ни за что ни про что обесчестит мальчишек. Что было делать?

— Борька! Да ты человек или кто? — с отчаянием закричала Клава.— Чего ты молчишь? Ты же все видел, все знаешь! Ну, скажи, чья это рыба, чья?

Борька вздрогнул, диковато оглянулся по сторонам, потом вдруг подвинул корзину с карасями на край стола и, кивнув Игорьку с Сашей, хрипло сказал:

— Берите! Ваша рыба. Я знаю...

Когда Марфа, взмокнув от пота и тяжело дыша, с помощью какого-то рослого парня подтащила к столу упирающегося Федю, она застала такую картину.

Корзина с рыбой была наполовину пуста, а ее племянник поспешно кидал карасей в кошелки мальчишек.

Ошеломленная Марфа выпустила ворот Фединой рубахи и кинулась к племяннику.

— Ах ты, змееныш!.. Семя крапивное! — процедила она и, выхватив из корзины увесистого карася, принялась хлестать скользким рыбьим хвостом мальчика по щекам.

Не помня себя, Клава кинулась к Марфе и вцепилась ей в руку.

— Не смейте! Ребенка!

И это прозвучало как боевой клич. Пионеры, словно по команде, окружили Марфу: они хватали ее за руки, тянули за юбку, загораживали Борьку от ударов.

Неожиданно раздался переливчатый свисток, и к столу протолкнулся молоденький милиционер.

— В чем дело, граждане?

Увидев милиционера, Марфа пустила слезу и принялась жаловаться на бесчинство ребятишек: не дают спокойно торговать, воруют рыбу среди бела дня...

— А чужими карасями торговать можно? — воскликнула Клава.— А ребятишек бить дозволено?!

— Да не слушайте вы ее! — перебила девочку Марфа.— И что за дети пошли, только взрослых шельмуют! А еще пионерия... Красные косынки на шее... Срам один...

Клава бросилась к милиционеру.

— Заберите нас в милицию...

Милиционер с недоумением окинул взглядом ребят и спросил:

— Кого же именно?

— Всех, всех заберите. И торговку эту, и племянника ее, и всех пионеров наших. Мы вам в милиции обо всем расскажем...

— И впрямь, товарищ милиционер,— сочувственно сказал кто-то из толпы.— Надо разобраться.

— Недосуг мне по милициям расхаживать,— отмахнулась Марфа. Подавшись вперед, она вырвала у Фединых дружков кошелки с рыбой и высыпала карасей в корзину.

— Нет уж, гражданочка, придется пройти,— сказал милиционер и обратился к толпе: — Может, среди вас свидетели найдутся?

— Есть свидетели, есть! — отозвалось несколько голосов.

— Тогда попрошу, граждане...— пригласил милиционер. — Придется, конечно, и рыбку эту прихватить...

И он повел всех через базарную площадь, к старинным торговым рядам, где в одной из пристроек помещалось отделение милиции.

БАТРАКИ ПОНЕВОЛЕ

В милиции Марфа Бородулина выкручивалась, как только могла.

Припертая к стенке показаниями ребят и свидетелей, она наконец созналась, что с рыбой ее попутал сынок Оська, у которого с ребятами, как видно, имеются давние счеты.

А от этой рыбы и пошли все прочие беды: она, Марфа, под горячую руку и ребят жуликами обозвала и племянника обидела. Но пусть уж Боренька не сердится — в своей семье чего не бывает!..

— Семья семьей, но рукоприкладством заниматься не имеете права,— предупредил ее дежурный по милиции.— Имейте в виду, в случае повторения будете отвечать по закону.

— Спаси и помилуй,— истово закрестилась Марфа.— Пальцем больше не трону! Как можно! Он же не чужой мне, Боренька, свой человек, кровинка родная...

— Ну хорошо, гражданка... На первый раз мы вам поверим. Можете идти.

— А с рыбкой как же? — спросила Марфа.

— Придется вернуть по назначению.— Дежурный передал карасей Феде и его приятелям.

Довольные первой победой, пионеры вышли из милиции.

— А радоваться-то еще рано,— сказала Клава, когда возбуждение ребят немного улеглось.— Рыбу мы отобрали, а как теперь Борьке у Бородулиных придется, это еще темным-темно.

— Верно! — согласилась Варя.— Марфа, она, как Лиса Патрикеевна, может и притвориться. В милиции одно говорила, а дома другое сделает...

— Да и Оська теперь своему братцу спуску не даст, припомнит ему карасей,— заметил Димка.

С этого дня «дрохи» взяли Борьку Капелюхина под свое неустанное наблюдение.

Постоянно около дома Бородулиных дозорил кто-нибудь из ребят. Чтобы поговорить с Борькой и узнать, как он живет, пионеры ловили его на улице или старались пробраться в огород.

Пионеры собрали кое-что из одежды, и Клава поручила девочкам отнести все это Борьке. Сама она к Бородулиным не пошла: не могла видеть хозяйку дома, боялась, что взорвется и наговорит ей дерзостей.

— Вы идите, а я вас на улице подожду,— сказала она Варе.— И вызнай там, чего еще Борьке требуется.

Варя с подружками провела в доме Бородулиных минут десять. Тетя Марфа против обыкновения приняла девочек довольно приветливо, охотно взяла ребячьи штаны и рубахи и, сунув их в комод, сказала, что они, Бородулины, не нищие, но от доброй помощи отказываться грех. Племянник растет как на дрожжах, и одежды на него не напасешься. А если у ребят найдется лишняя обувка, Бореньке она тоже не помешает.

Потом Марфа подозвала племянника и велела ему успокоить «глазастых доглядчиков», подтвердив им, что живет он у тетки, как у Христа за пазухой, никто его не обижает. А если Боря редко показывается на улице, так это потому, что он любит копаться в грядках и ухаживать за садом. Он и воду для полива таскает по своей охоте: жалеет каждый росточек, как бы тот не зачах от жары.

При этом Марфа потрепала племянника по взъерошенной голове и громко засмеялась:

— Ведь правда, племяш? Ну, скажи им...

— А что же Борька? — спросила Клава.— Подтвердил или нет?

— Да так, промычал что-то... И сразу же убежал,— ответила Варя.— Марфа даже расстроилась: «Дичок,— говорит,— у меня племянник, нелюдим. Такой уж он с малолетства тронутый...»

— Хитрит эта Бородулиха, зубы нам заговаривает,— не поверила Клава.— Ишь ты... нелюдим, тронутый... Будешь тут тронутый от такой работы! Надо помочь Борьке таскать воду.

— Как это? — удивилась Варя.— Разве ж Марфа допустит кого к своим грядкам!

— А мы ей прямо скажем... И не отступим от своего,— заявила Клава.— Или не мучайте больше Борьку, или пускайте нас на участок к себе.

Через несколько дней пионеры предъявили Марфе свой «ультиматум». Они ожидали, что Бородулина высмеет их и погонит прочь, но та, к их удивлению, осталась даже довольна.

— Милости прошу, заходите. Артелькой-то оно споро дело пойдет. Дружно, говорят, не грузно...

С этого дня почти каждое утро двое или трое ребят трудились вместе с Борькой: таскали воду, поливали гряды, рыхлили землю.

Марфа с довольным видом поглядывала на неожиданных помощников и, когда они заканчивали работу, не скупилась на похвалы.

— Прилежно работали, по-ударному. Прямо хоть премию выдавай. Ну, коли так, попаситесь малость на грядке, поешьте клубнички...

— Нет уж, спасибочко,— отказывалась Клава.— Сами ешьте, а мы не за тем приходим сюда...

На душе у ребят было нехорошо. «Дрохи» как будто выручали Борьку, а на деле работали на торговку и спекулянтку.

На улице стали даже поговаривать, что Клавкина команда добровольно пошла батрачить на Бородулиных.

— Не надо мне больше помогать,— как-то раз заявил Борька пионерам.— И на огород больше не ходите. Оська с теткой смеются над вами: дурачки, мол, лопухи...

— А как же ты один будешь? — спросила Клава.

— Ничего,— вздохнул Борька.— До школы как-нибудь продержусь... Теперь уж недолго.

— А ты особо-то не надрывайся, похитрее будь,— посоветовал Колька.— И грядки поливай не так часто и рыхли их помельче... Кого, кого, а Бородулиных и обмануть не жалко.

— Нет, я так не умею,— с грустью покачал головой Борька и, помолчав, добавил: — Уж лучше я в деревню вернусь... Меня там в подпаски примут.

— А разве тетка отпустит тебя? — спросила Варя.

— А я... я и без спросу могу,— вполголоса сказал Борька.— Соберусь потихоньку — и был таков... Ищи ветра в поле.

— Погоди, погоди,— остановила его Клава.— Зачем же в деревню?.. Убегай тогда к нам, на остров. С нами в лагере будешь жить, купаться, загорать, рыбу ловить. А осенью в школу пойдешь...— Она окинула взглядом пионеров.— Ну как, примем к себе Борьку?

Ребята согласно закивали головами. Жаль, что раньше не подумали об этом!

Потом принялись деловито обсуждать, как и когда Борьке удобнее всего исчезнуть из дома Бородулиных и что с собой захватить.

— Ничего не надо...— решительно заявил Димка.— Пусть так и бежит, в чем есть.

— Тетка же, она такая, сразу меня найдет,— помялся Борька.

— Эге,— ухмыльнулся Колька.— Не так это просто... У нас все под секретом да в тайне.

— Нет, нельзя Борьке бежать,— заявила Варя.— Ему только хуже будет, когда он обратно к тетке вернется. Тут надо что-то другое придумать...

— А знаете, что? — предложила вдруг Клава.— Мы украдем его...

— Как это? — не понял Борька.

— Ну, скажем, ляжешь ты спать в шалаше на огороде, а мы на тебя нападем ночью и утащим к себе. Ты, конечно, для вида сопротивляйся, кричи...

— Не надо меня красть,— засмеялся Борька.— Я сам приду.

НА ОСТРОВЕ

И верно, через несколько дней Борька исчез из дома Бородулиных.

В шалаше, где обычно он спал, Марфа обнаружила лишь короткую записку. «Борьку не ищите, — прочла она.— Он сам вернется к первому сентября. Вы его замучили непосильной работой на огороде, ему надо отдохнуть и поправиться.

Дрохи».

Марфа зло порвала записку и приказала Оське выследить во что бы то ни стало, куда Клавкина команда спрятала Борьку.

Оська охотно взялся за дело: наконец-то он за все расквитается с пионерами.

Оделив своих дружков ягодами и яблоками, пообещав им за поимку беглого Борьки каждому по три рубля, Оська вместе с ними установил за «дрохами» тщательное наблюдение.

Вскоре удалось выяснить, что пионеры прячут Борьку на Камышовом острове.

Днем они вместе с Борькой в лагере, а ночует Борька в доме у Клавы или у Димки.

— Хочешь, мы нападение на Клавкин лагерь устроим? — предложил Оська матери.— Ребята у меня такие... Им только по трешке в зубы выдай, зараз Борьку захватят.

— Ну и захватят, а дальше что? — перебила его мать.— А Борька возьмет да и опять в лагерь сбежит. Нет, тут что-то другое надо придумать. Так чем, говоришь, пионеры в лагере-то занимаются? Рыбу ловят, купаются, костры жгут? И малыши, говоришь, в лагере бывают?

— Клавка их со своей улицы собирает,— подтвердил Оська.— И на плоту катает и плавать учит...

— Вот это уж другое дело,— задумчиво сказала Марфа.

На другой день, встретившись у колодца с матерями второклассников, она ловко пустила слушок про Камышовый остров. Знают ли мамаши, что их детишки целые дни пропадают на острове и Клавка Назарова заставляет их и нырять, и плавать, и лазать по деревьям? А долго ли до беды?

Женщины не на шутку встревожились и решили побывать в «Клавкином лагере».

Через несколько дней, когда ребятишки с Набережной улицы с утра неизвестно куда исчезли, Марфа с Оськой раздобыли большую лодку и повезли четырех матерей на остров.

— Вот уж полюбуетесь, какие там дела творятся,— сказала им Марфа.

Незаметно высадившись на отдаленном конце острова, женщины пробрались через заросли камыша к лагерю и заметили ребятишек. Они были разбиты на две группы. Одну группу Димка обучал стрельбе из лука, другая под присмотром Клавы занималась плаванием.

Девочка стояла по грудь в воде и внимательно следила, как малыши по очереди переплывали небольшую заводь.

— Так, Федя! Хорошо! — подбадривала она.— Не торопись! Дыши ровнее...

— Федечка! Сынок! — вдруг испуганно закричала одна из женщин.— Да куда ж тебя понесло, окаянного?.. Вылазь из воды скорее!

Услышав голос матери, Федя Сушков оглянулся, судорожно замахал руками и вдруг захлебнулся. Клава помогла ему добраться до берега.

— Да что ж ты, сорвиголова, делаешь! — набросилась на девочку Федина мать.— Утопить мальчишку собралась!.. Он же у меня с рождения воды боится...

— А зачем вы крик подняли? — рассердилась Клава.— Вот Федя и перепугался. А к воде он уже привык...

— Да вы посмотрите только! — всплеснув руками, заговорила мать Саши Бондарина.— Из лука стреляют!.. Так и глаз выбить недолго. И костер жгут и дрова топором рубят... Да кто же вам самоуправничать дозволил?

— Все она, заводиловка,— кивнула на Клаву Федина мать.— Надо будет в школе сказать, чтобы приструнили ее.

Женщины выгнали малышей из воды и заставили одеться. У Димки были отобраны лук, стрелы и преданы уничтожению. Около шалаша женщины заметили свои кастрюльки, миски, кружки — так вот куда исчезала посуда из дома! Кто-то залил водой костер, кто-то развалил шалаш.

— Что вы, тетеньки? Зачем? — закричала Клава, хватая женщин за руки.— Это же наш лагерь! Мы живем здесь, играем!

— Доиграетесь, потом беды не оберешься! — сердито отмахнулась от нее Федина мать и приказала

малышам: — А ну марш все отсюда! Садитесь в лодку! Вот дома матери с вами поговорят, пропишут вам лагерь...

— Клашка, смотри! — шепнула вдруг Варя.— Борьку увозят.

Девочка оглянулась. Лодка уже далеко отошла от острова. Веслами правил Оська, а Марфа, крепко держа Борьку за руки, сидела на корме.

«Дрохи» смущенно переглянулись. Как же они ничего не заметили: ни появления Оськи с Марфой, ни захвата Борьки?!

— Ребята, в погоню! Отобьем Борьку! — скомандовал Димка и бросился в воду.

Но было уже поздно: лодка причалила к берегу. Димка вернулся обратно.

Высадив мать и Борьку, Оська погнал лодку обратно к острову, а Марфа, довольная тем, что так ловко захватила племянника, повела его к дому.

Борька упирался, часто оглядывался на остров, но тетка властно подталкивала его в спину.

Сделав несколько заездов, Оська, наконец, переправил женщин и малышей на берег. На острове остались одни лишь «дрохи».

Они с грустью оглядели потухший костер, разваленный шалаш, весь опустевший остров.

— Вот и конец! — вздохнула Маша Затевахина.— И Борьку увезли, и лагеря нет...

— Да мы Борьку завтра же вернем! — загорячился Димка.

— Не нужно,— сказала Клава,— скоро ведь в школу.

— А все равно хорошо было! — мечтательно улыбнулась Варя.— Дружили, играли. И ребятишкам здесь понравилось, и Борька две недели с нами прожил...

— Только чур,— строго предупредил Димка,— в школе чтобы вместе за лагерь отвечать, а не одной Клавке. Всем «дрохам».

Ребята согласно кивнули головами.

ДОРОГА В ШКОЛУ

Наступило первое сентября.

Клава проснулась чуть свет, нагрела на примусе утюг и выгладила свое и Лелькино платья и пионерские галстуки. Потом разбудила сестренку.

— Давай сегодня первыми в школу придем,— предложила Клава.

Лелька согласилась.

Позавтракав, девочки набили учебниками холщовые сумки, упаковали в газеты подарки для школы: Леля — альбом с засушенными цветами и листьями, а Клава — выкопанный ею в лесу причудливый корень дерева, похожий на дядьку Черномора,— и побежали в школу.

В школе было празднично и нарядно!

Над лестницей висел кумачовый плакат с белыми буквами «Добро пожаловать!», в горшках на подоконниках стояло много цветов, в классах пахло свежей краской, а черные парты блестели, как новенькие.

В своем шестом «А» классе Клава облюбовала парту у окна, откуда хорошо был виден мост через Великую.

Затем через черный ход Клава выскользнула в школьный сад. Осмотрела кусты малины, смородины, нашла яблоневый рядок пятого класса и свой саженец, на котором висела фанера с надписью: «Клава Назарова». Он был еще тоненький, слабый и ростом не выше девочки.

— Ничего, яблонька, это я летом про тебя забыла,— вслух подумала Клава.— А теперь уж возьмусь!..

От сада рукой подать до спортплощадки.

Клава покачалась на кольцах, пробежала по буму, на спор с каким-то мальчишкой шесть раз подтянулась на турнике. Нет, что ни говори, а хорошо прийти в школу пораньше!

Вскоре стали собираться ученики и преподаватели.

Прошел своей легкой, быстрой походкой директор школы Иван Александрович. Показался в дверях загорелый до черноты Василий Николаевич Важин, старший пионервожатый школы,— он только позавчера вернулся из пионерского лагеря.

Рядом с Важиным, размахивая новеньким, туго набитым портфелем, шагала Зина Бахарева, рослая курносенькая девочка с толстыми косами соломенного цвета, что-то рассказывала ему.

— Потом, Зина, потом! — отмахнулся Важин.— Дай мне хоть с ребятами повидаться.

Он отыскал в коридоре группу шестиклассников и подошел к ним.

— А-а, Клава! — заметил Важин девочку.— Как твои почтовые голуби? Как успехи по плаванию?

— Успехи такие, что вся улица жалуется,— поджав губы, сказала Зина. Председатель совета отряда, она была очень недовольна поведением пионерки Назаровой.— Клава тут летом второклассников плаванию взялась обучать. Так Федя Сушков чуть на дно не булькнул.

— И совсем нет! — ответила Клава, заметив вопросительный взгляд вожатого.— Федя один раз только захлебнулся, но мы его вытащили... Зато он плавать научился.

— Она мне всю работу срывает,— не слушая Клаву, продолжала Зина.— Ни на громкие читки не ходила, ни на участок грядки полоть. Ничего по плану не хотела делать, пока вы в лагере были... Все только по-своему. Какой-то тайный лагерь устроила на острове... На кладбище пионеров водила, в чужие сады забиралась...

Побледнев, Клава резко обернулась к Зине.

— А ты... ты знаешь, зачем я в чужой сад полезла?

— А кто ж не знает! — фыркнула Зина.— Клубника там, малина, яблочки наливные! Вот уж, поди, полакомилась за лето...

— Как ты смеешь! — вскрикнула Варя.

— А еще Клавкина компания одного мальчика похитила,— не унималась Зина,— и на острове его спрятала...

— Ты помолчи лучше... портфель на двух ножках! — бросаясь к Зине, прикрикнул Димка.

— Эге! Да тут полно всяких событий! — удивился вожатый, удерживая Димку.—Только, пожалуйста, без этого самого... Поговорим потом, разберемся. А сейчас все на занятия, скоро звонок будет.

Весь первый урок Клава не могла успокоиться: учителя слушала рассеянно, переглядывалась с подругами, с Димкой. Из головы не выходили слова Зины, что на нее жалуется вся улица. Неужели и в самом деле женщины приходили в школу?

В большую перемену Клава заглянула в третий класс, чтобы узнать, пришел ли в школу Борька.

Ученики, окружив пожилую учительницу, показывали ей свои подарки: кто гербарий, кто коллекцию камней, кто кузовочек из бересты.

Клава окинула взглядом ребят — Борьки среди них не было.

Прошел день, другой, а мальчик в школе так и не появился.

— Пошли к Марфе... поговорим с ней,— предложила Клава.

Раздобыв стопку тетрадей, карандашей и пачку учебников для третьего класса, Клава, Димка и Варя отправились к Бородулиным.

Они долго стучали в калитку, но в дом их так и не пустили. Тогда пионеры зашли со стороны огорода и принялись вызывать Борьку. Прошло довольно много времени, пока он наконец появился за изгородью.

— Ну, чего вам? — хмуро осведомился мальчик.— Нельзя мне на улицу: тетка бранится.

— Ты почему в школу не ходишь? — спросила Клава.— Мы тебя ждали, ждали...

— Горячка у нас... Яблоки надо снимать, овощи... Я попозже приду,— растерянно сказал Борька.

— Это как попозже? А от других отстанешь, в хвосте плестись будешь... Возьми вот! — Клавка просунула сквозь изгородь учебники и тетради.

Борька прижал их к груди.

— Я догоню!.. Буду пока дома заниматься...

— А может, тебя совсем в школу не пустят? — допрашивала Клава.— Ты признайся.

Не успел Борька ничего ответить, как за его спиной появилась тетка.

— Учуяли, чем пахнет... На чужие яблочки целитесь...

— Очень нам нужно! — Клава дернула плечом.— Вы лучше скажите, почему Борьку в школу не пускаете?

— Права не имеете! — подхватил Димка.— Теперь всем ребятам учиться положено... По закону.

— Тоже мне законники! — фыркнула Марфа.— Да вы ж сами первые его нарушители... Племянника у меня хотели сманить, против родни его наускиваете.— Она вырвала у племянника учебники и швырнула их за изгородь.— А это заберите! Сами купим, когда нужно будет. И проваливайте отсюда, пока Оську не позвала!

Ребята молча побрели домой.

На другое утро по дороге в школу «дрохи» встретили Борьку на улице.

Размахивая хворостиной, он гнал на пастбище трех белых коз. Козы были на привязи и тянули в разные стороны.

— Вот так тройка вороных! — фыркнул Димка и предложил Борьке свою помощь.

— Нет, нет! — отказался Борька и, оглянувшись по сторонам, вполголоса попросил: — Не надо помогать. И больше не приходите ко мне. Запрещает тетка. «Вы,— говорит,— жалобщики и доносчики!»

— Как это «доносчики»? — не понял Димка.

— Так вот... Вы, мол, сор из избы выносите. Вчера к нам какие-то тетя с дядей приходили...

— Ну и что? — насторожилась Клава.

— Не знаю, не слыхал... Тетка меня в огород отослала.

— А может, и бьет она тебя?

Борька опустил голову.

— Всякое бывает... Под горячую руку не попадайся. Все больше веником хлещет, чтобы следов не оставалось... Так что вы не приходите к нам... И не зовите меня никуда...— Взмахнув хворостиной, он погнал коз дальше.

Ребята долго смотрели мальчику вслед. Нет, они не могли больше мириться с тем, что Борька Капелюхин живет на положении батрачонка и не ходит в школу. Им так хотелось, чтобы у Борьки были и школа, и пионерский отряд, и учителя, и хорошие товарищи, и многое-многое другое, чем была так богата ребячья жизнь. Но как все это сделать, Клава и ее друзья еще не знали.

— Что это за тетя с дядей к Бородулихе приходили? — вслух подумала Варя.— Может быть, из милиции?

— Если бы оттуда, Борька бы узнал,— возразил Димка.— У милиции же форма...

— А впрямь, ребята, пошли в милицию.

Идти в милицию ребята решили сразу же после уроков.

Весь день они просидели на уроках, словно на иголках. Каждую перемену Клава пыталась разыскать старшего вожатого Важина. Хорошо, если бы и он пошел с ними в милицию! Но того нигде не было.

Наконец прозвенел звонок, и Клава, подав знак своим друзьям, бросилась к двери.

— Назарова, куда? — остановила ее Зина Бахарева.— Сегодня же сбор отряда, забыла?

— Ой, совсем забыла! — спохватилась Клава.— Нам очень нужно. Хоть на полчасика.

— А дисциплина? Где пионерская дисциплина? — закричала Зина, загораживая дверь.— Никуда я вас не пущу!

— Да пойми, дело у нас... срочное! — взмолилась Клава.— Мы в милицию идем.

— В милицию? — ахнула Зина.— Вызывают? По тому самому делу...

— По какому «тому самому»?

— Ну, насчет бородулинского мальчика. Значит, тетка Марфа все же пожаловалась на вас в милицию! — И она с торжествующим видом обратилась к пионерам: — Слыхали, до чего Назарова достукалась?

Клава только покачала головой.

— Ладно тебе, не задерживай!

Оттеснив Зину, она распахнула дверь и столкнулась лицом к лицу с Важиным. За его спиной стояла пожилая незнакомая женщина с добрым, немного усталым лицом, чем-то напомнившим Клаве лицо матери.

— Василий Николаевич! — взмолилась Зина.— Опять мне Назарова план работы срывает. Сбор надо начинать, а она ребят в милицию уводит.

— В милицию? — переспросил Важин и переглянулся с незнакомой женщиной. Потом повернулся к Клаве: — Это по поводу Бори Капелюхина?

Клава кивнула головой.

— Тогда садись, послушай,— сказал старший вожатый.— Сбор сегодня очень важный.

С недоумением переглянувшись с «дрохами», Клава отошла от двери.

Когда все пионеры сели за парты, Важин открыл сбор отряда.

— Сейчас Зина расскажет нам, как прошло пионерское лето,— сказал он.

Девочка с деловым видом подошла к учительскому столу, отбросила за спину толстую косу и принялась докладывать. Лето прошло очень хорошо. Те, кто был в пионерлагере, ходили в походы, на экскурсии, занимались спортом, загорели, поправились, прибавили в весе. В среднем на шестьсот пятьдесят граммов, сообщила Зина, заглянув в бумажку.

— А те, кто в лагере не был, он в чем прибавил? — спросил кто-то с задней парты.

Зина призналась, что план у нее был составлен большой, и лето могло быть очень интересным, но пионеры почему-то не проявили никакой активности. А кроме того, ей как председателю совета отряда сильно мешала Клава Назарова. Девочке никто ничего не поручал, но она за лето столько всякого напридумывала, что только вскружила пионерам головы. Тут и какие-то «дрохи», и разведка по чужим садам и огородам, и тайный лагерь на Камышовом острове, и похищение Борьки Капелюхина. Чем все это кончилось, теперь всем известно. Лагерь на острове разогнали, а за Борьку Клавину компанию даже в милицию вызывают.

— Неправда все это! — выкрикнула Клава.

— Ты ври, да не завирайся! — поддержал ее Дима.— А еще председатель совета отряда!

— Если не знаешь, что мы летом делали, так лучше помалкивай,— посоветовала Варя.

Зина покраснела.

— Василий Николаевич, вы слышите? Даже отчитаться не дают...

— Нет, почему же, ты продолжай, мы слушаем,— успокоил ее Важин и попросил поподробнее рассказать о Боре Капелюхине.

— О Капелюхине? — растерялась Зина.— Я не знаю, не готовилась... У нас ведь сегодня отчет о пионерской работе, потом выборы, а вы о каком-то мальчике спрашиваете. Зачем это?

— Тогда, может, Клаву попросим про мальчика рассказать? — продолжил старший вожатый.— Ей, наверное, и готовиться не надо.

— Просим, просим! — раздались ребячьи голоса.— Расскажи, Клава... И о «дрохах» еще... И про лагерь на острове.

Клава окинула взглядом своих друзей. Те согласно кивали ей головами.

— Тогда слушайте.— Девочка решительно подошла к столу и стала рассказывать ребятам историю Борьки Капелюхина.

— Плохо он живет,— с горечью закончила Клава.— Унижают его, бьют, в школу не пускают. А мы ничего сделать не можем. Наверное, мало нас, надо всем отрядом его выручать, а то и всей школой.— Она с умоляющим видом обернулась к Важину: — Василий Николаевич, пойдемте с нами в милицию! Расскажем все про Борьку. Сегодня же!..

Все ребята зашумели, кто-то предложил немедля идти в милицию всем отрядом.

— Пусть милиция на Марфу в суд подаст,— сказала Варя.— Чтоб у нее Борьку забрали.

— А мы его усыновим потом,— подхватил Димка.— Всем классом. Шефство над ним возьмем.

— А кто его кормить будет? А одевать, обувать? — возразил чей-то осторожный голос.

— А как мы на острове его кормили? — не сдавался Димка.— В складчину. Вот так и в школе будем помогать. А не хватит чего, Ивана Александровича попросим, родительский комитет. Пусть Борьке, как сироте, пособие выдадут...

Подняв руку, старший вожатый с трудом успокоил ребят.

— Теперь никуда ходить, пожалуй, не надо,— сказал он.— Судьба Бори почти уже решена.— Он кивнул на заднюю парту, где сидела незнакомая ребятам женщина.— Вот, познакомьтесь, пожалуйста. Это Екатерина Петровна. Она работает в роно инструктором по делам опеки несовершеннолетних. Сейчас она вам все объяснит.

Екатерина Петровна подошла к столу.

— Ну что ж, ребята,— сказала она.— Вы свое дело сделали. Ваши сигналы не пропали. Как только Василий Николаевич узнал от вас о положении Бори Капелюхина, он пришел в милицию, а потом ко мне в роно, и мы с ним отправились к Бородулиным. Выяснили, конечно, всю картину. Вы правы, мальчику живется плохо. Находиться у тетки ему больше невозможно. Он нуждается в опеке. Сейчас роно устраивает Борю в детский дом.

— В детский дом! — обрадовалась Клава.— А тетка отпустит его?

— Если не хочет воспитывать мальчика как следует, обязана отпустить. На то есть строгий закон... Наш закон, советский,— ответила Екатерина Петровна, внимательно оглядев ребят.— А вы, я вижу, хороший народ... сердечный, отзывчивый. Не прошли мимо мальчика, не отвернулись от него... И насчет шефства вы тоже неплохо придумали. Не забывайте Борю в детдоме, будьте ему, как до сих пор, верными товарищами и друзьями, позаботьтесь о нем, как о родном.

— Видишь, Зина,— заметил Важин.— А ты удивлялась, почему ребята о Боре Капелюхине заговорили. Это хоть и не по плану, а дело-то наше, пионерское, настоящее...

* * *

Через два дня пионеры шестого класса «А» во главе с Клавой провожали Борю Капелюхина в детский дом.

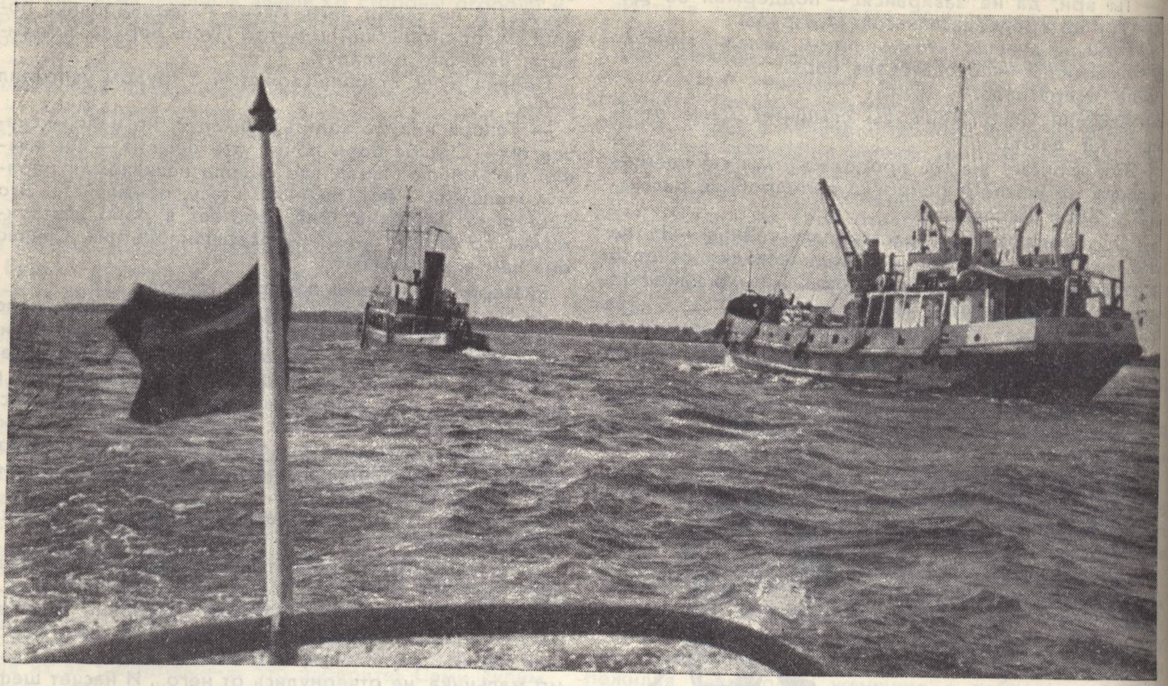
Ребята подошли к дому Бородулиных строем, с горном и барабаном.

Вскоре на крыльце показались Екатерина Петровна и Борька с деревянным крашеным чемоданом в руках и холщовой котомкой за плечами.

Никто его не провожал, только Оська, приподняв занавеску, исподлобья следил через окно за пионерами.

Ребята подхватили Борькин чемодан, Клава подала команду, и отряд под призывный звук горна и яростный треск барабана зашагал по улице.

Пионеры шли, твердо печатая шаг и глядя прямо перед собой, словно хотели всем сказать, что теперь уж мальчик с холщовой котомкой, идущий впереди колонны, не пропадет и найдет в жизни свою дорогу.

КРАЙ НЕСМЕТНЫХ СОКРОВИЩ

Из путевого дневника Славы ОГНЕВА

6 сентября 1965 года, 5 часов утра московского времени

Сегодня у нас урок географии, и потому нашим папам и мамам спать не пришлось. Автобус должен был отойти от школы в четыре утра, какой уж тут сон!..

Без десяти четыре все были в сборе. Даже Алла Ганюшкина, которая всегда просыпает и вбегает в класс за полсекунды до учителя, и та на этот раз не опоздала.

Когда наш автобус выбрался наконец из города на дорогу, которая опоясывает Москву, мы помчались без единой задержки: ведь тут нет ни переходов, ни пересечений — сплошная бетонная лента. Стрелка спидометра все время стояла на 130.

А теперь мы сидим в зале ожидания аэропорта. Ждем, когда нас позовут в самолет.

5 часов 50 минут, высота 2 100 метров

Поднялись в воздух всего полчаса назад, а высота уже 2 100 метров. Весь наш класс разместился в длинной кабине самолета «ИЛ-32-Ш». Последняя буква означает, что это пассажирский воздушный корабль специально для школьников. Мы расселись вдоль стен и сквозь прозрачный пол из плексигласа смотрели вниз. В прошлом году на уроке географии мы летали в обыкновенном самолете. Приходилось по очереди смотреть в маленькие оконца. А теперь под ногами, будто огромная географическая карта, все видно. Карта эта живая: ползет по рельсам маленький поезд; пароход идет по реке, оставляя за собой серебристый след; облачко пыли вьется над полем. Василий Константинович объяснил: это тракторы поднимают зябь.

6 часов 40 минут московского, 7 часов 40 минут местного времени, высота 1 400 метров

На прошлом уроке мы учили про Среднее Поволжье и пролетели от Горького до Сталинграда. Сегодня Василий Константинович будет нам рассказывать про волжское понизовье, мы полетим от Сталинграда до Астрахани.

Наш самолет снизился. Показалась Волга. Василий Константинович стал рассказывать, а мы все достали тетради и карандаши, чтобы записать и зарисовать то, что увидим внизу.

Летим над Сталинградским морем. Это совсем молодое море, оно образовалось всего шесть лет назад, когда плотина Сталинградской электростанции перегородила Волгу, и только в прошлом году оно наполнилось водой до своих постоянных берегов. Море окаймлено полоской молодого леса. Лес был посажен здесь заблаговременно, чтобы вода не размывала берега.

— Ребята, — говорит Василий Константинович, — посмотрите налево! Видите, чуть ниже плотины от Волги отходит большой рукав? Это Ахтуба. Между Волгой и Ахтубой волго-ахтубинская пойма.

Слева и справа от нас видна желто-бурая, обожженная солнцем земля.

— Это полупустыня, — объясняет Василий Константинович. — Дальше, на юго-востоке, она перейдет в пустыню. А под нами, видите, ярко-зеленый ковер с серебряными оконцами. Это и есть волго-ахтубинская пойма.

Василий Константинович рассказал нам, что сотни тысяч лет назад чуть ли не всю Европу покрывал ледник. Он сполз со Скандинавского полуострова. Волны Каспийского моря плескались тогда там, где ныне Сталинград. Потом постепенно берега моря отодвигались на юг, а дельта Волги все увеличивалась. Во время весеннего паводка все это огромное пространство между Волгой и Ахтубой, от Сталинграда до Астрахани, покрывалось талыми водами. В воде были растворены ценные органические вещества, которые Волга собирала со всего своего бассейна. Они оседали здесь. Так образовались плодороднейшие пойменные земли; равных им нет на всем земном шаре.

Над ними сияет теплое, яркое солнце. Когда все цветет и зреет, тепла здесь немногим меньше, чем в долинах Ганга или Нила.

7 часов 20 минут, высота 800 метров

Василий Константинович попросил пилота снизиться, чтобы мы могли лучше все разглядеть. Под нами молодые сады, окружающие новые дома на улицах совхозных поселков.

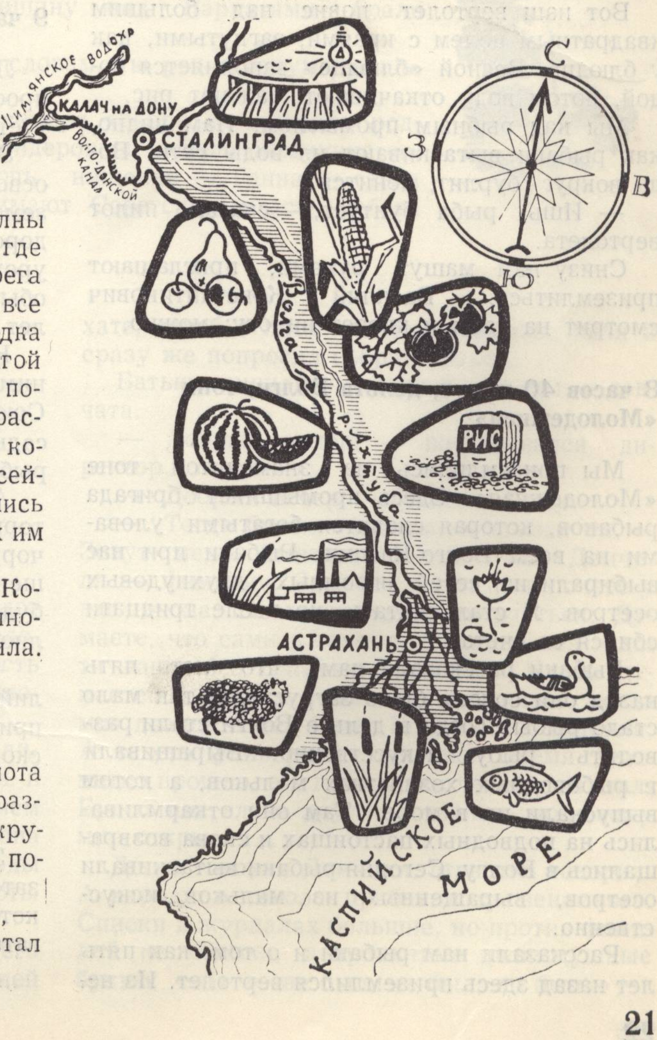
— Вы видите, как здесь все молодо, — сказал он. — Совсем недавно человек стал хозяином этого богатейшего края.

И вот что он нам рассказал.

Паводок на Волге наступает поздно — в июне, а то и в июле. Раньше, когда не было здесь плотин электростанций, весь июнь, июль, а иной раз и август пойма оставалась под водой. Приходилось строить валы, откачивать воду и на отвоеванных клочках земли сеять пшеницу, выращивать овощи. Трудно было это делать и дорого.

Совсем по-другому пошло дело, когда в пятидесятых годах на Волге построили Горьковскую, Куйбышевскую и Сталинградскую электростанции и образовались водохранилища. Паводковые воды оказались в плену. Их постепенно пропускали, и паводки прекратились. На плодородных землях поймы теперь раскинулись поля, сады и огороды. Здесь собирают неслыханно богатые урожаи пшеницы, риса, помидоров, сахарной свеклы, арбузов, яблок и других фруктов.

Под нами проплывают высокие трубы винодельческих и консервных заводов, разбро-

санных по всей пойме. Богатейшие урожаи, собранные с пойменных земель, здесь же, на месте, перерабатываются.

И все это создано советскими людьми за короткие пять лет.

Чуть-чуть закололо в ушах. Я посмотрел на альтиметр: стрелка резко пошла вниз.

— Неужели уже Астрахань? — удивился Василий Константинович. — А я не успел рассказать вам еще о рисовых плантациях...

8 часов 15 минут, борт вертолета «МИ-28-Ш»

Мы пересели на вертолет: будем знакомиться с волжской дельтой. Это здесь, чуть повыше Астрахани, Волга разветвляется на десятки рукавов, на сотни проток. Чтобы попасть из одной протоки в другую, с острова на остров, приходилось долго колесить на катере или на моторной лодке. Совсем другое дело на вертолете — для него нет препятствий.

Вот наш вертолет повис над большим квадратным полем с краями, загнутыми, как у блюдца. Весной «блюдце» заполняется водой, потом воду откачивают, сажают рис.

Мы над рыбным промыслом. Нам видно, как рыбаки вытаскивают из воды сети. Вода вокруг бурлит, пенится.

— Ишь, рыба бунтует, — сказал пилот вертолета.

Снизу нам машут руками, приглашают приземлиться. Василий Константинович смотрит на часы и кивает пилоту: можно.

8 часов 40 минут, дельта Волги, тоня «Молодежная»

Мы приземлились на знаменитой тоне «Молодежная». Здесь промышляет бригада рыбаков, которая славится богатыми уловами на всем Волго-Каспии. Рыбаки при нас выбирали из сетей огромных, двухпудовых осетров. Я стал считать, но после тридцати сбился со счета.

Рыбаки рассказали нам, что лет пять назад они совсем было загрустили: так мало стало рыбы. Тогда в дельте Волги стали разводить рыбу искусственно. Выращивали в рыбоводных хозяйствах мальков, а потом выпускали их в море. Там они откармливались на подводных пастбищах и снова возвращались в Волгу. Сегодня рыбаки вытаскивали осетров, выращенных из мальков искусственно.

Рассказали нам рыбаки и о том, как пять лет назад здесь приземлился вертолет. Из него вышел Никита Сергеевич Хрущев. Он беседовал с рыбаками, местными жителями, советовался с ними, как лучше развивать хозяйство края. Никита Сергеевич говорил, что земли и камыши низовья Волги — настоящий клад и что эти богатства надо лучше использовать на благо народа.

Когда мы снова поднялись на вертолете, Василий Константинович сказал:

— Видите внизу два моря — одно бирюзовое, другое изумрудное. Изумрудное — это непроходимые заросли камыша. Его срезают, грузят на баржи и отправляют в Астрахань на целлюлозно-бумажный комбинат. Комбинат пущен на полную мощность в прошлом году. Там камыш превращают в картон, а картон — в коробки и ящики. Фрукты, овощи, рыба — все дары астраханской земли — рассылаются по всему Советскому Союзу в своей, астраханской, упаковке. Если бы не камыш, пришлось бы гнать сюда с севера бесконечные эшелоны с лесом...

9 часов 50 минут. Снова наш «ИЛ-32-Ш»

Летим домой. Василий Константинович просматривает наши записи, рисунки, диктует еще несколько цифр.

За последние пять лет в низовьях Волги освоено пятьсот тысяч гектаров пойменных земель. На гектаре этой необыкновенно плодородной земли можно вырастить такой же урожай, какой собирают на десяти гектарах обычной земли. Вот и выходит, что за пять лет здесь поднято пять миллионов гектаров.

Казахстанскую и сибирскую целину поднимала молодежь. И сюда со всех концов Союза приехали комсомольцы. Они сажают сады, выращивают рис, арбузы и дыни, ловят рыбу, регулируют водные потоки.

А далеко на севере уже роют каналы, которые соединят с Волгой северные реки Печору и Каму. Воды этих рек будут переброшены сюда, в низовья Волги, и тогда можно будет освоить не полмиллиона, а пять миллионов богатейших, плодороднейших земель.

— Эта целина, — закончил урок Василий Константинович, — ваша, ребята. Тут придется потрудиться вашему комсомольскому поколению.

* * *

Этот дневник еще не написан. Но он обязательно будет написан. И точно в те сроки, которые здесь указаны, — в 1965 году богатства волжского понизовья будут освоены.

С. Гарбузов

Школа в горах

В. БАХРЕВСКИЙ

Рисунки Л. Тараканова.

Встань рядом со мной. Давай послушаем лес на вершинах гор, речку, упавшую с самого неба, далекий зов трембиты.

Ты слышишь, над Карпатами тишина.

Ты видишь, сколько звезд на залитых солнечным светом горных склонах. Это звезды братских могил. Тишину над Карпатами брали штурмом.

Власть Советов! Ты привык к этим словам, ты редко задумываешься о том, что стоит за ними.

Я не буду рассказывать тебе, как семеро храбрецов отстояли родное село от полутысячной банды, как бендеровцы пытали коммунистов, обматывая колючей проволокой, как дочь нищенки — Ганна — стала школьницей. Я расскажу тебе, как понимают Советскую власть ребята одной школы в горах.

Как это было

В Березниках знали, что завтра приедет новый школьный директор. Знали, что человек он свой, из местных. Впрочем, новость никого особенно не волновала. Ребят в школу пускали нехотя.

Советскую власть в Березниках уважали. Она дала землю, работу, она накормила и одела людей. Это было хорошо. Но вот зачем так настойчиво малых и старых тащила она за парту, этого пастухи и лесорубы, садоводы и землепашцы — люди с черными от работы руками — понять не могли.

Директор пришел на день раньше, чем его ждали, вечером. Напился воды в крайней хате, сгреб с плеч желтые погоны пыли и сразу же попросил собрать народ.

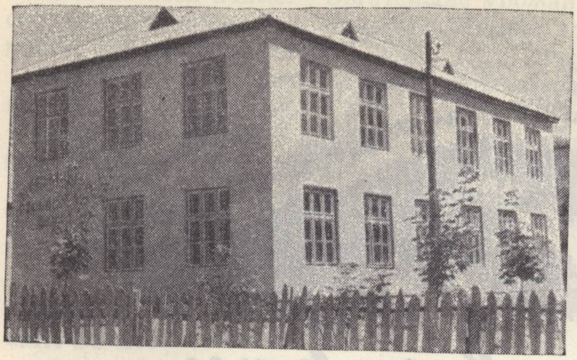
Батьки пришли, прибежали хлопцы и девчата.

— Добрый вечер! — поздоровался директор.

— Добрый вечер! — ответили ему.

— Тогда будем знакомы, — сказал он. — Зовут меня Дмитрием Ивановичем. Демчиля — фамилия. Слышал я, что не в почете у вас школа. Не пускаете ребят учиться. Думаете, что сами в темноте прожили век и дети ваши без грамоты проживут. Плохо думаете. Я вот сам пошел в пятый класс, когда мне двадцать лет было. После освобождения. А теперь университет кончаю. Время незаметно прошло, а я грамотным человеком стал. Будто мне глаза другие вставили, по-новому мир открылся...

Долго говорил Демчиля, страстно говорил. А народу в школе прибавилось ненамного. Списки в журналах большие, но против фамилий не оценки, а проклятые равнодушные буквы: «нб» — не был, не был, не был.

Вот такую школу выстроили сообща отцы и матери березниковских ребят.

В старой школе теперь краеведческий музей.

* * *

В тот день, как обычно, пришло не больше половины. Дмитрий Иванович, не раскрыв журнала, стал ходить по классу. Вдруг он обратился к одному из хлопцев:

— Я вчера видел, ты рыбу ловил.

Хлопец насупился:

— Ну и что? Я выучил историю, можете спросить.

— Да нет, я и так верю, — улыбнулся Демчиля. — Скажи, хорошо рыба идет? Много ее в Боржаве?

— Рыбы? — хлопец растерялся. — Есть рыба. Не так чтоб... Но ловится. Не так чтоб, конечно...

— Я вот тоже заметил, что рыбы стало меньше, — согласился директор.

Кто-то с места сказал:

— В войну гранатами поглушили.

— Да, — согласился директор и снова зашагал по классу. — Я это вот к чему, — сказал он наконец. — Что, если нам развести зеркального карпа? Рыба крупная. А? Своя уха будет, школьная.

— А наш Михайло поваром, — подхватили хлопцы, обрадованные, что директор чудит и, видно, спрашивать сегодня не будет.

— Ну, нет, Михайло не подойдет, — заспорил директор. — Он же лентяй. Из «двоек» не вылазит... Пожалуй, еще лягушатиной вместо рыбы накормит.

Ребята засмеялись.

— Значит, так, — продолжал Демчиля. — Сегодня после уроков быстренько по домам, поешьте и с лопатами к школе. Будем пруд рыть. У самой Боржавы. На полуострове.

* * *

Дмитрий Иванович не ожидал, что на его затею откликнутся так дружно. Он заметил, что на работу пришли даже те ребята, которых не было в школе. Наверное, в работе они не хотели отставать от товарищей.

Вечером на пруд явились взрослые.

— Добрая задумка. Пришли помогать, директор! Не прогонишь?

Не скрывая радости, Демчиля широким жестом пригласил всех.

— Гостям всегда рады. Не так ли, хлопцы?

— Пускай работают! Мы их на соревнование вызовем, — раскричались ребята.

А Демчиля пошутил:

— Только вот с ухой пока обождать придется.

— Мы терпеливые, — ответили ему.

* * *

Михайло, тот самый двоечник и лентяй, любил звезды. Он лежал в траве у запруды и мечтал. Было тихо. Быстро-быстро дрожали звезды. Казалось, что их колышет упрямый ровный ветер, сбегавший с высоких снежных гор.

Вдруг Михайло услышал стремительное, нарастающее клокотание, потом тяжелый вздох и ровный гул.

Михайло вскочил. Боржава ломала плотину. Михайло прыгнул в воду, телом загораживая дорогу реке. Напором его столкнуло в пруд. Он вынырнул. Закричал. Вылез на берег, шаря по земле, стал искать камни. Камни были мелкие. Он снова залез в воду и кричал, не переставая. Он слышал топот ног и тревожные голоса людей, спешивших на выручку.

В ту ночь не спало все село.

Работали отцы и матери, девчата и хлопцы. Маленькая школьная плотина была спасена. Прорыв закрыли. Эта ночь еще теснее сблизила сельчан со школой. Классы теперь

не пустовали, упрямые буквы «нб» сначала потеснились, а потом исчезли из журнала.

Не боги горшки обжигают

Интересная жизнь началась в Березниковской школе. Теперь уже сами ребята тащили в школу своих темных отцов и матерей, усаживали их за буквари и задачники. Ребятами овладела та огромная радость свободы, когда хочется строить, строить и строить. Ребята завели пасеку, птицеферму и кролиководческую ферму.

Потом решили, что пора осветить свою школу своим электричеством. И на Боржаве выросла гидроэлектростанция мощностью в пять с половиной киловатт.

Были заложены парники, была построена оранжерея. А когда чешские пионеры из Лидице прислали им в подарок саженцы роз, вся школа увлеклась цветоводством. На цветы посыпались запросы, их стали покупать у школы.

Срочно пришлось решить вопрос об овладении еще одной профессией. Ребята подсчитали, что на закупку цветочных горшочков, которые им были сейчас очень нужны, потребуется не меньше четырех-пяти тысяч рублей. Таких денег в школе не было.

Семиклассник Иван Кикало внес на общешкольном хозяйственном собрании предложение.

— А что, — сказал он, — подумаешь, горшки! Взяться бы, сложить печь для обжига. И — пожалуйста.

— А кто ее сложит? — спросили его.

— Да хотя бы и я. Вон Андрелла еще в этом деле смыслит, Мария Мешеньканич. Дмитрий Иваныч, кирпича тут немного надо. Может, рискнем?

— Надо рискнуть! — поддержал ребят учитель труда Виктор Иванович Сидор, — дело не очень хитрое.

— А что вы меня упрашиваете, — улыбнулся Демчиля. — Девиз у нас общий: «Не боги горшки обжигают». Попробуем.

И скоро рядом с оранжереей появилась круглая башенка — печь для обжига. Теперь батьки прониклись к своим школярам и к их директору самым почтительным уважением. В такой школе было чему поучиться.

* * *

Дела в Березниках разворачивались. А вот школа оставалась старая. Это была неуютная хата, с высокой крышей, надвинутой

Школьная пасека.

на самые окна. Все классы в ней не умещались, приходилось заниматься в старых поповских домах.

В школе установился такой порядок. Хозяйственные и ученические дела обсуждались на общешкольном собрании. И вот однажды на одном таком собрании пионерия заволновалась:

— Хватит жить порознь! Хватит с нас поповских домов! Давайте строить большую, двухэтажную школу, чтоб как в городе.

Дмитрий Иванович давно готовился к этому разговору. Да, школу нужно было строить новую. Но в районе на большое, двухэтажное здание, о котором мечтали ребята, денег не было. А ведь так хотелось, чтобы мечты становились действительностью.

Директор рассказал собранию о финансовых затруднениях. Ребята зашумели:

— Где мы живем? При капитализме, что ли? Наши батьки все понимают. Они всегда помогали нам и теперь помогут. Школа — это же для всех.

— Ну что ж, — согласился Демчиля, — соберем родителей, позовем председателя колхоза, будем думать.

Откровенно говоря, побаивался директор этого собрания. Когда-то, во времена правления буржуазной Чехии, в Березники заехал школьный инспектор, он долго убеждал народ построить школу своими силами, но никто чиновника не поддержал.

Сейчас положение было другое. Школа дружила с колхозом. Она стала на селе своей, нужной, необходимой. Но в то лето в Березниках чуть ли не полсела ставило новые дома. Времени у людей было в обрез. Как они примут предложение о постройке школы, смогут ли сейчас взяться за работу?

Выслушали директора внимательно. Потом посидели, помолчали, поговорили о том, о сем и разошлись.

Это молчание Демчиля воспринял как поражение. На следующий день он поднялся чуть свет. Где-то шумели. Показалось, на излучине реки. Там, где размещалось все школьное хозяйство. Что стряслось? Демчиля побежал на шум. Вот и школьный участок. Что это?! Директор задохнулся. Люди готовили площадку под строительство. Их было не десять и не тридцать человек — все село.

Директора заметили, тяжелые руки потянулись к шапкам.

— Добрый день!

— Добрый день! — отвечал он, вкладывая в привычные слова особый, но всем понятный смысл.

Анка Варга

Я приехал в Березники в полдень. Мне показали, как пройти к школе. Она стояла под горой, где, прыгая с камня на камень, шумит и пенится быстрая Боржава. Школьный двор огорожен только с одной стороны — с трех его омывает река. От Боржавы отведен канал. На канале электростанция. Рядом — пруд. Немного подальше — аллеи роз, цветник, оранжерея, башенка — печь для обжига.

На школьном дворе кипела работа. Построившись цепочкой, пятиклассники сгружали с телеги камень. Строилась школьная астрономическая обсерватория.

В стороне бойкая девочка на все село отчитывала возчика, который, въезжая на школьный двор, поломал деревце.

— Мы, может, это деревце три года растили, — сердилась девочка. — А вы повернуть как следует не могли? Не надо нам таких помощников! Мы сами камень привезти сможем.

Провинившийся был раза в два выше и раза в три шире маленькой пятиклассницы, но он стоял, опустив глаза, и по щекам у него гуляли красные пятна.

— Кто эта девочка? — спросил я угрюмого паренька, одиноко стоявшего у забора. Тот неласково буркнул что-то.

— А ты что такой сердитый? Шел бы вместе с ребятами, работал.

Мальчик посмотрел на меня, как на человека, сказавшего очень неумную остроту.

— Поработаешь тут. Вот поставили бы этой Варге двойку, я бы ее целую неделю к работе не допускал.

Все выяснилось немного позже, когда мы познакомились с Анкой.

Оказывается, так заведено в Березниковской школе. Здесь «двоечников» не прорабатывают на сборах, не вызывают к директору, здесь просто не допускают к работе... Исправишь двойку — пожалуйста, становись в строй.

Я попросил Анку показать мне школьное хозяйство. Она смутилась.

— Так вот оно, наше хозяйство, — повела она рукой. — Смотрите.

А когда мы познакомились со школьным полуостровом, она повела меня в музей. Музей помещался в старой школе.

Мы быстро прошли мимо макета пещеры доисторического человека, мимо гробницы фараона, рыцарского замка, мимо народных костюмов и музыкальных инструментов.

— Это все пособия по истории! — сказала Анка.

— А кто вам все это оформил? — спросил я.

— Да это же из пластилина. Работа исторического кружка.

Анка Варга.

— Но ведь здесь вылеплены люди. Чтобы так работать, нужно быть художником.

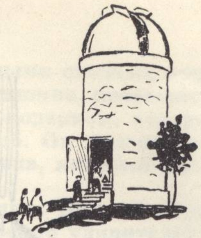
— Да нет, что вы! — уверяла меня Анка.— У нас многие умеют лепить.

— Ну, хорошо,— согласился я.— А кто вырезал из дерева этот рыцарский замок? Кто украсил его узором?

— Кружковцы, —отвечает Варга.

И я начинаю понимать, что добиваюсь невозможного. Я ищу авторов. А их нет. Здесь все авторы, все они: Анка и четыреста пятьдесят ее товарищей.

— Вот,— останавливается наконец девочка.— На этих стендах наше прошлое, настоящее и наши планы на будущее.

А сколько тебе лет?

Когда мы выходили из музея, Анка сказала мне:

— Вы через год приезжайте. У нас знаете, как будет! — Она даже зажмурилась от удовольствия.— Школу мы расширим вдвое, музей оборудуем еще лучше, обсерватория у нас будет такая, что все звезды рассмотришь. Поможем колхозу новую животноводческую ферму поставить.

— Ну, так уж и поможете! —усомнился я. Анка смутилась.

Зато деньгами поможем. Вы не сомневайтесь. Мы скоро очень богатыми будем. В этом году у нас имеется тридцать тысяч саженцев плодовых деревьев. Пока саженцы стоят все-таки дорого, а мы их продадим дешево. И людям поможем, и деньги свои у нас будут, а сколько новых садов зацветет!

— А в вашем колхозе есть сад?

— Есть. Большой. В прошлом году мы еще восемь гектаров посадили. У нас закон: каждый школьник столько сажает плодовых деревьев, сколько ему лет.

— А сколько тебе лет?

— В этом году я буду сажать тринадцать яблонь.

* * *

Так учатся и живут твои друзья в далекой закарпатской школе, на берегу быстрой горной реки Боржавы.

Труд с самого первого дня был помощником и другом Березниковской школы. Он собрал в ее классы ребят, объединил, сделал их жизнь увлекательной, научил жить полезно, без пустых дней.

— Наш край будет самым прекрасным на земле! — говорят ребята.

И они не ждут, когда это произойдет. Они строят и учатся. Им нужно знать очень-очень много, потому что их мечты долетают до звезд.

★

Вечные башмаки

И. НЕХАМКИН

Рисунки Б. Кыштымова

ПРОКАТИМСЯ ПО ЭКВАТОРУ

Когда я был мальчишкой, самой большой из машин мне казался грузовик-пятитонка. И особенно поражали меня шины: толстые, ребристые, словно чугунные. Как-то не верилось, что они родные братья моего затрепанного мяча.

Прошло немало лет, и нынешние мальчишки удивляются толщине и массивности шин с ребристыми, как гусеница трактора, выступами громадных тридцатипятитонных самосвалов, напоминающих паровоз.

— Ну и махина! — восхищенно говорят ребята.— За сто лет их, наверно, не сносит грузовик!

И большинству из них невдомек: хорошо, если такая шина прослужит года два. Ей ведь, ой, как тяжко приходится в работе!

Представьте себе, что экватор Земли — это не воображаемая линия, а первоклассное шоссе, кольцо из бетона и асфальта вокруг планеты. На сорок тысяч километров протянулось оно, пересекая пустыни и степи, прорезая туннелями горы и поднимаясь огромными мостами над океанами. И вот выезжает на эту дорогу совсем новый автомобиль. Шофер дает газ, машина мчится вперед и вперед. Если водитель хорош, то первая остановка для ремонта произойдет примерно через тридцать тысяч километров. Ремонтировать будут не автомобиль — придется менять изношенные шины! Почти три раза обежит вокруг Земли машина, прежде чем ей потребуется капитальный ремонт. А шины за это время будут сменены четырежды! За всю жизнь машине приходится менять шины раз двадцать.

Представьте себе, сколько шин требуется автомобилям нашей планеты! Больше ста десяти миллионов автомобилей бегает по дорогам разных стран. Значит, не менее четырехсот сорока миллионов покрышек шуршит по песку пустынь, по асфальту и камням.

Если бы автомобильные шины пробегали путь пусть только на одну десятую часть длинней обычного, то на сэкономленные деньги каждый год мы могли бы строить по двести больших домов!

— Можно ли продлить жизнь шин? — спросил я у специалистов. Это было в Институте синтетического каучука — там, где создается новая «обувь» для самых разнообразных машин.

— Можно, конечно,— ответили мне.— Нужен новый сорт каучука. Сейчас шины делают из искусственного, синтетического каучука, который изнашивается гораздо скорее, чем натуральный. Значит, нужно создать такой же прочный, эластичный каучук, как природный. Впрочем, такой каучук уже создан.

И мне показали самую обыкновенную шину, которая ничем не отличалась от других.

— Нет, она совсем не такая, как другие,— сказали мне.— Она сделана из искусственного «настоящего» каучука...

Но прежде чем рассказать об этом удивительном каучуке, придется вспомнить об истории открытия «прыгучего вещества», о прабабушке автомобильных шин.

ПРАБАБУШКА АВТОМОБИЛЬНОЙ ШИНЫ

На дворе сверкал жаркий полдень, а под сумрачными сводами королевского дворца было прохладно. Здесь стояла торжественная тишина, прерываемая лишь тихими возгласами удивления: придворные дивились подаркам, которые привез королю открыватель новых земель Христофор Колумб. Он только что возвратился из своего второго путешествия к берегам материка, который впоследствии будет назван Америкой.

Невиданные растения — табак и картофель — привез Колумб. Привез он и золото, и серебро, и рабов. Один из подарков был особенно удивителен: большие черные шары из странного «прыгучего вещества», привезенные с острова Гаити.

Так Колумб впервые познакомил Европу с каучуком. Но вскоре мячи были забыты. Что в них хорошего — пустая забава!

Прошло 240 лет. В 1736 году в джунгли Южной Америки отправился французский ученый Шарль-Мари де ла Кондамин. Он пробирался к экватору, чтобы произвести там сложные измерения дуги меридиана. И вот, странствуя по тропическим лесам, среди которых течет широкая, как море, Амазонка, Кондамин повстречался с туземцами, которые надрезали кору невысоких деревьев и собирали в чашечки клейкий молочно-белый сок. «Кау-учу» — «слезы дерева» — называли они его. Туземцы обмазывали этим соком большие тыквы, а когда он засыхал плотной коркой, осторожно разбивали тыквы: получались прочные, небьющиеся сосуды. Туземцы делали и непромокаемые сапоги, бутыли и даже плащи — для этого сок размазывали тонким слоем по куску ткани.

Кондамин привез в Париж несколько таких ведер и сапог. Времена были другие, в Европе развивалась промышленность, и изделия «дикарей» заинтересовали фабрикантов.

Они попробовали сами делать каучуковые сапоги и мешки. Однако эти вещи годились лишь в прохладную, дождливую погоду. Под лучами солнца они становились липкими и мягкими, а в мороз — твердыми. Никто не хотел покупать такие сапоги. И на этот раз европейцы отказались от каучука.

«ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО» — «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»

Прошло еще семьдесят лет. Американец Гудир и англичанин Ганкок одновременно придумали, как сделать каучук прочным и в жару и в мороз. Они смешали его с серой и сильно нагрели. В огне смесь сплавлялась, каучук «закалялся», приобретал новые свойства. В честь древнеримского бога огня Вулкана обработку каучука огнем назвали вулканизацией.

По всей Европе стали строить фабрики резиновых изделий. Фабриканты изготовляли из каучука калоши, плащи, трубки, игрушки, приводные ремни. Из Южной Америки через Атлантический океан плыли сотни кораблей с брусками янтарного, пряно пахнущего каучука. В дебрях тропических лесов тек сок гевеи, текли пот, кровь, слезы туземцев, превращенных в рабов владельцами каучуковых плантаций. «Черное золото» — называли каучук богатеющие капиталисты. «Черная смерть»,— говорили о нем туземцы.

Каучука теперь не хватало. Плантации гевеи появились в Бразилии и Индонезии, на Борнео и Гаити. Оттуда везли в Европу и Америку десятки тысяч тонн каучука. Особенно много понадобилось его, когда появился автомобиль.

Во время первой мировой войны Германия была отрезана от тропических стран. Каучук подвезти было невозможно, а требовалось его не меньше; без резиновых шин никуда не годен грузовик и броневой автомобиль. По дорогам Германии с отчаянным грохотом ползли автомобили на... деревянных шинах!

Тогда-то и вспомнили капиталисты об ученых, которые уже много лет «колдовали» над каучуком, изучали его и даже пытались создать искусственно.

О ПАРОВОЗЕ С НОГАМИ И О КИРПИЧНОМ ДОМЕ

Проектируя дом, архитектор вначале выбирает материал: кирпич, дерево, бетон... Положение химиков, пытавшихся создать искусственный каучук, было хуже: они не знали, из чего его «построить». Чтобы выяснить это, ученые действовали на каучук кислотами, растворяли его в скипидаре и каменноугольном масле, нагревали без доступа воздуха. При этом из каучука выделялось множество разнообразных веществ. Какое из них главное? От какого зависят чудесные свойства «прыгучего вещества»?

Наконец ученые установили, что удивительные свойства каучука зависят от изопрена. Французский химик Гюстав Бушарда разложил натуральный каучук, получил изопрен и вновь превратил его в каучук! Казалось, все ясно: бери изопрен и делай каучук.

Но ведь нигде в природе нет залежей изопрена, его тоже надо сделать! А из чего? Это тоже было неизвестно.

И снова начались кропотливые исследования. Русский ученый И. Л. Кондаков открыл, что изопрен — это соединение углерода с водородом. Кондаков даже получил изопрен искусственно, соединив углерод и водород.

Итак, теперь было известно все: и из чего состоит каучук и как изготовить материал для его «постройки». Но не тут-то было! Каучук, добытый в лаборатории, оказался очень дорогим, а главное, это был плохой, низкосортный каучук! И здесь пути ученых разошлись.

Большинство иностранных ученых старалось скопировать природный каучук, сделать его из изопрена. Так бывало и со многими другими изобретениями. Люди пытались взлететь в небо на крыльях из птичьих перьев, а у первого паровоза были не только колеса, но и... ноги! Они должны были подталкивать паровоз вперед, но вместо этого только мешали.

Копирование не удавалось. Изопреновый каучук не получался.

Русские ученые рассудили иначе. В самом начале нашего века они нашли вещество — дивинил, из которого получался прочный, эластичный каучук, похожий на настоящий. Вскоре в Москве, в маленькой лаборатории на фабрике «Богатырь», стали изготавливать такой каучук. Правда, его получали совсем немного — не больше килограмма в день, но это был каучук, из которого можно было сделать все что нужно.

Узнав об этом, немцы перестали мудрить с изопреном и спешно наладили выпуск каучука по русскому способу. Только изготавливали его не из дивинила, а из другого вещества, тоже открытого некогда русскими учеными. Но шины из нового каучука — метил-каучука, как его назвали,— разваливались через несколько сот километров. После этой неудачи производство пришлось закрыть. Многие стали сомневаться: можно ли вообще создать искусственный каучук?

МИСТЕР ЭДИСОН НЕ ВЕРИТ

Вскоре в России грянула революция. По всей нашей стране развернулось громадное строительство, для которого нужны были тысячи автомашин. Но сделать шины к ним было не из чего: империалисты решили взять Советский Союз измором, они отказывались продавать нам многие товары, в том числе и каучук.

Советское правительство обратилось к ученым всего мира, призвало их найти дешевый способ изготовления каучука. Немало исследователей приняли участие в этом конкурсе. Победителем из него вышел советский ученый С. В. Лебедев.

30 декабря 1926 года в конкурсную комиссию пришла посылка из Ленинграда. В ней были кусок искусственного каучука и тетрадь с описанием простого и дешевого способа его изготовления на заводах.

Лебедев предложил делать шины из... картошки. Конечно, не совсем из картошки. Сначала на заводах из нее гнали спирт, из спирта приготовляли дивинил, а из дивинила — каучук, который химики назвали дивинил-стирольным.

Лебедев придумал также, как получать дивинил из нефти. И «нефтяной» каучук тоже добыли.

Сообщение об этом замечательном открытии облетело весь мир.

«Известие о том, что Советскому Союзу удалось получить синтетический каучук из нефти, невероятно. Этого никак нельзя сделать. Скажу больше: все сообщение — ложь»,— так заявил в 1931 году американский изобретатель Томас Эдисон. И за границей многие поверили ему: ведь это говорит известный всему миру изобретатель!

А в СССР в это время строили большие заводы. Первый завод выдал каучук в том же 1931 году. Шины из нового каучука решено было испытать в трудных условиях: колонна автомашин отправилась через всю страну — из Москвы в пустыню Каракумы и обратно.

Около десяти тысяч километров прошли шины из искусственного каучука по раскаленному песку пустынь, степному бездорожью, по каменистым южным дорогам. И шины выдержали, не подвели.

Весь мир был удивлен. Ученые всех стран снова занялись искусственным каучуком. Они торопились, чтобы догнать Советский Союз.

СЕМЬЯ КАУЧУКОВ РАСТЕТ

Что же произошло? Ученым не удалось скопировать природу, но зато они научились делать каучук из других веществ. Они стали искать все новые вещества, из которых можно изготовить разные каучуки, с различными свойствами, каучуки, совсем непохожие на натуральный. Семья каучуков стала быстро расти.

Сейчас наша промышленность выпускает такие каучуки, которым не страшны ни жара, ни мороз, и каучуки, которые не разъедает ни бензин, ни масло. Некоторые из них проводят электричество, другие не пропускают газов... Люди оказались сильней природы: они создали вещество, которое во многом лучше, выносливее естественного. Во многом, но не во всем.

Из каждых ста килограммов каучука восемьдесят килограммов идет на автомобильные шины. И с каждым годом автомобильной промышленности нужно все больше и больше натурального каучука. И не только потому, что с каждым годом у нас становится больше автомобилей. Шины из дивинил-стирольного искусственного каучука пока еще хуже шин из натурального каучука. Значит, надо во что бы то ни стало научиться делать точно такой же каучук, какой создается в скрытой от людей лаборатории природы.

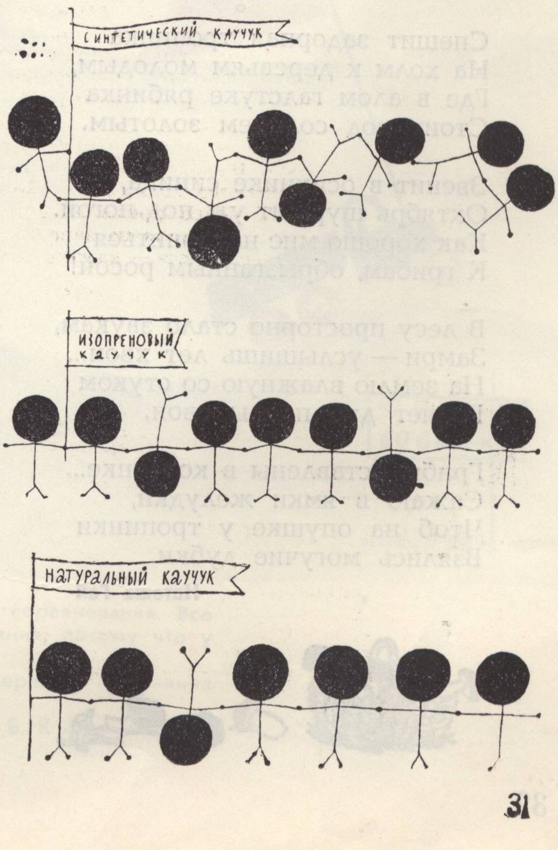
КАК ВЫСТРОИТЬ МОЛЕКУЛЫ

Ученые давно узнали, что натуральный каучук состоит из изопрена. Но как соединяются в нем звенья — частицы молекул изопрена,— они не представляли себе. Им было известно, из чего построен дом, но неизвестна архитектура здания.

Новейшие достижения химии и физики помогли ученым увидеть структуру каучука. Как и всякое вещество, он состоит из молекул. Но молекулы у него особые — очень длинные, словно нити, и слегка изогнутые. Когда мы растягиваем каучук, мы «распрямляем» молекулы, а когда отпускаем его, молекулы вновь изгибаются. Вот в чем секрет эластичности, «прыгучести» каучука.

Затем с помощью точнейшей аппаратуры были исследованы и сами молекулы. Оказалось, что каждая такая «ниточка» состоит из десятков тысяч одинаковых звеньев, которые соединены между собой совершенно одинаково.

А молекулы дивинил-стирольного каучука — это не звенья изопрена, они короче и построены иначе; и соединены они как попало. Поэтому молекулы искусственного каучука мало пружинят, и он не такой «прыгучий» и прочный.

Надо было научиться выстраивать мельчайшие частички вещества в строгом, нужном нам порядке.

Советские ученые занялись этим еще до Великой Отечественной войны. Опыт следовал за опытом, неудачи были куда чаще, чем удачи, но исследователи не отступали.

И удача наконец пришла. Ученым удалось найти вещества, которые заставляли «строиться» невидимые частички изопрена. Эти вещества называются катализаторами. Подобно тому, как магнит поворачивает стрелку компаса, они заставляли все звенья, как по команде, соединяться в строгом порядке. Так был получен отличный каучук, совсем как натуральный.

Вы думаете, на этом и кончились работы ученых? Нет, не кончились! Катализатор не всегда выстраивал звенья. И тогда получался плохой каучук. Почему? Над этим секретом долго бились ученые.

Война прервала работу. К ней вернулись лишь в 1948 году. Снова начались бесконечные опыты.

«Терпение и труд...» — эту поговорку ученым, пожалуй, приходится вспоминать чаще, чем школьникам. Терпения и труда они положили немало, но и победа была полной. Оказалось, что изопрен очень «чистоплотен»! Если в нем даже ничтожно мало примесей, частицы изопрена не хотят выстраиваться в шеренгу.

Началась борьба за чистоту. Она потребовала много изобретательности, но в конце концов ученые получили замечательный каучук, который почти не отличался от натурального.

Так ученые разгадали загадку природы и создали вещество, которое рождалось раньше только в зеленой лаборатории природы.

СКИ

Новый каучук назвали СКИ — синтетический каучук изопреновый. Он в десять раз прочнее и почти вдвое эластичнее, чем обычные искусственные каучуки. Груз в 20 килограммов разрывает резиновую ленту из искусственного каучука, а такая же лента из изопренового и натурального каучука выдерживает 300 килограммов. Шины из натурального каучука пробегают 66 тысяч километров, шины из искусственного — вдвое меньше — около 32 тысяч, а шины из СКИ — 60 тысяч километров. Значит, шина из изопренового каучука служит вдвое дольше.

Ученые спроектировали заводские установки, которые позволят получать СКИ, сколько нам нужно. Наша страна не будет зависеть от «слез» тропической гевеи. Скоро СКИ станет не только самым надежным и удобным, но и самым дешевым каучуком.

На этом, пожалуй, и можно было бы закончить рассказ о том, как человек сделал «природный» каучук. Но ученые не остановились на этом. СКИ еще не так хорош, как им хотелось бы. Нужен такой каучук, чтобы шины служили столько же, сколько служит автомобиль. Машинам нужна вечная обувь. И такой каучук будет создан. Шины из него не нужно будет менять до тех пор, пока будет бегать автомобиль.

А когда такой каучук станут выпускать заводы, ученые, наверно, решат, что и он недостаточно хорош...

СТИХИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОКТЯБРЬ

Спешит задорная тропинка
На холм к деревьям молодым,
Где в алом галстуке рябинка
Стоит под солнцем золотым.

Звенит в осиннике синица,
Октябрь шуршит уж под ногой.
Как хорошо мне наклониться
К грибам, обрызганным росой!

В лесу просторно стало звукам,
Замри — услышишь лет хвои...
На землю влажную со стуком
Роняет дуб плоды свои.

Грибы оставлены в корзинке...
Сажаю в ямки желудки,
Чтоб на опушке у тропинки
Взялись могучие дубки.

Наташа Гай

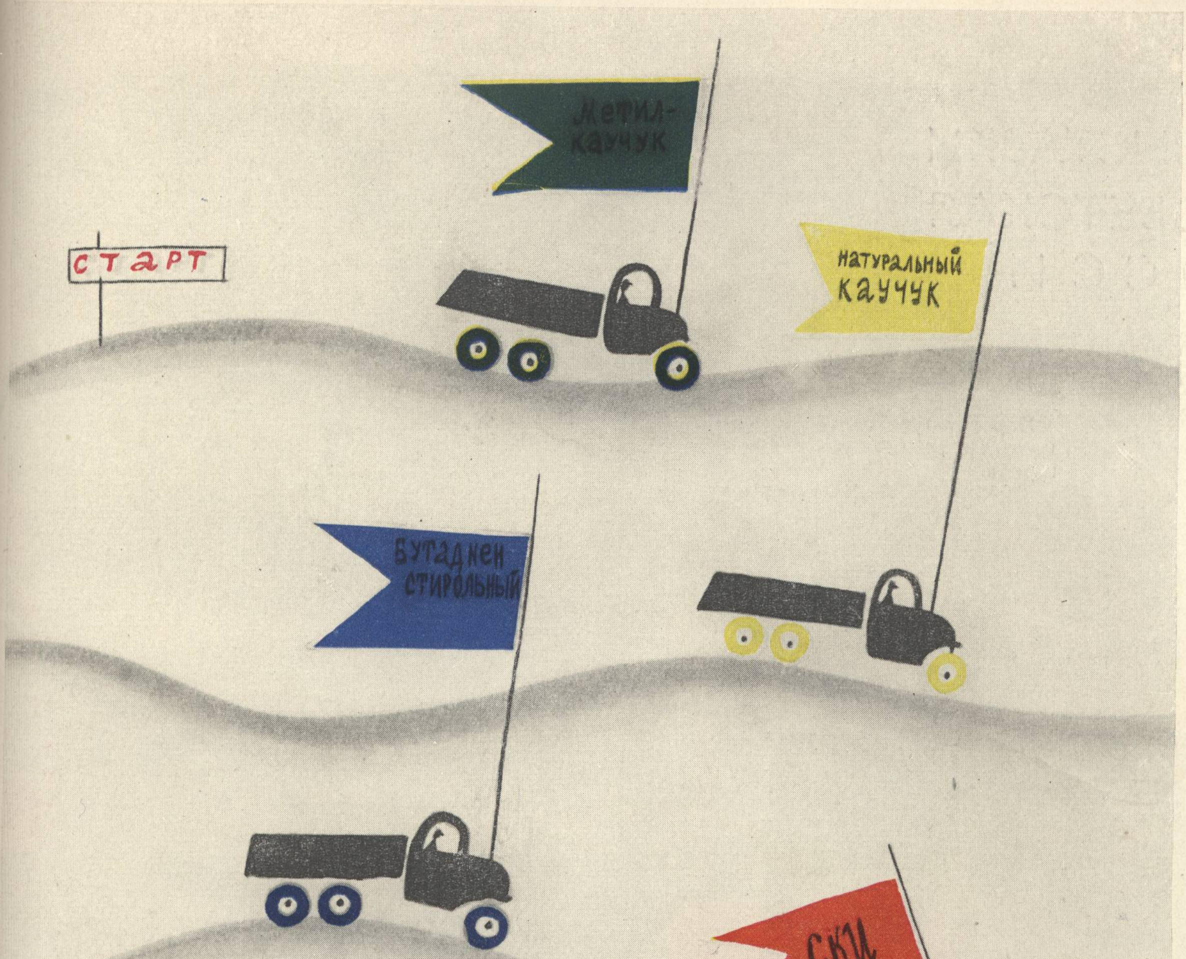

ЩЕНКИ

Купить здесь можно что угодно,
В сто голосов шумит базар.
Здесь каждый с видом очень гордым
Расхваливает свой товар.
Вдруг у прилавочного сруба
Из домотканого мешка
Упали, вытряхнуты грубо,
Три рыжеватые щенка.
Они не слышали ни разу
Базарный крик, и шум, и стук,
В блестящих пуговицах глазок
Застыл отчаянный испуг.
Совсем недавно мамой пахло
У их резиновых носов.
Забились в угол, как от палки,
Они от громких голосов.
— Купите, от цепной собаки,
Вот будут злые сторожа! —
Косятся на соседа бабки,
А у щенят хвосты дрожат.

Таня Антоненко

Судья махнул флажком, и начались необычные соревнования. Все грузовики одинаковы, но прошли они разные расстояния, потому что у них были разные «башмаки».

Подробнее об этом соревновании прочитайте в очерке И. Нехамкина «Вечные башмаки автомобилей».

Рисунок Б. Кыштымова.

С ВЫСТАВКИ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Портрет тувинских школьников Мангул Оол и Саян Кунгурова.
Л. Котляров.

Любочка-почтальон. В. Нечитайло.

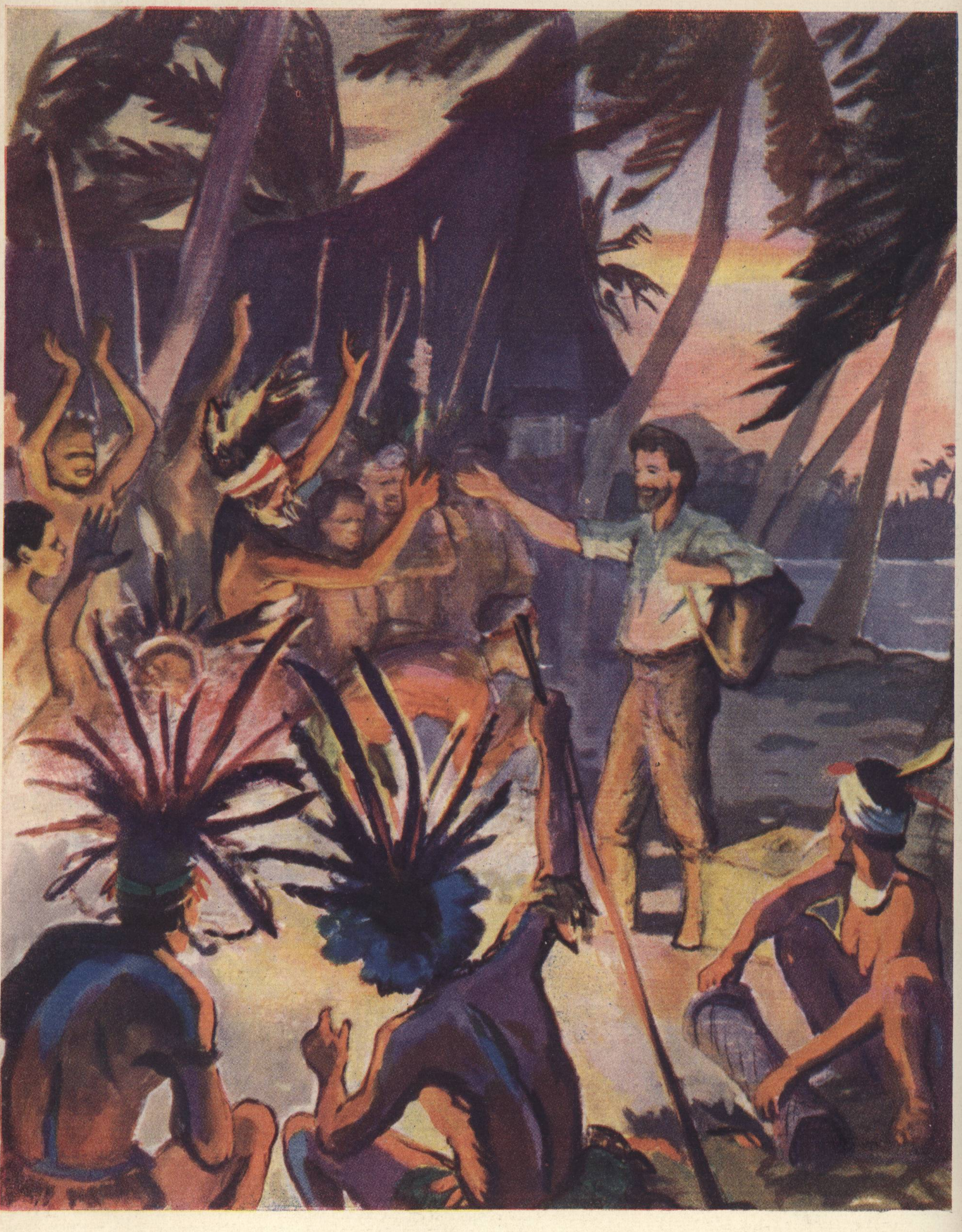
Уроки. Из серии «Дагестан». В. Цигаль.

Гроза прошла. В. Сидоров.

Смена. Из серии «На целинных землях». М. Ткачев.

«Маклай вернулся!». Рисунок П. Павлинова к повести Л. Тыняновой «Друг из далека».

Друг из далека

Л. ТЫНЯНОВА

Рисунки П. Павлинова.

В этом и в последующих номерах мы печатаем главы из второй части повести Л. Тыняновой «Друг из далека», посвященной жизни великого русского путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая. В первой части повести рассказано о детстве Миклухо-Маклая, о семье, из которой он вышел, о студенческих годах и первых путешествиях.

Молодым человеком (ему было 23 года) Миклухо-Маклай отправился на северо-восточный берег Новой Гвинеи, никем до той поры не исследованный. Папуасы, населявшие этот берег, воображали себя единственными жителями земного шара. Они слыли кровожадными людоедами. Миклухо-Маклай прожил среди папуасов год и три месяца. Своим необыкновенным мужеством, бесстрашием и в то же время добротой и мягкостью шаг за шагом завоевывал он доверие и любовь туземцев. Он сделался их другом, покровителем, врачом и советчиком. Он никогда не обманывал их, но помимо его воли ему приписывали необыкновенные свойства: считали, что Маклай может вызвать дождь, остановить землетрясение. Папуасы прозвали его «человеком с луны», потому что были твердо уверены, что необыкновенный гость явился на их остров прямо с луны.

В декабре 1872 года на русском военном клипере «Изумруд» он покинул Берег Маклая — так называлась теперь эта земля, на которую до него не ступала нога белого человека.

Следующие четыре года прошли в трудных и опасных путешествиях, в борьбе с мучительной тропической лихорадкой. На Яве он узнал из газет о намерении Англии занять половину Новой Гвинеи вместе с Берегом Маклая. Понимая, что колонизация неминуемо принесет гибель папуасам, он послал в Россию просьбу о помощи, а сам на шхуне «Морская птица» отправился к своим черным друзьям.

МАКЛАЙ ВЕРНЕТСЯ

Папуасы ждали Маклая. Четыре раза уже возвращалось время дождей и туманов, и четыре раза наступала пора зноя и засухи с тех пор, как большой корабль унес в море их друга. Но папуасы были спокойны, они ждали терпеливо.

— Балал Маклай худи — слово Маклая одно! — повторяли они.— Маклай обещал — значит, вернется.

Они были так спокойны, что даже перестали бояться врагов. Ведь если бы им грозила опасность, Маклай нашел бы способ добраться до их острова и защитил бы их. Он сказал, что не оставит их в беде. Быть может, он смотрит на их берег с луны, из своей России, видит, что все спокойно, и поэтому не торопится? Правда, за время его отсутствия несколько раз начиналось землетрясение — тангрин, но от него пострадали горные деревни, расположенные за горами Мана-Боро-Боро. А в Горенду и Бонгу лишь несколько больших деревьев унесло в море. Впрочем, Маклай никогда и не говорил, что может остановить тангрин, это они сами так думали.

Иногда кое-кто начинал сомневаться в том, что Маклай сдержит слово, но это были по большей части женщины, а они, как известно, склонны к слишком быстрым суждениям.

— Посмотри, наши внуки уже выросли, и мы с тобой стали стариками, а Маклая все нет, — с грустью говорила Тую его жена Каллоль.— Должно быть, у него на луне много друзей и он забыл про нас.

— Видно, ты такая же глупая, как и другие женщины,— спокойно отвечал ей Туй.— Или ты думаешь, что у Маклая нет никаких дел в его России? Он очень занят и потому не может приехать к нам, а закончит свои дела и приедет. Он сказал: «Я вернусь»,— но ведь он не говорил, когда это будет. И надо ждать.

Однако украдкой он с огорчением смотрелся в осколок зеркала и старательно выдергивал и замазывал черной глиной «куму» серебристые пряди, появившиеся в его густой шевелюре.

Да, конечно, время бежало быстро, нельзя было не согласиться с Каллоль. Старики старились, дети подрастали, юноши становились взрослыми. Сын Туя Лялай, когда-то угощавший Маклая пауком-кобумом, превратился в стройного, сильного юношу. А внук Туя — маленький Туй, который при Маклае едва ковылял, переваливаясь на кривых ножках, был теперь ловким, живым мальчиком, лазал по деревьям и помогал своему отцу Бонему в охоте и рыбной ловле.

Жизнь шла своим чередом. Но жизнь эта во многом отличалась от прежней. Начать с того, что у жителей прибрежных деревень появилось много вещей, о которых раньше они не имели никакого понятия. У них был теперь железный топор, который назывался «топор Маклай», и железный «нож Маклай», и «лопата Маклай». И только теперь они поняли, как неудобно пользоваться каменными топорами, ножами и лопатами и как трудно обрабатывать ими землю.

На их плантациях зрели теперь огромные, сочные, сладкие плоды, которых никогда раньше не знали папуасы и которые назывались «арбуз Маклай», «дыня Маклай», «тыква Маклай», потому что Маклай дал им семена этих плодов и научил выращивать их.

И когда на праздник приходили в прибрежные деревни люди из далеких мест, они слушали удивительные рассказы о «каарам-тамо» — белом человеке, спустившемся с луны прямо в Горенду и сделавшем столько добра для тамо Горенду, тамо Бонгу, тамо Били-Били.

— Так же, как и вы, мы не умели раньше обрабатывать землю,— говорили жители этих деревень своим гостям,— и земля наша не могла прокормить нас. Но вот пришел Маклай и дал нам железо. Он сказал нам: «О люди Горенду, люди Бонгу, люди Били-Били! Идите с моими топорами, с моими ножами на плантации, обрабатывайте ваши поля, выращивайте плоды и ешьте их. А ваши каменные топоры никуда не годятся, бросьте их в лесу».

И гости с восхищением пробовали вкусные плоды, с любопытством и завистью рассматривали бусы, пестрые платки, яркие ленты — подарки Маклая; любовались блестящими жестяными банками из-под консервов. Они пили кеу из прозрачных стеклянных бутылок, в которых, оказывается, гораздо лучше, чем в глиняных, сохраняется этот драгоценный напиток. А если бутылка разобьется, объясняли им словоохотливые хозяева, из нее получается много острых осколков, которыми брить бороды не в пример удобнее, чем бамбуковыми пластинками.

В Гарагаси по-прежнему стоял «таль Маклай» — дом Маклая. Кокосовые пальмы, посаженные хозяином, так разрослись, что дома почти не было видно. Папуасы бережно охраняли его, и лишь от одного врага не могли уберечь — от белых муравьев. Сваи и стены были так изъедены, что, казалось, стоило дотронуться рукой — и дом рухнет. Но двери были плотно закрыты и заложены крест-накрест бамбуковыми палками. Дом ожидал своего хозяина, который вернется, непременно вернется — в этом не было никакого сомнения!

Часто родители приводили в Гарагаси детей, которые были еще слишком малы, чтобы помнить Маклая, и рассказывали им о тамо билен — хорошем человеке, который жил в этом доме, и любил детей, и лечил их, и заботился о всех жителях их родного острова.

— Вы скоро увидите сами,— говорили они, — он приедет, и тогда мы построим для него новый дом.

Они подводили детей к огромному кенгару на котором еще держалась медная доска.

— Это дерево табу,— говорили папуасы своим детям,— на него нельзя лазать и нельзя дотрагиваться до этой доски, ее прибили тамо русс — друзья Маклая.

ОХОТА

Знойная, сухая пора подходила к концу. Приближалось время охоты — веселое время, наступления которого всегда с нетерпением поджидали папуасы.

— Пора! — торопили юноши.— Скоро ли мы будем жечь унан?

— Скоро, теперь уже скоро,— успокаивали их старики, обводя внимательным взглядом светло-зеленые поляны и склоны гор, покрытые высокой, в человеческий рост колючей травой-унаном.

Скоро унан станет совсем сухим, и тогда пламя пожара промчится по нему и выгонит из лесных убежищ диких свиней — буль, и рыжевато-серых кенгуру — тиболей, и пятнистых белых и черных кускусов — мабов.

Унан — друг папуаса. Он помогает ему не только в охоте. Не беда, что со щитом в руках приходится прокладывать себе путь в этой густой упрямой, колючей траве: не беда, что подчас исколото лицо, руки, ноги все тело. Зато унан — надежный защитник, если надо уйти от преследования врага. Упругие стебли поднимутся, сомкнутся над головой спрятавшегося, и примятой травы как не бывало. Врагу никогда не найти своей жертвы в светло-зеленом море унана.

И от палящего зноя унан укроет утомленного путника. Пригнуть его высокие стебли, лечь, и нигде, даже дома на собственной циновке, не спится так хорошо, как на этих жестких, пружинящих стеблях. А темной ночью — на суше или на море — зажженные пучки сухого унана подобно факелам освещают путь.

И вот уже в четвертый раз после отъезда Маклая вспыхнул унан. Его зажгли жители Горенду, Бонгу, Гумбу.

Из каждой деревни вслед за убегающим пламенем навстречу друг другу пестрой цепью шли охотники, по-праздничному разукрашенные. Перья казуара и райской птицы торчали в их густых шевелюрах, алые цветы китайской розы и желто-красные листья заткнуты были за ручные браслеты — сагю. С натянутыми луками, с копьями наперевес охотники медленно двигались по обгорелой земле, внимательно следя за направлением пожара. Пламя неслось по ветру, то взлетая вверх огромными языками, то змейками вилось по земле, оставляя за собой груды легкого пепла. Столбы буро-белого дыма высоко поднимались в воздухе, застилая небо, и лишь временами пелена дыма разрывалась, открывая вид на ближний лес и далекие горы. Сухой унан тре-

щал, вспыхивал, мелким дождем искр рассыпался в воздухе; пепел набивался в рот, в нос, в глаза.

В охоте принимали участие не только взрослые мужчины, но и мальчики. Держа наготове свои маленькие луки и копья, они жадно вглядывались в даль, готовые ринуться вперед при первом же появлении зверя. Здесь были сыновья Бугая, и младшие братья Лалу, и сын Саула, и внуки деда Вуа, и Лялай — младший сын Туя. Он был лучшим из юных охотников: не многие юноши так метко бросали копья или стреляли с берега в рыбу.

В этот день было убито несколько кенгуру-тибо-лей, и много мелких мабов-кускусов, и четыре дикие свиньи. Но все же охотников постигла неудача: они упустили самую завидную добычу. Огромный кабан ушел от преследования. Копья и стрелы летели ему вслед, когда он бежал по обгорелой поляне, вонзались в землю вокруг него, но он каким-то чудом миновал их. Наконец несколько стрел вонзилось ему в шею, копье задело бок, а он все бежал, не останавливаясь, оставляя на черной земле кровавые следы. Несколько раз он поворачивал к преследователям свою громадную черную морду и, глухо рыча, показывал страшные клыки. Так его и не догнали, он скрылся в чаще.

— О,— вздыхали охотники,— был бы с нами Маклай и его ружье, тогда бы этот кабан не посмеялся над нами и не удрал бы от нас! Он лежал бы мертвый, и мы резали бы его мясо для ночного ая.

Но все же ночной праздник ай состоялся. Не успело солнце опуститься за далекие горы, как из Горенду понеслись звуки барума, сзывавшие соседей на пир, так по обычаю завершалась охота. Юноши — малассы разжигали костры, в больших котлах варился бау и аян, куски свинины пеклись над огнем, сало шипело, трещало, зеленоватые брызги пламени рассыпались во все стороны, освещая лица собравшихся. Здесь были мужчины всех трех деревень — и охотники, и гости, пришедшие попировать вместе с ними, псесть вкусной свинины, запить ее зеленым кеу, полакомиться сладкими монкиля. Юноши подавали гостям все эти вкусные блюда: женщинам запрещено было даже подходить к пирующим, потому что самые звуки и пение ночного ая могут принести им и детям неисправимый вред.

Впрочем, эту музыку было трудно не слышать. Музыканты изо всей силы дули в длинные бамбуковые трубы, и многоголосые протяжные звуки, похожие на вой собачьей своры, разносились вокруг. Губные гармошки, сделанные из ореховой скорлупы, визжали, надрывая уши; били барабаны; гремели погремушки; пронзительно свистели бамбуковые флейты. И под этот невообразимый хаос звуков одни пели и танцевали, нетвердо держась на ногах; другие, утомившись, крепко спали, растянувшись на циновках; третьи, собравшись в кружок, вели задушевные беседы о птицах, о зверях, о звездах, о луне, о горестях и радостях, о врагах и друзьях, о Маклае.

Огромный кабан ушел от преследования.

— Маклай — это человек! — заплетающимся языком говорил дед Буа.— Помните, как он подстрелил буль боро — кабана, еще большего, пожалуй, чем тот, который сегодня удрал от нас! Маклай не побоялся, он подбежал совсем близко и воткнул ему нож в бок. Я сам видел, своими глазами! Конечно, может быть, Маклай и вовсе не может умереть, но, когда буль так страшно зарычит, любой храбрец испугается.

— Когда на меня напал на охоте дикий кабан, Маклай залечил мои раны,— сказал Саул.— Он не ленился каждый день приходить ко мне в Бонгу, хотя сам был болен и слаб. Он спас мне жизнь, я никогда не забуду этого!

— А разве мне он не спас жизнь? О Маклай, о Маклай! — завопил вдруг Туй и опрокинул в рот

горлышко бутылки, как будто хотел залить зеленым кеу горечь разлуки.

Так проходила ночь, душная, без единого ветерка тропическая ночь. Заря занялась на востоке, освещая остатки пира, спящих людей. Бледная, прозрачная луна еще висела на краешке неба, как будто и ей не хотелось покидать праздник.

«Маклай, может быть, ты смотришь с луны на своих друзей?»...

Погасли костры, умолкли утомившиеся музыканты, лишь изредка раздавались кое-где сонные возгласы, бормотание, храп, несложный мотив песенки: «бом-бом-марарe, горима-рима-рима...»

И вдруг... Или это только приснилось папуасам? Причудилось от выпитого кеу? Они ясно услышали свист — знакомый, долгожданный свист, отозвавшийся во всех сердцах.

Протирая глаза, вскочил на ноги Туй, за ним остальные. Свист повторился. Сомнений не оставалось: это был кин-кан-кан — свисток Маклая.

— О Маклай! — слабым голосом простонал Туй.— Ты вернулся! Скорее иди к нам, Маклай, мы так давно ждем тебя! — И он ринулся навстречу своему другу.

ЗДРАВСТВУЙ, ДРУГ!

Громко гремит барум в Горенду, далеко разносятся гулкие, частые удары. Что за тревога? Что случилось? Еще не кончился ночной праздник, а люди Горенду снова сзывают своих соседей! Уж не война ли? Не горцы ли напали на пирующих, и несчастные взывают о помощи? Быть может, началось землетрясение? Из Бонгу, Гумбу, Богатим людской поток устремляется в Горенду. Бегут мужчины, бегут женщины, бегут старики и дети.

Нет, это не война и не землетрясение! Из уст в уста передается радостная весть:

— Маклай вернулся!

— Маклай снова с нами!

— Э-аба, Маклай! Здравствуй, друг! Здравствуй, брат!

Десятки рук тянутся к Маклаю. Женщины приветствуют его, пожимая левую руку и выражая этим высшую степень доверия. Женщинам и детям не полагается присутствовать на празднике, но тут уж не до правил: Маклай вернулся!

Люди обнимают друг друга, плачут от радости, смеются.

— Я знал, что ты вернешься к нам, Маклай!— Слезы текут по черным, морщинистым щекам Туя.— Моя жена Каллоль не верила, но я говорил ей: «Он вернется, слово Маклая одно — балал Маклай худи!».

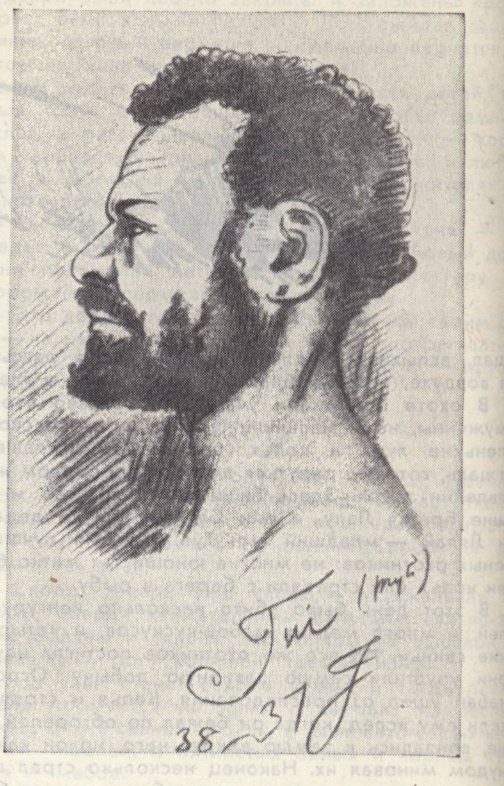
— Да, Туй говорит правду! Я думала, что ты забыл нас среди друзей в твоей России.— Старая Каллоль долго трясет Маклаю руку, и радость светится в ее добрых глазах.

— Нет, я не забыл вас, я давно вернулся бы к вам, если бы не болезнь. Ведь я так и не был еще на своей родине, хотя, поверьте, очень соскучился по родным и друзьям. Что поделаешь: мне кажется, я здесь нужнее.— Последние слова он произносит, отвечая скорее собственным мыслям, чем старой Каллоли.

— Где стоит твой корабль, Маклай?

— Мы не видели дыма, мы жгли унан, и дым пожара заслонил от нас небо и море.

— Где твои спутники, русские люди,— тамо русс? Почему они не пришли вместе с тобой на наш праздник?

Туй, папуас из деревни Горенду.

Туй, мальчик 9—10 лет.

Рисунки Миклухо-Маклая.

— Или ты не на корабле приплыл к нам? Может быть, ты опять спустился с луны на наш остров?

— Нет, я не спустился с луны,— ответил Маклай.— Я приплыл к вам на шхуне «Морская птица».

— Морская птица! — возглас удивления проносится по толпе.— Вы слышите: Маклай прилетел к нам на птице!..

— Морская птица принесла его к нам прямо с луны!

— К сожалению, это не птица, а обыкновенная и довольно дрянная шхуна,— отвечает Маклай, — и командует ею один очень плохой человек, шкипер О'Киф. Кроме шкипера, на шхуне есть еще много плохих людей — тамо борле, и я постараюсь, чтобы они как можно меньше времени провели на вашем острове. Принадлежит эта шхуна англичанам, и русских людей на ней нет.

Спасибо вам, милые друзья мои,— продолжает Маклай,— что вы ждали меня, верили мне и не забыли меня. Я рад, что вижу вас живыми, здоровыми. Ты немного постарел, Туй, но это не беда, ты стал даже красивее. Бонем, Лалу, Саул, Бугай — все старые знакомые! Каин, и ты здесь! Как там у вас на Били-Били?

— Били-Били, Били-Били! — радостно повторяет Каин и кивает головой. Он очень польщен, что Маклай помнит его.

— Посмотри, Маклай, ты узнаешь, кто это? — Молодая женщина сажает Маклаю на руки девочку лет четырех.

Он растерянно держит ребенка.

— Ведь это Мария! — с гордостью говорит женщина.— Ты назвал ее так, и мы с мужем гордимся этим. Мария — очень умная девочка.

— Мария? Да, в самом деле...— Он вспоминает, что незадолго до отъезда ему пришлось дать имя новорожденной. Родители настойчиво просили его об этом. «Назови ее каким-нибудь русским именем,— говорила мать.— Это принесет ей счастье!» И он назвал ее Марией.

И вот теперь Мария сидит на руках у чужого дяди и громко ревет, скривив свои толстые губки. Удивительно ли! Ведь ей впервые приходится видеть такое белое лицо и такие белые руки, как у этого дяди.

— Не надо реветь... Маша, мы еще с тобой подружимся.— Маклай передает девочку матери.

— Лялай! Ты ли это? Старый приятель! Да какой же ты стал молодец! — С искренним восхищением он оглядывает стройную фигуру мальчика.— А это Туй? Маленький Туй на кривых ножках? Вырос-то как! Просто не узнать. И ноги прямые!

— Однако что же вы все замолчали? Рассказывайте, рассказывайте скорее! Я хочу знать, как вы жили здесь без меня? Все ли у вас благополучно? Не было ли войны, землетрясения?

Обстоятельно и подробно папуасы рассказывают о важных событиях, происшедших за время их разлуки. Старый Моте умер, и Калеу умер, у Бугая умерла жена, у Лако — ребенок. Все это грустные новости, и не следовало бы вспоминать о них в такой веселый день. Но Маклай должен знать все — и плохое и хорошее. Нет, враги не нападали на их деревни, должно быть, они боялись Маклая. А вот землетрясение было, и за горами Мана-Боро-Боро было немало убитых и раненых. А в Горенду только несколько больших деревьев упало в море.

— Это ты о нас позаботился, да, Маклай? Если ты захочешь, ты ведь можешь остановить тангрин, не правда ли? — Они заглядывают ему в глаза. Неужели Маклай и теперь не сознается в своем могуществе?

Но Маклай не собирается вводить в заблуждение этих доверчивых взрослых детей.

— Нет,— разочаровывает он папуасов.— Я не могу остановить тангрин, так же как прекратить дождь или заставить ветер дуть в другую сторону. А вот от людей я постараюсь защитить вас, черные друзья мои. Я буду бороться за вас, буду бороться вместе с вами, лишь бы хватило сил.

Папуасы доверчиво кивают головами, хоть и не могут понять, о каких людях толкует Маклай. Должно быть, о врагах — о тамо борле. Но теперь, когда Маклай с ними, им нечего бояться, он защитит их, он не даст их в обиду.

СОВЕРШЕННО СЛУЧАЙНО

И вот Николай Николаевич снова житель Новой Гвинеи. Дом в Гарагаси стал непригоден для жилья. «Таль Маклай» стоит теперь в Бугарломе — на маленьком пустынном мыске близ деревни Бонгу.

Снова, как в былые времена, в «таль Маклай» тянутся вереницы посетителей. У каждого неотложные дела. Кому нужен гвоздь, кому — бутылка, кому — консервная банка, у кого болит нога, кому необходимо пожаловаться на соседа или жену, а кому просто хочется поболтать с Маклаем. Они идут к нему, уверенные, что он все рассудит и во всем разберется по справедливости. Как будто он лишь вчера расстался с ними, как будто не было четырех лет разлуки.

И Николай Николаевич разбирает ссоры, лечит больных, раздает подарки. Он всматривается в дружеские, приветливые лица и вспоминает о том времени, когда на каждом шагу встречался с недоверием и подозрительностью, когда одно неосторожное слово могло привести к гибели. А теперь ему кажется, что после долгих странствий он вернулся наконец домой, к друзьям, к близким. На душе у него спокойно, и даже тропический климат больше не тревожит его. Он вовсе не удивлен, когда при температуре выше двадцати градусов папуасы дрожат всем телом и греются возле своих переносных печей. Ему самому странно, что такая погода в Петербурге казалась теплой.

«Поистине я становлюсь настоящим жителем тропиков»,— замечает он про себя.

Дом в Бугарломе больше и удобнее, чем в Гарагаси. В нем два этажа. В верхнем — спальня Николая Николаевича и веранда. В нижнем — кабинет, препаровочная и склад припасов. Комнаты для слуг и кухня — в отдельной хижине рядом с домом. Ящики из-под книг и медикаментов превращены в шкафы. Пол устлан китайскими циновками. Возвращаясь после далеких, утомительных экскурсий, Николай Николаевич с удовольствием отдыхает в своем уютном доме, который он ни за что не променял бы на самую удобную европейскую квартиру.

Вокруг дома посажены кокосовые пальмы, на открытой площадке зреет кукуруза, тыквы, бананы, мангис, папайя, арбузы. Уход за всей этой плантацией непосилен для Николая Николаевича и его слуг. Поэтому время от времени с веранды «таль Маклая» несутся звуки гонга, оповещающие соседей, что Маклай нуждается в их помощи. И жители Бонгу охотно приходят на зов и присылают женщин — нангелей, которые теперь не боятся Маклая, а работают лучше своих мужей. Зато при сборе урожая Маклай щедро дарит им плоды и семена для их собственных плантаций.

Соседство с Маклаем вызывает постоянную зависть жителей других деревень. Время от времени к нему являются делегации с предложением переехать в ту или иную местность. А жители селения Айру на острове Били-Били построили для Маклая дом, и он с удовольствием ночует и живет по нескольку дней в этом прохладном, полутемном доме.

Соседи сопровождают Маклая во время далеких экскурсий в глубь острова и помогают ему сговариваться с населением. Диалекты разных местностей

очень отличаются друг от друга. Маклай, изучивший язык прибрежных деревень, нуждается в переводчике, попадая в далекие селения.

В иных местах еще ничего не знают о белом человеке и со страхом встречают его. Тогда переводчики с большой охотой разъясняют им, что это и есть тот самый Маклай, тамо русс, тамо боро боро — высший из всех начальников, который спустился на их остров с луны и поселился по соседству с людьми Бонгу. Они хвастают необыкновенным могуществом своего друга, превозносят его достоинства и советуют потрясенным слушателям непременно посетить «таль Маклай», чтобы убедиться в правдивости их рассказов и своими глазами посмотреть на необыкновенные вещи, окружающие белого человека. И нередко любопытные хозяева, недолго думая, собираются в путь и провожают гостя до самого дома.

...Время идет — день за днем, месяц за месяцем. Николай Николаевич рассчитывал пробыть на Новой Гвинее всего лишь полгода. Он уговорился с представителем торговой фирмы Шомбургом, что шхуна, которая в сентябре — октябре по делам фирмы направится на острова Агомес, зайдет за ним на берег Маклая. Но проходит полгода, год, вот уже скоро полтора года, а шхуны все нет. Каждый день он ждет ее, ждет и в то же время боится ее прихода, потому что работа так интересна, что приходится дорожить каждой минутой. Дни кажутся короткими, и почти никогда не удается к вечеру закончить то, что начато утром. Порою начинает казаться, что ничего лучшего нельзя и желать. Правда, запас провианта, рассчитанный на пять — шесть месяцев, давно уже кончился, и пришлось перейти на пищу папуасов. Понемногу приходит к концу и запас необходимых вещей: бумаги, чернил, перьев, карандашей. Ничего не поделаешь, придется придумать замену.

Итак, время идет — в работе, в походах, в заботах о доверчивых, простых людях, которые окружают его и которые так нуждаются в его защите. Отношения с туземцами теперь наилучшие, но все же, изучая их обычаи, обряды, приходится преодолевать немалые трудности. Для того, чтобы узнать что-нибудь новое, нужно непременно прийти «случайно». Стоит только предупредить о приходе — и все меняется. Лишь притворившись глубоко равнодушным, Николаю Николаевичу удается наблюдать жизнь туземцев. По полшага, по четверть шага, утомительно медленно движется он, то под видом безразличия, то хитростью добывая крохотные частички интересующих его наблюдений, поставив за правило верить только своим глазам.

И вот — это происходит постепенно — ни одно радостное и ни одно печальное событие не обходится без Маклая. «Совершенно случайно» он с толпой своих приятелей-мальчишек спешит на свадьбу и, сидя в ряду самых почетных гостей, пирует на свадебном пиру, запивая мутным кеу вкусные кушанья.

А когда короткие, отрывистые удары барума возвещают, что кто-нибудь умер, Маклай «случайно» оказывается в толпе, которая спешит к дому умершего, откуда уже несутся причитания и вопли женщин. Удивительные похоронные представления развертываются перед его глазами: пантомимы горя и отчаяния, разыгрываемые вдовою, вдовцом или ближайшими родственниками; траурные пляски; заупокойные речи и песнопения; воинственные крики, удары топора по деревьям, как бы направленные против смерти и выражающие высшую степень беспомощности и печали.

— «Аламо-амо» — уже солнце село,— поет муж, сраженный кончиной жены.— Уже солнце село, а она все еще спит. Уже стемнело, а она все не приходит. Я зову ее, но она не отзывается. «Аламо-амо», «аламо-амо»...

И вместе с родными и близкими, друзьями и знакомыми Маклай в знак траура мажет себе лоб черной глиной.

— Ты чтишь память наших покойников,— говорят ему растроганные папуасы.— Ты человек хороший — тамо билен. Спасибо тебе, Маклай!— И от всей души они крепко пожимают его левую руку.

— Недаром у нас говорится: левая ближе к сердцу,— шутит он, отвечая на эти рукопожатия.

Но чем дольше живет Николай Николаевич среди папуасов, чем больше сближается с ними, тем все чаще и чаще посещают его невеселые размышления об их будущей судьбе. Удастся ли сплотить папуасские племена в одно целое? Папуасы еще смутно представляют себе грозящую им опасность. Много труда надо потратить, чтобы убедить их в этом. Не окажет ли он плохую услугу туземцам, облегчив своим знанием страны, обычаев, языка доступ сюда европейцев?

«А если рассматривать вторжение белых как неизбежность в будущем,— спрашивает он себя,— кому отдать предпочтение — миссионерам или торговцам?»

И он приходит все к тому же выводу: ни тем, ни другим. Ни тем, ни другим, потому что первые под видом просвещения занимаются, в сущности, тем же, чем вторые. Их доводы известны. «Темные расы,— говорят они,— должны исчезнуть, как низшие, более слабые, и уступить место высшей, более сильной белой расе».

Между тем существование различных рас вполне соответствует законам природы, и у них должны быть одинаковые права. Против истребления первобытных народов обязан протестовать каждый честный человек.

НЕ ХОДИ В ГОРИМУ, МАКЛАЙ!

Коды-Боро был самый почтенный, самый уважаемый человек в деревне Богати. Оттого его и звали Коды-Боро, а не просто Коды. Без его совета не решались никакие дела. И дом у него был самый большой в деревне, а в этом доме часто бывали гости: Коды-Боро был гостеприимный хозяин. Само собой разумеется, что среди гостей самым почетным был Маклай. Когда он приходил в Богати, непременно навещал Коды и часто оставался у него ночевать. Николаю Николаевичу нравился этот спокойный человек с доброй улыбкой и уверенными, неторопливыми движениями. Они были давнишними приятелями и любили беседовать друг с другом. Одним лишь Коды порою досаждал Николаю Николаевичу: он вбил себе в голову, что непременно должен женить Маклая. Он то и дело подбирал для него самых красивых девушек в деревне и при случае норовил завести длиннейший разговор о достоинствах каждой. К уверениям, что Маклай жениться не собирается, он относился с недоверием: значит, невеста не по вкусу! Ну что ж, подыщем другую!

В этот вечер, возвращаясь из далекой экскурсии, Николай Николаевич зашел в Богати. Он решил здесь переночевать, а завтра с рассветом до наступления жары добраться до дому.

Он сидел на скамье у хижины Коды-Боро, на деревянном блюде дымился перед ним картофель-дегарголь, вареный бау, сладкий мунки-ля — великолепный ужин для усталого путника. Сам хозяин, сидя на пороге, внимательным взглядом следил за гостем: по вкусу ли ужин? Не подать ли еще чего-нибудь? Не хочет ли гость выпить немного кеу?

Нет, гость был всем доволен. Он отдыхал, любуясь торжественной красотой июльского вечера. Солнце огромным пылающим шаром быстро опускалось за далекие горы Мана-Боро-Боро, освещая пурпурным светом их суровые вершины, верхушки деревьев, выцветшие, побелевшие от солнца крыши из пальмовых листьев. Только что повеяло прохладой, и, казалось, вся природа радовалась наступавшему вечеру. Птицы летели на ночлег. Как разнообразен их многоголосый хор! Николай Николаевич различал в нем все больше и больше знакомых голосов: гортанный, переливчатый рокот диких голубей; заунывный стон кукушки дум, неуклюжей птицы с небольшими крыльями и длинным хвостом — она плохо летает и предпочитает бегать по земле, как курица; короткий резкий крик быстролетающих попугаев — лори; громкий, неприятный голос черного какаду; зловещий шум полета огромной птицы-носорога, которая выбирает для ночлега верхушки самых высоких деревьев; жалобная, мелодичная песенка райской птички коко. «Коко-ниу-кеу, коко-ниу-кеу»,— поет она свою колыбельную.

Вот и теперь Николай Николаевич едва не уснул, убаюканный ее пением. Сквозь дремоту он слышал, что кто-то произнес его имя. Он приоткрыл глаза, на пороге по-прежнему сидел Коды-Боро, а рядом с ним его старший сын Ур. Они беседовали вполголоса, жевали бетель. До слуха Николая Николаевича доносились лишь отдельные слова, да и те разобрать было трудно. Но вот Коды снова назвал его имя, и тревога прозвучала в его голосе.

«О чем это они? — подумал Николай Николаевич и тотчас же успокоил себя: — Должно быть, Коды опять принялся за сватовство и беспокоится, что невеста не понравится».

Дремота прошла, он чувствовал себя отдохнувшим. Пока еще не совсем стемнело, можно было занести на карту вершины хребта Мана-Боро-Боро. В этот вечер они были особенно ясно видны. Лучше всего сделать это с другого конца деревни. Заодно он повидается с жителями, побеседует с ними. Он давно не был в Богати.

— Ты куда, Маклай? — Коды-Боро схватил его за руку и тревожно заглянул в глаза.— Только в Гориму не ходи, прошу тебя!

— Да я и не собираюсь в Гориму,— удивился Николай Николаевич.— Я буду у тебя ночевать, а завтра утром вернусь домой.

— Это хорошо,— успокоившись, сказал Коды.

— Постой, постой,— заинтересовался Николай Николаевич,— а отчего мне не ходить в Гориму?

Коды нахмурился, помолчал, а потом нехотя процедил сквозь зубы:

— Люди Горимы борле — плохие люди.

— Почему ты так думаешь? — По лицу своего приятеля Николай Николаевич сразу понял, что не так легко будет добиться ответа.

Сын Коды Ур сидел на пороге и кивал головой, желая показать, что он во всем согласен с отцом.

— Ну, мы еще поговорим об этом,— небрежно заметил Николай Николаевич. По опыту он знал, что, не настаивая, легче узнать правду.

В деревне горели костры, весело потрескивали сухие ветки, в воздухе стоял запах жареного, печеного, пряного — папуасы готовили ужин.

Николай Николаевич переходил от одного костра к другому. Всюду были знакомые лица, все были искренне рады гостю.

— Поешь аяна, Маклай!

— Попробуй, какой вкусный буам!

— Отведай кале!

Когда Николай Николаевич вернулся, Коды-Боро еще не спал. Он хлопотал у гаснувшего костра, гремел посудой и мурлыкал песенку.

Гори-има-рима-рима-рима,
О-о-о-о, е-е-е-е!
Гори-има-рима-рима-ри-има...
И так без конца.

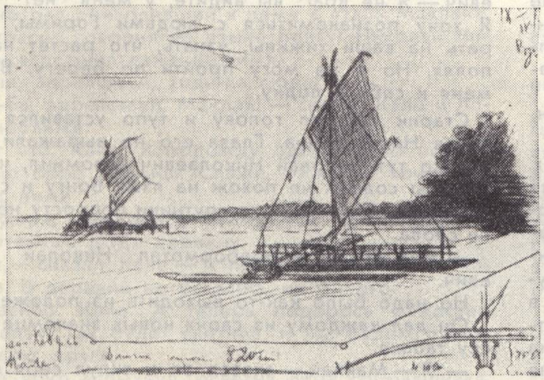
— Входи, входи, Маклай,— сказал он приветливо.

Николай Николаевич прошел на отведенную для гостей половину, разделся и лег на нары.

— Коды, поди сюда! — позвал он.

Песенка оборвалась, и голова Коды-Боро показалась в дверях.

— Подойди поближе. Сядь сюда,— Николай Николаевич показал скамью рядом с собой.

Парусные лодки.

Хижина Миклухо-Маклая в Гарагаси.

Рисунки Миклухо-Маклая.

Коды покорно сел.

— Ну, теперь выкладывай. Отчего люди Горимы скверные?

Коды медлил с ответом. Разговор этот, видимо, был ему неприятен.

— Если ты мне не скажешь, я вернусь домой, возьму шлюпку и поеду прямо в Гориму.

— О, Маклай, не делай этого! — взмолился Коды.— Поверь мне, люди Горимы плохие, они могут убить тебя.

— Что ты знаешь о них? О чем тебе рассказал Ур?

Коды вздохнул. Разве можно скрыть что-нибудь от Маклая! Все равно он узнает. Да и надо ли скрывать то, о чем рассказал отцу Ур?

— Хорошо, Маклай,— сказал Коды,— я скажу, но обещай, что будешь осторожен.

— Обещаю. Говори все, что знаешь.

— Так вот, слушай: сегодня Ур ходил к родителям своей жены в деревню Мале, и там он встретил жителей Горимы. Ур слышал, как они говорили: люди Бонгу глупые, давно могли бы убить Маклая и забрать его вещи. Все знают, как много хороших вещей в доме Маклая. А теперь двое людей из Горимы хотят приехать в Бугарлом, убить Маклая и увезти с собой вещи. И вот Ур пришел ко мне и сказал: надо предупредить Маклая. Я и прошу тебя, не ходи в Гориму. Быть может, в Бугарлом они не придут. Ведь они боятся твоего ружья.— Коды замолчал, потом прибавил, немного смущаясь: — Пожалуйста, пусть никто не знает о нашем разговоре. Люди Горимы — борле, они будут мстить Уру.

— Даю тебе слово. Однако скажи мне, как зовут этих двух «смельчаков» из Горимы?

— Имя одного — Абуи, другого — Малу.

— Спасибо, Коды. Вот возьми табак, я принес его для тебя. И ложись спать, уже поздно. Будь спокоен, никто не убьет меня и никто не посмеет тронуть Ура.

Коды-Боро взял табак и ушел на свою половину. Вскоре из-за бамбуковой перегородки послышался его мирный храп.

А Николай Николаевич долго еще не мог уснуть. Рассказ Коды скорее огорчил его, чем напугал. Вероятнее всего это была просто болтовня. Но болтовня опасная. Она могла оказать скверное влияние на более близких соседей. «Зачем нам дожидаться, пока люди Горимы заберут вещи Маклая, мы лучше сделаем это сами!» — так могут рассудить люди Бонгу. А ведь казалось, что теперь, после столь долгого знакомства, уже не должно быть таких недоразумений.

«Завтра же отправлюсь в Гориму»,— решил он, засыпая.

С первым криком петуха он был уже на ногах. Настроение было бодрое, от вчерашней усталости не осталось и следа. В предрассветном сумраке едва вырисовывались предметы, составлявшие незатейливое убранство хижины. Коды-Боро безмятежно похрапывал за перегородкой. Стараясь не шуметь, Николай Николаевич оделся, уложил вещи в ранец и перевязал его крест-накрест белой ниткой — это означало, что до возвращения хозяина никто не должен прикасаться к нему. Позавтракав остатками вчерашнего ужина, захватив с собою несколько кусков холодного бау и одеяло, сопровождавшее его во всех походах, он вышел из дома.

Деревня еще спала. На земле чернели следы вчерашних костров. У хижин, растянувшись, спали собаки.

«Ох, сейчас залают, переполошат всю деревню!»

Но, видно, у собак вчера тоже был утомительный день. Одни так и не проснулись, другие, приоткрыв сонные глаза, посмотрели на Николая Николаевича и, сладко потянувшись, продолжали прерванный сон.

Никто из жителей не встретился ему по дороге и только старый Калеу, чинивший лодку на морском берегу, окликнул его.

— Куда ты идешь, Маклай?

— К реке Киор,— отвечал Николай Николаевич. Ему и вправду предстояло переправиться через эту реку, и он был рад, что не пришлось лгать. А говорить о Гориме ему не хотелось.

Он пошел по берегу моря, потом свернул в лес. Несколько раз сбивался с пути, пробираясь по путаным тропинкам. Возвращался и снова шел дальше. Солнце палило невыносимо. По пояс в воде он перешел вброд Киор, потом другую, более мелкую речку. Башмаки промокли, разбухли: по острым камням, которыми было усеяно дно, невозможно было ступать босыми ногами.

Было уже далеко за полдень, когда показались вдалеке белые крыши хижин. Деревня Горима была расположена на небольшом мыске. Но, увы, пробраться туда по топкому, заросшему мангровыми деревьями берегу нечего было и думать. Можно было только обогнуть мысок с моря. Для этого нужна была лодка...

Николай Николаевич долго стоял в раздумье. Досадно было возвращаться назад, проделав такой трудный путь. Он внимательно огляделся. Местность была пустынная, не было заметно никаких следов человека. И вдруг на песчаном берегу он увидел пустую пирогу. Должно быть, хозяева были где-нибудь поблизости. Он решил ждать. И действительно, вскоре послышались голоса, и из леса вышли старик и двое юношей. Удивление, растерянность, страх отразились на их лицах, когда возле своей пироги они увидели незнакомого да еще вдобавок белого человека. Они открыли рты, едва подавив крик, а потом все разом бросились обратно в лес.

— Остановитесь, остановитесь, я вам не сделаю ничего дурного! — закричал Николай Николаевич.— Вы из Горимы?

Только услышав название своей родной деревни, они остановились. Старик поднял голову кверху и на несколько мгновений застыл в этой позе. Был ли это утвердительный или отрицательный ответ, кто знает?

— Я иду в Гориму,— продолжал Николай Николаевич.— Я не враг: вы видите, у меня нет оружия. Я хочу познакомиться с людьми Горимы, посмотреть на ваши хижины, узнать, что растет на ваших полях. Но я не могу пройти по берегу. Возьмите меня к себе в лодку.

Старик опустил голову и тупо уставился на Николая Николаевича. Глаза его не выражали ничего. Только тут Николай Николаевич вспомнил, что язык Горимы совсем не похож на язык Бонгу и соседних деревень. Старик и его спутники попросту не поняли ни слова.

— Вот досада,— пробормотал Николай Николаевич.

Но надо было как-то выходить из положения.

Он дал каждому из своих новых знакомцев по куску табака.

— Я — Маклай,— сказал он и ткнул себя пальцем в грудь.— Слышали? Мак-лай! Отвезите в Гориму.— Знаками он показал на себя, на пирогу, на деревню.

Старик снова поднял голову кверху. На этот раз это, видимо, означало согласие.

Пирога была быстро спущена на воду. Плыли долго — оказалось, что до Горимы далеко. Солнце опустилось уже совсем низко, когда пирога причалила к берегу. Жители издали увидели белую шляпу и белую куртку незнакомца. Волнение охватило

их. Они подбегали к морю, возвращались в деревню, снова бежали на берег. Наконец застыли в ожидании.

Между тем гость спокойно вылез из пироги, дал своим спутникам еще по куску табака и направился в деревню. Толпа последовала за ним. На площадке перед хижинами горели костры: готовился ужин. Тут только Николай Николаевич почувствовал голод. Он показал пальцем на рот и похлопал себя по животу. Папуасы поняли: желудок гостя пуст, надо накормить его ужином. Очень скоро перед ним появилось деревянное блюдо-табир с горячим таро. Он принялся за него с каким-то ожесточением.

Но вот ужин закончен. Пора думать о ночлеге. Ночевать на открытом воздухе небезопасно — как бы не начался приступ лихорадки.

Абуи и Малу взвалили свой подарок на плечи и отправились в путь.

Николай Николаевич положил руку под голову и закрыл глаза.

— Горима,— сказал он.

И папуасы поняли: гость хочет остаться ночевать в Гориме. Они повели его к хижине — буамрамра.

Все устраивалось как нельзя лучше. Оставалось только поговорить начистоту с жителями Горимы. Однако как это сделать с помощью знаков? Где найти переводчика? Неожиданно в окружающей его толпе мелькнуло знакомое лицо. Это был папуас, несколько раз приходивший к нему в «таль Маклай». Он прекрасно говорил на языке Бонгу! Николай Николаевич вспомнил даже его имя.

— Кале, здравствуй, ходи-ка сюда!

— Эа-ба, здравствуй, Маклай! — сказал Кале и подошел поближе.

— Вот что, Кале. Я подожду здесь, а ты позови всех тамо боро Горимы. Скажи, Маклай хочет говорить с ними.

Кале ушел, и вскоре у буамрамры собрались самые почтенные люди деревни.

— Вот,— сказал Кале,— я привел к тебе всех тамо боро. В деревне не осталось ни одного.

— Спасибо, Кале. А теперь подбрось в костер сухих щепок. Так будет светлее, и мы будем лучше видеть друг друга.

Костер ярко вспыхнул, осветив лица собравшихся. Это были люди пожилые. Они с интересом поглядывали на гостя, ожидая объяснения, зачем потревожил он их в такое неурочное время.

Николай Николаевич сел на скамью возле костра. Кале встал рядом с ним и приготовился переводить. Но вот беда: Николай Николаевич вдруг забыл, как зовут тех двух туземцев, ради которых он пришел в Гориму. Сам себе удивляясь, он быстро перелистал записную книжку — хорошо, что после рассказа Коды он записал их имена.

— Здесь ли Абуи и Малу? — спросил он спокойным голосом.

Несколько мгновений туземцы молча переглядывались друг с другом. Потом вышел вперед бородатый старик и сказал:

— Вот Абуи.— Он показал рукой на высокого широкоплечего папуаса.— А Малу не пришел.

— Позовите Малу!

— Малу, Малу! — пронеслось по рядам.

Кто-то побежал в деревню, и через несколько минут явился Малу.

— Абуи и Малу,— сказал Николай Николаевич,— подойдите сюда!

Медленно, неохотно они подошли к костру. Абуи был средних лет, с горбатым носом и редкой бородкой. В ушах у него болтались большие черепаховые серьги. Малу был помоложе и поменьше ростом. Перья казуара, воткнутые в густую черную шевелюру, придавали ему воинственный вид.

— Сядьте.— Николай Николаевич показал им место рядом с собою, у самого костра. Папуасы недовольно поежились, но все же сели.

— А теперь слушайте все, зачем я пришел к вам. Вчера я был в Богати и узнал, что два человека из Горимы хотят убить меня. Их зовут Абуи и Малу. И вот я пришел посмотреть на них.— Он пристально взглянул на каждого, и они отвернулись, встретившись с ним взглядом.

— То, что они задумали, очень дурно,— продолжал он.— Ведь я никогда ничем не обидел ни Абуи, ни Малу, да и вообще никого из вас. Вот это я и хотел сказать вам. А теперь я лягу спать. Я шел из Богати целый день и очень устал. Если Абуи и Малу действительно хотят убить меня, то пусть они это сделают ночью, пока я буду спать. Потому что завтра с рассветом я уйду из Горимы.

Николай Николаевич вошел в хижину, лег на нары и, завернувшись в одеяло, закрыл глаза. Он и в самом деле очень устал и хотел спать. Сквозь сон он слышал возгласы и разговоры, в которых не раз упоминалось его имя.

«Кажется, мои слова произвели впечатление»,— подумал он, засыпая.

Солнце уже вовсю светило сквозь бамбуковые стены, когда Николай Николаевич проснулся.

— Цел и невредим,— сказал он и для достоверности потрогал голову, руки, ноги.

Он вышел из хижины, и первый человек, которого он увидел, был давешний его недруг Абуи. Он сидел на земле у порога и ждал. Рядом с ним лежала почтенных размеров свиная туша. При появлении Николая Николаевича он поспешно вскочил и знаками объяснил, что свинью эту принес в подарок гостю и что он, Абуи, очень просит принять от него этот дар в знак дружбы. А ввиду того, что свинья очень тяжелая, он и Малу сами отнесут ее в Богати.

Вскоре явился и Малу. Приятели взвалили на плечи бамбуковую палку, к которой за ноги была привязана свиная туша, и процессия двинулась в путь.

Дойдя до Богати, Абуи простился и вернулся домой, а Малу непременно пожелал проводить гостя до самого дома.

Таков был благополучный конец этой печально начавшейся истории, которая долго потом передавалась из деревни в деревню, из уст в уста, прославляя храбрость Маклая — человека с луны.

(Продолжение следует)

ДВА БИЛЕТА НА

Ю. АЛЕШКОВСКИЙ

Из-за дождей я и Петька целую неделю не могли съездить на озеро. Но вчера утром он разбудил меня и крикнул:

— Едем! Погода!!

Я быстро оделся, положил бутерброды в Петькин нейлоновый пакет, и мы выбежали на улицу. До вокзала мы шли босиком по теплым лужам. Последние пузыри отражали нас и удивленно таращились, совсем как бычьи глаза.

Около пригородных касс я неуверенно сказал Петьке:

— Может, возьмем билеты?

Он посмотрел на меня так, что я стал переминаться с ноги на ногу, как будто стоял перед учителем. Я даже разозлился на себя. Чего я трушу? Одни мы, что ли, поедем без билетов?

Конечно, я немного трусил, но главное, я помнил, как мой отец сказал мне: «Это — мелкое воровство!» Совсем недавно я ехал в троллейбусе без билета и попался. Контролер из детской комнаты милиции позвонил отцу. Я пришел домой, и он сказал: «Это — мелкое воровство!»

Петька добродушно похлопал меня по спине:

— Ладно. Все равно вагоны сейчас полупустые. А если хочешь, купи себе один билет,— добавил он ехидно.

Я уныло подумал, что один билет я, конечно, не куплю. Я не успел понять, почему, но почувствовал, что сделать это так же невозможно, как не поделиться с Петькой бутербродом.

Однако хитрющий Петька догадался, что я борюсь с самим собой, и сказал:

— На озере купим крем-соды. Ты любишь крем-соду?

У меня даже защекотало в горле: так я люблю эту шипучую воду.

— Главное, не трусь. У меня есть система. Ты читал про рыбку-лоцмана, которая перед акулой плавает?

— Ну, читал...

— Вот мы и найдем себе лоцмана. То есть «зайца». И будем за ним следить. Как только покажется контролер, лоцман побежит в другой вагон — и мы за ним. Только солидно, по-акульи, понял?

Мы уже подходили к платформам, но я рассмеялся, до того неожиданной и забавной показалась мне Петькина «система».

Когда мы подошли к электричке, я заволновался и пугливо посмотрел по сторонам. Петька сказал:

— Чего ты вертишься? Иди спокойно, как будто у тебя сезонка.

Мы проходили мимо новеньких зеленых вагонов. Я с тоскливой завистью заглядывал в окна. Пассажиры читали, ели мороженое, обмахивались платками, откинувшись на спинки сидений, и просто разговаривали друг с другом. А какой-то толстый гражданин, высунув в окно синеватую бритую голову, блаженно и часто дышал. Он взглянул на меня и почему-то улыбнулся, словно говорил:

«Вот я какой счастливый! Билет я взял! Не простой билет, а туда и обратно. Уф! Уф!»

Петька все время молчал. Я со злостью сказал ему:

— Нечего выбирать вагон. Теперь все равно. Пошли в этот.

Петька остановился и промямлил:

— Может, возьмем?.. А?

На лице его уже не было выражения храбрости и презрения. Оно стало беспомощным и очень честным. Но тут я не удержался. Я мстительно захохотал, я заплясал на платформе и сказал сквозь зубы:

— О! Теперь-то мы не возьмем. Я тебе покажу акул и лоцманов. Пошли!

Я прыгнул на площадку и вдруг на полу прямо перед собой увидел два желтых, с большими черными цифрами «5» билета.

Они лежали рядышком и были такими ровными, ни капельки не смятыми и чистыми, что я мгновенно сообразил: сегодняшние! Действительны!

Петька сказал шепотом: «Ура, ура!» — и сразу же вбежал в вагон и занял место у окна.

Я поднес оба билета к глазам. Маленькие дырочки проколов стали голубыми на фоне неба. Они обозначали дату выдачи билетов. «Сегодняшние! Действительны!» — радостно сказал я про себя и тоже зашел в вагон. Но как только я взглянул на

ЭЛЕКТРИЧКУ

Рисунки Ф. Лемкуля.

пассажиров, сердце у меня екнуло. Я покраснел и остановился в проходе.

Я подумал: «Надо было перейти в другой вагон. Ведь люди, потерявшие билеты, едут в этом вагоне. Может быть, вон те девушки с книжками? Или устало вздремнувшие парни? А может, высокий строгий старик и бабушка в темных очках? Или двое военных? Кто же? Ведь наверняка люди, потерявшие билеты, едут в этом вагоне.»

Я взглянул на Петьку. Удобно устроившись, он уже не обращал на меня внимания и наклеивал на слегка порванную пятерку белый бумажный лоскуток. В ту минуту я ненавидел Петьку за все его плутовские системы. Только назло ему, хотя мне очень не хотелось этого делать, я крикнул на весь вагон:

— Кто потерял два билета?

Дремавшие парни вздрогнули и полезли в карманы. Ничего не сказав, они снова задремали. Одна из девушек встряхнула книжку над скамейкой и облегченно вздохнула. Бабушка в темных очках что-то сказала строгому старику. Он презрительно улыбнулся и закрыл глаза. Наверно, это означало, что он не допускает даже мысли о потере билетов. А Петька, схватившись за голову, раскачивался из стороны в сторону. Я понял, что он проклинает меня. Какая-то тетенька загремела бидонами. Потом она сказала:

— Никто не потерял. Старые, небось. Садись, сынок.

У меня отлегло от сердца. Я сел напротив Петьки. Он со злостью вырвал у меня билеты и положил их в карман. Лицо его снова стало храбрым. Он развернул нейлоновый пакет и сказал:

— Люблю есть в поезде! Ничего не может быть вкуснее! Ты будешь?

Я сказал:

— Не буду. Ты тоже не будешь. Съедим на озере.— И положил пакет на дюралевую полочку.

Петька посмотрел на военных, сидевших невдалеке, и не стал спорить. А мне вообще не хотелось разговаривать.

Я и не заметил, как тронулась электричка. Она шла тихо-тихо, почти неслышно и слегка покачивалась, как будто разминалась.

За окном мелькнул дом путевых обходчиков, огромный снегоочиститель, окрашенный в оранжевый цвет. А фонари стрелок казались мне квадратными ромашками с желтым кружком посерединке. Они росли, как на лугу, на привокзальных путях.

Мы ехали в моторном вагоне. Моторы ровно жужжали: «Ууу»,— как будто электричка говорила: «Ууух! Как здорово!» И правда, это было здорово—чувствовать на плечах скорость разгона. На секунду я даже зажмурился от удовольствия.

Земля за окном завертелась, и вдали белые дома заводского поселка казались макетиками на зеленой подставке, совсем как на строительной выставке. А когда мы проезжали мимо ТЭЦ, две огромные трубы косо откинулись, словно падали против хода электрички.

Вдруг Петька ударил меня по коленке:

— Смотри!.. Вон лоцман... В тамбуре...

Я сел рядом с Петькой. В тамбуре стоял наголо остриженный парень в форме ремесленника. Фуражку он держал в руках и курил, внимательно всматриваясь в проход следующего вагона.

Петька заерзал на сиденье.

— Смотри, как он волнуется! Точно, без билета. Трус несчастный... Но это лоцман! Такого лоцмана не каждая акула имеет. Лоцман первый сорт! Если пойдут контролеры, он бросится в другой вагон. И мы за ним.

Я удивленно сказал:

— У нас же есть билеты.

Петька перешел на свой любимый заговорщицкий шепот:

— Все надо проверять на практике. Я докажу, что с лоцманом можно проехать без билета. Пусть будет по-настоящему. Все надо проверять на практике. Правда?

Я уныло кивнул, хотя и чувствовал, что Петька совсем не прав. Только для того, чтобы доказать ему это, у меня, как всегда, не хватило времени.

Ремесленник заметил, что мы за ним следим, и заволновался пуще прежнего. Он то и дело оборачивался, часто затягивался сигареткой и метался по тамбуру, как загнанный заяц. Вдруг он застыл на месте, низко пригнул голову, словно решил отчаянно защищаться, и с вытаращенными от страха глазами, тяжело дыша, бросился бежать через наш вагон.

Петька схватил меня за руку. Я хотел вырваться и сказать, что у нас есть билеты, но он тянул меня, цепкий, сильный, и я побежал сам, потому что пассажиры уже подозрительно поглядывали на нас. На ходу Петька сказал:

— Лоцман первый сорт!

Мы следом за «лоцманом» вбежали в соседний вагон. «Лоцман» неожиданно сел на скамейку, а я и Петька лицом к лицу столкнулись с высоким пожилым контролером в синем кителе. Ремесленник покраснел, надулся, схватился за живот и, показывая на нас пальцем, противно захохотал: «Гыы-ы!» Потом он достал из кармана сезонку и снова захохотал, растягивая рот до ушей.

Старушка, похожая на учительницу, сказала:

— Дурацкий смех!

Ремесленник замолчал, а мы с Петькой тупо смотрели друг на друга и не могли сдвинуться с места.

Все же я, не глядя на контролера, сел на скамейку напротив того самого толстяка, который блаженно дышал, высунувшись из окна, когда мы шли по платформе. Он читал газету. Я пригнулся и стал рассматривать карикатуру на последней странице, хотя меня так и подмывало броситься на Петьку, схватить его за грудки и трясти и спросить:

«Почему ты вечно втягиваешь меня в приключения? Почему все твои «системы» действуют наоборот? Почему? По-че-му? Отвечай!».

Петька присел рядом. Я бы не удержался, если бы взглянул на него. Я прочел фразу над карикатурой: «Премьер-министр Японии Киси предает интересы своего народа»,— и, чтобы отвлечься, подумал: «Слово «премьер-министр» надо было поставить в кавычки. Потому что какой же он премьер-министр, если предает интересы своего народа...»

Потом я спросил Петьку:

— Ну что, лоцман показал контролеру билет?

Петька сказал:

— Угу... смотри... там заваруха...

Налево от нас розовощекий старичок в белом костюме и в панаме что-то объяснял контролеру. Контролер пожимал плечами. Старичок громко, очень вежливо и твердо сказал:

— Я кристаллически честный человек. Я видел, как Толя подошел к кассе и взял билеты. Он положил их в карман. Поверьте мне. Я кристаллически честный человек. Толя, поищи еще раз.

Контролер спросил худощавого тонкогубого мальчика:

— Может, выронили, когда доставали платок?

Мальчик заныл: «Да-а-а» — и разревелся.

Старичок сказал:

— Не верите? — продолжал Петька, сделав героическое лицо,— честное пионерское, мы нашли их! Честное пионерское!

Контролер взял билеты, внимательно проверил их и снова усмехнулся, посмотрев на Петьку. Потом спросил старичка:

— До какой станции едете?

— До Покровской,— ответил старичок.

Контролер еще раз усмехнулся, сказал: «Так, так» — и взъерошил Петькин рыжий чуб. А старичок пожал его руку.

— Безусловно, я заплачу штраф. Но дело не в этом.— Голос его задрожал, когда он обратился ко всем пассажирам.— Я кристаллически честный человек!

Я подумал: «Как это кристаллически?» А мальчик заревел еще громче. В этот момент Петька вскочил с места, подбежал к старичку и сказал:

— Вот ваши билеты! Мы нашли их на площадке.

Контролер добродушно усмехнулся.

— Я очень благодарен. Очень. Вы кристаллически честный человек.

Я не мог при этом не улыбнуться и злиться на Петьку почти перестал. Все же он хороший парень! Петька кивнул в мою сторону. Старичок подошел и тоже сказал мне дрожащим голосом:

— Большое спасибо. Вы кристаллически честный человек.

Лицо у старичка было розовое и доброе, а глаза голубые-голубые, и мне стало обид-

но, что на самом деле я не кристаллически честный человек.

Старичок подошел к переставшему реветь мальчику:

— Толя, ты растяпа. Встань и скажи спасибо этим ребятам.

Толя не встал, но сказал злым и кислым голосом:

— Спасибо.

А ремесленник притворился спящим.

Петька стоял рядом с контролером. Контролер подозвал меня. Я подошел, и он сказал:

— Идите за мной.

Стараясь не смотреть на пассажиров, мы шли за контролером через весь состав в головной вагон.

Петька шепнул мне:

— Неужели не простит? Мы же поступок совершили. Благородный же поступок... А?

Я молча показал Петьке кулак.

Мы зашли в головной вагон. Контролер открыл дверь служебного помещения, и я как вкопанный встал на пороге.

Прямо на нас неслись две сверкающие полоски рельс. Черные шпалы друг за дружкой летели под электричку. Я подбежал к окну рядом с кабиной машиниста, и мне показалось, что это край пропасти, что электричка стоит на месте, а полосатые столбики, деревья по обеим сторонам пути, железные фермы светофоров, и рельсы, и шпалы мчатся с огромной скоростью нам навстречу.

Мы с Петькой прильнули к стеклу, совсем забыв о билетах и о молчаливом контролере. Потом контролер незаметно подошел сзади и шутливо столкнул наши затылки. Мы обернулись.

Он сказал:

— Значит, вы действительно безбилетники? Зайчики, значит? А я думал: вот это ребята! Свои билеты отдали, выручили старичка.

Петька шмыгнул носом. Контролер улыбался. Я сообразил: «Наверно, набрал много штрафов. Поэтому и рад...»

Контролер сказал:

— А вы знаете, что, кроме вас и старичка с этим плаксой, в поезде больше нет безбилетников?

— Как старичка?! — спросили мы в один голос.

— А вот так. У них не было билетов. Плакса не растяпа. Он простой обманщик. Подошел к кассе и сделал вид, что берет билеты. Деньги проест на мороженое.

— Вот это да! — восхищенно сказал Петька, увидев в этом основные черты новой «системы». Правда, он тут же добавил: — Вот это негодяй! Но как же вы узнали?

— Проверил билеты в остальных вагонах. У одного парня с девушкой их не оказалось. Дали мне честное слово, что потеряли. Едут они до Грибной. Это в пятой зоне. Старичок едет до Покровской. Это в третьей. Дело в том, что билеты, которые вы нашли...

— Пятая зона там была! — перебил я контролера.

— Вот-вот. Такие-то дела. Вы на озеро? — спросил контролер.

— Ага... купаться,— ответил Петька.

— Вам сходить на следующей. Поедете обратно — садитесь на поезд 16.44. В первый вагон. Тогда-то мы и поговорим о зайчиках.

Я подумал: «Сейчас он скажет: «Мелкое воровство». Контролер этого не сказал. Может быть, он понял, что нам и так очень стыдно.

Мы с Петькой не оправдывались. Мы стояли и молчали, пока электричка не остановилась. Когда мы вышли, контролер сказал:

— А плакса-то каков? Старичка не хочется расстраивать. Пока, ребята. Помните, 16.44!

Электричка тронулась. Я крикнул:

— Спасибо!

Мы с Петькой ждали, когда мимо нас пройдет вагон, в котором ехал старичок с хитрым мальчишкой. Мальчишка стоял у окошка и ел мороженое. Он позеленел от злости, показал язык с прилипшей к нему вафлей и держал его высунутым, пока вагон шел вдоль платформы.

Петька хотел плюнуть в окно, но удержался. Ремесленник, увидев нас, сделал «рожки». Мы ему тоже.

— Мы бы справились с ним вдвоем? — спросил Петька.

— Котлету сделали бы! — сказал я мрачно.

Вдруг Петька схватился за голову, закачался и заныл:

— Ты забыл бутерброды с котлетами, с сыром, с колбасой! О-о!

Я действительно забыл бутерброды на полке, когда мы побежали в другой вагон. Петька чуть не плакал:

— Когда приезжаю за город, я сразу хочу есть...

Я сказал:

— Это от воздуха. Сам во всем виноват. Перетерпишь.— Мне его стало жалко. Все же он хороший парень! —Купишь булку вместо крем-соды. А когда приедем на вокзал, диктор объявит по селектору:

«Копенкин Петр. Зайдите в кабинет начальника вокзала. Вас ожидают потерянные бутерброды с котлетами, сыром и колбасой. Их нашел кристаллически честный человек».

Петька проглотил слюнки.

Мы посмотрели в сторону озера. Над полем и березовой рощицей курилась синяя жаркая дымка, а над озером не курилась, потому что в нем было много ключей и даже июльское солнце как следует не согревало чистую озерную воду. И как только мы подумали о ней, нам стало жарко-жарко. Захотелось окунуться и плыть под водой, а потом вынырнуть, лечь на спинку и долго смотреть на синее низкое небо. Петька сказал:

— Бежим. Ты прав. Я куплю булку.

Я ответил:

— Как хочешь! Я все же выпью крем-соды.

Петька не стал меня переубеждать, и мы наперегонки побежали к озеру.

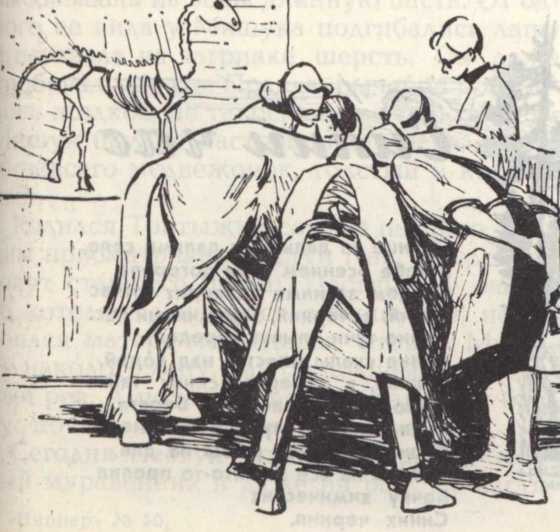
САВРАСКА ПЕРЕСТАРАЛСЯ

Рассказ Г. ЧЕРНОВА.

Рисунок Е. Медведева.

Как-то в ветеринарном институте появился небольшой, неказистый на вид конек саврасой масти. Предназначался он для практических занятий студентов.

Во время занятий будущие ветеринарные врачи без конца заглядывали Савраске в рот, прощупывали ноги, выслушивали и выстукивали грудную клетку—словом, делали с конем все то, что предстояло им делать в будущем с различными животными.

Савраска был очень покладистый. Он терпеливо и безропотно позволял делать над собой все, что студентам было угодно, и, будучи от природы сметливым, решил даже пойти навстречу молодым ветеринарам.

Подходит, скажем, студент с зевником— рот у Савраски смотреть, а тот с полной готовностью сам его раскрывает: изучайте, мол, ребята, не стесняйтесь, и зевника мне не нужно.

Протягивает студент руку— хочет ногу прощупать у коня, а тот сам ее уже протягивает и понимающими такими глазами смотрит.

Вначале поведение догадливого коня забавляло студентов, но потом они задумались: разве на практике, в производстве, будут такие «ученые» кони? Нет, там зачастую придется иметь дело со строптивыми животными, применять силу и сноровку, а тут как этому научишься?

Конь сам рот открывает, сам ногу подает... Нет, такой конь не годится для практических занятий! Пришлось обменять перестаравшегося Савраску на более строптивого коня.

Т. БЕЛОЗЕРОВ

Утро на реке

В дальний край издалека
День и ночь течет река.
Хорошо здесь утром рано!
В предрассветной тишине
Грузам кланяются краны,
Чуть качаясь на волне.
Над водою кружат птицы,
Просыпаются гудки,
Пахнет рыбой и пшеницей,
Пахнет лесом
От реки.

Шкипер

Вот шкипер дедушка Пахом,
А вот его плавучий дом.
Гудит буксирный пароход,
Натягивая трос,
И дед швартовы отдает
Проворно, как матрос.
Теперь к штурвалу на корму —
Не то на мель снесет!
Рули, послушные ему,
Ровняют баржи ход.
Вдали широкий, ровный плес.
Безмолвье. Тишина.
Чуть-чуть скрипит ветряк-насос
Да плещется волна.
Покинул шкипер рубку,
Раскуривает трубку.
В прохладных трюмах едет груз
Такой на этот раз:
К арбузу спелому — арбуз,
Для каждого из вас!

Ремонт

Пароход дает гудок
Затяжной —
прощальный,
На ремонт заходит в док
После рейсов дальних.
Контролеры, мастера
Прибыли с завода.
Ходят, словно доктора,
Возле парохода.
Вот пробоина, смотри,
Сорваны заклепки.
Наспех вбиты изнутри
Буковые пробки.
Видно, этот пароход
В бури потрепало!
Он лежит, ремонта ждет,
Мокрый
И усталый.
Капитан его потрогал
И сказал ему любя:
— Подожди, родной, немного,
Скоро вылечим тебя.
И запахло в доке илом.
Словно всплыло дно реки:
Вся команда в ход пустила
Швабры,
Метлы
И скребки.
Кто недавно был радистом,
Превратился в маляра.
Ржавый руль матросы чистят,
Гнут железо повара.
Брызжут искры газосварки,
Вьется шов, струится дым.
От такой работы жаркой
Стало судно
Молодым.
Молодым, здоровым,
Снова в рейс
Готовым!

Синий час

Солнце за дальними далями село,
В небе осеннем заря догорела.
Следом за ними приходит тотчас
Синий, вечерний, задумчивый час.
Синие тучи плывут чередой,
Синие скалы блестят над водой,
Сонная, в сумерках синих тайга
Глухо шумит, заслонив берега.
Синие птицы снуют в тишине,
Синими кажутся рыбы на дне.
Словно на все это кто-то пролил
Бочку химических
Синих чернил.

Рисунки В. Цельмера.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИШКИ-ТОПТЫЖКИ

Юрий КАЧАЕВ

Рисунки Э. Булатова.

Сказка-быль

По лесу вторые сутки на цыпочках ходил дождь. Он тихонько шуршал в траве и ронял в ручей сотни серебряных гвоздиков. Мишук знал, что в ручье живет старая-старая зеленая щука. Она давно переловила мелких рыбешек и теперь питалась неизвестно чем. Наверное, глотала лягушек. Мишук побаивался близко подходить к ручью: мало ли что взбредет на ум зубастой ведьме! Иногда он издали бросал в ручей кедровые шишки и видел, как щука высовывала из воды длинную пасть. От одного ее вида у Мишука подгибались лапы и вставала на загривке шерсть. Он даже пробовал рычать. Правда, рычание получалось жидкое, не такое, как у отца. Но ведь Мишук был не настоящий медведь, а всего-навсего медвежонок, толстый и косолапый.

Родился Топтыжка совсем недавно, и за ним присматривал Пестун (так у медведей зовут старшего брата). Пестуну не очень-то хотелось нянчиться с Мишуком, но он боялся матери-медведицы. Стоило Мишуку наколоть лапу, как он поднимал отчаянный рев. А попадало всегда старшему брату: почему недоглядел за малышом?

Сегодня Пестун спокойно грабил мокрый муравейник и даже ни разу не взглянул на Мишука: все равно, мол, в такую погоду никуда не денется. И пока старший братец, причмокивая, уплетал муравьев, Мишук решил сбегать в гости к барсучатам. Их нора находилась совсем рядом, в овраге, который густо зарос шиповником и смородиной. Никто бы и не догадался, что там живут смешные маленькие зверьки, похожие на поросят. Но Мишук бывал у них частенько и поэтому хорошо знал дорогу. Он подбежал к оврагу и хотел уже было съехать вниз, как вдруг увидел Ирбея — большого одноглазого орла. Орел был такой древний, что помнил даже прадедушку Мишука. Когда он родился, то сосна на краю оврага была еще просто колючей метелкой. Потом она выросла и стала очень высокой. Чтобы увидеть ее верхушку, Мишук каждый раз так задирал голову, что терял равновесие и падал на спину.

Вот на этой сосне и сидел Ирбей. Он, должно быть, летал далеко и теперь отдыхал, зажмурив единственный глаз.

— Пугну-ка я старика, вот смеху будет!—решил Мишук и неслышно подкрался к сосне. Взобраться на нее было нелегким делом, и Мишук от усердия даже живот расцарапал. Когда до вершины остава-

лось совсем немного, сбоку вдруг раздался хриплый голос:

— Рразбойник! Рродителям ррасскажу— выпоррют!

Мишук от неожиданности чуть не свалился вниз. Повертев головой, он увидел знакомую ворону Карри.

— В кровь выпоррют прроказника! — пообещала ворона и улетела.

А Мишук посмотрел, не проснулся ли Ирбей, и полез дальше. Потому что он считал себя ужасно умным и никого не слушался.

Наконец Мишук подобрался к самой вершине, изловчился и — раз! — схватил Ирбея за желтую морщинистую лапу. Старый орел вздрогнул и расправил огромные крылья. Не успел Мишук ахнуть, как Ирбей снялся с сосны. Мишук завизжал бы, но горло забило ветром.

А орел все набирал высоту, и тайга внизу, под Мишуком, казалась уже сплошным зеленым омутом. Мишук с закрытыми глазами болтался на когтистой лапе орла и тихонько скулил. Он думал почему-то о Пестуне, которому здорово влетит от матери. Мать будет искать Мишука и плакать на весь лес. А Мишук уже никогда не вернется к родному ручью.

Трудно сказать, сколько времени Мишук летел. Он цеплялся за орла до тех пор, пока не ослабели лапы. Держаться становилось все труднее. Тело ныло от усталости, и Мишуку стало безразлично, разобьется он или нет. Вспомнив последний раз о матери, Мишук всплакнул и выпустил лапу Ирбея. Он хорошо помнил, что перевернулся в воздухе много раз и что падать было совсем не страшно.

«Вот и все»,— мелькнула у медвежонка коротенькая мысль, но тут он шлепнулся во что-то холодное и мокрое. Над головой сомкнулся прозрачный голубоватый туман.

«Вода!» — догадался Мишук и заработал всеми четырьмя лапами. Вынырнув из воды, он фыркнул и зажмурился — такое яркое и чистое было небо. Недалеко виднелся берег, и Мишук доплыл до него довольно ловко, хотя плавать его никто не учил. Зверям это дано от рождения.

Выбравшись на берег, Топтыжка отряхнулся, огляделся и тяжело вздохнул: место кругом было вовсе не знакомое. Кроме того, медвежонок только сейчас понял, что ему страшно хочется есть. У берега росла трава с узкими и острыми листьями. Мишук вырвал целый пучок и стал жевать. Но трава оказалась такой горькой, что у Мишука свело челюсти. Потом он попробовал съесть какой-то корень. Корень ему тоже не понравился.

Мишук поскреб в затылке и поплелся вдоль берега в надежде найти что-нибудь съестное. Шагов через двадцать он наткнулся на небольшую лужу, отгороженную от реки тонким перешейком. Мишук обошел ее кругом и хотел было отправиться дальше, как вдруг увидел в луже пучеглазого окуня с черными полосами на боках. Окунь забрел сюда, наверное, в половодье да так и остался, когда вода уже схлынула. Не долго думая, Мишук ринулся в лужу. Но окунь попался проворный и хитрый. Пока вода в луже была светлой, он метался из стороны в сторону и увертывался как мог. А потом со дна поднялась муть, и окунь где-то притаился. Медвежонок терпеливо ждал, пока ил осядет, и все повторялось сначала. После трех неудачных попыток Мишук понял, что из этой затеи ровным счетом ничего не выйдет. Вымокший и несчастный, он опять побрел вдоль берега.

«Хоть бы ягодку какую найти»,— думал Мишук, слушая, как бурчит в животе.

И вдруг он увидел несколько больших рыб. И даже не в луже! Эти толстые, сверкающие чешуей рыбы лежали в крохотном водоеме, из которого вода почему-то не выливалась. Когда Мишук на рысях подлетел к рыбам, они не подумали удирать. Это немного озадачило Мишука, но он так хотел есть, что рассуждать не стал, а просто схватил самую крупную рыбину и сунул ее в рот.

В тайге, у быстрой и студеной реки, работали лесорубы. Бригадиром у них был

Илья Матвеич, бородатый и широкоплечий дядька. Звали его по отчеству — Матвеичем. Бригада Матвеича заготовляла лес для гидростанции, которая строилась в низовьях реки.

Лесорубы валили деревья, очищали их от сучьев и скатывали к берегу. У берега на чистой воде из бревен сбивали плот. С утра и до позднего вечера, когда уже начинала падать роса, над рекой стоял перестук топоров и веселый гомон лесорубов. Вот и сегодня работа затянулась до сумерек, а Матвеич все еще не подавал команды к отбою. Наконец над вырубкой прокатился его зычный голос:

— Кон-ча-ай!

«А-ай-ай!» — отозвались привольные речные плесы. Где-то с ближней заводи со свистом поднялись крохали и помчались вверх по течению, как маленькие катера.

Лесорубы попрятали в кустах пилы и гуськом двинулись к своей стоянке. Матвеич шел впереди. Когда до палаток оставалось не больше тридцати шагов, бригадир вдруг остановился как вкопанный.

— Братцы, да к нам гость пожаловал!

Лесорубы столпились вокруг Матвеича и сразу увидели непрошеного гостя. У ведра со свежей рыбой стоял взъерошенный, перемазанный илом медвежонок и за обе щеки уплетал ужин лесорубов.

— Ну и гусь! — громко сказал Матвеич, но медвежонок даже ухом не повел, будто рядом упала обыкновенная еловая шишка.

— Мешок, ребята! — понизив голос, скомандовал Матвеич.

Федя Бунтиков, веснушчатый стриженый парень, скользнул в палатку и вернулся с рогожным мешком.

— Сейчас мы его накроем, — сказал он шепотом.

К медвежонку подкрадывались всей артелью. Изредка под ногами лесорубов хрупал камень. Тогда Матвеич грозил неосторожному кулаком и делал страшные глаза. А медвежонок, ничего не подозревая, продолжал расправляться с рыбой. И только когда споткнулся и упал Федя Бунтиков, Мишук обернулся. С минуту лесорубы и медвежонок обалдело смотрели друг на друга. Первым нашелся Федя Бунтиков. Он протянул руку с мешком и противным голосом позвал:

— Цып-цып!

Медвежонок вытаращил глаза.

— Да хватайте же его. — стонал Матвеич. — Растя-апы!!

Кто-то выхватил у Феди мешок и побежал к медвежонку. А Мишук спокойно доел рыбину, вздохнул и склонил голову набок. Он будто раздумывал: «Может, прикончить еще одну?»

Решить этот вопрос Мишук не успел, потому что лесоруб накинул ему на голову мешок. Медвежонок заворчал, забарахтался, хотя от сытости ему не хотелось даже пальцем шевельнуть. Освободиться он так и не смог. Несколько дюжих рук мигом засунули его еще глубже в мешок и завязали снизу веревкой. Мишук для виду повозился минуты две, потом зажмурился и крепко уснул.

Проснулся Топтыжка оттого, что в глаза ему все время лезло солнце. Сквозь сладкую дрему он чуть-чуть приоткрыл одно веко и увидел что-то синее и сверкающее. Мишук здорово удивился. Зевнув, он открыл оба глаза и повертел головой. Сверкающая синева окружала его со всех сторон. А внизу, под Мишуком, были бревна. Толстые, в намокшей пахучей шкуре, бревна тяжело ныряли на волне и с кряхтеньем терлись друг о друга. И от этого запах сырой коры становился еще сильнее.

А мимо пролетали берега. Мишук смотрел на них долго, пока не закружилась голова. И тут сзади раздался веселый голос Матвеича:

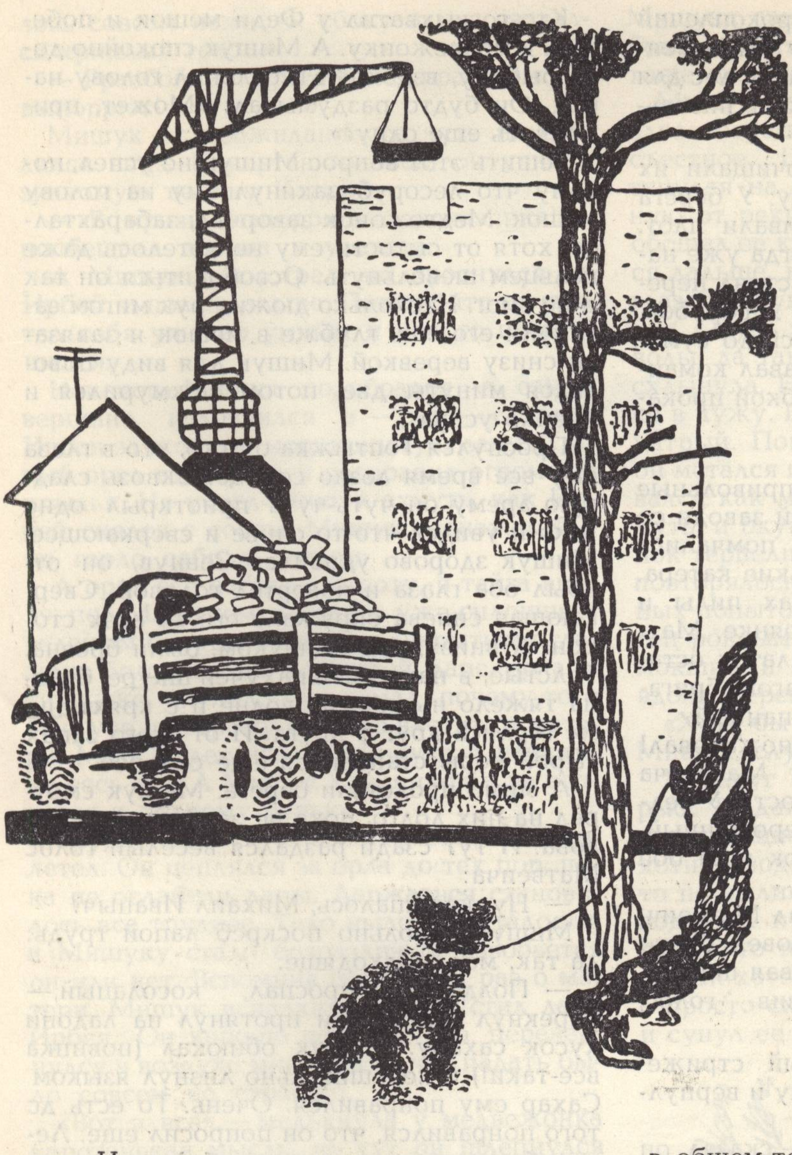
— Ну, как спалось, Михаил Иваныч?

Мишук довольно поскреб лапой грудь: да так, мол, подходяще.

— Полдороги проспал, косолапый, — упрекнул Матвеич и протянул на ладони кусок сахару. Мишук обнюхал (новинка все-таки!) и нерешительно лизнул языком. Сахар ему понравился. Очень. То есть до того понравился, что он попросил еще. Лесорубы засмеялись и наперебой стали угощать его сахаром. Мишук не стеснялся, брал у всех. Но Федя Бунтиков сказал, что так нельзя и что он займется воспитанием Мишука. Результат воспитания был печальный. Когда плоты подходили к месту назначения, Мишук был самым избалованным медведем на свете. Правда, зато он умел ходить по бревну на задних лапах и показывать, как медведь объелся меду. Но еще лучше он умел попрошайничать.

* * *

Город был совсем новехонький, молодой — чуть постарше Мишука, — и насчитывал он всего четыре улицы. Но зато какие улицы! Широкие и ровные — по струнке, они ослепительно сверкали асфаль-

том. И по их сторонам стояли вековые златокорые сосны, не то что жалкие кустики в старых городах, которые только что начали озеленять. А дома! На них любо было взглянуть: светлые, без единого пятнышка, с громадными окнами, залитые солнцем и запахом смолы.

По улицам то и дело проносились самосвалы, груженные белым и красным кирпичом, проходили люди в рабочих спецовках; алея галстуками, пробегали ребятишки. Новый город рос на взгорье, а пониже, у берега реки, тоже копошился людской муравейник: там строилась гидростанция.

Если сказать честно, то Мишук изрядно заробел, глядя на всю эту публику. Но виду не показывал, держался строго и по сторонам не глазел. Лесорубы пришли в контору, где сидел светловолосый скуластый человек, инженер Коротков. У инженера было грустное лицо и усталые глаза. Матвеич стал отчитываться перед ним. Инженер слушал и рассеянно кивал головой— видно, думал о чем-то другом. Покончив с делами, Матвеич спросил инженера, почему у него такой неважный вид.

— Жена, понимаешь, в командировке, а тут сын, как на грех, заболел,— сказал Коротков.— Вторую неделю лежит.

— Вовка? — удивился Матвеич.— А мы ему подарок привезли. Вот, думали, обрадуется! Экая незадача...

Помолчав, Матвеич сказал Феде Бунтикову:

— Федор, приведи сюда подарок.

Увидев медвежонка, инженер повеселел.

— Спасибо, товарищи! Вовка и впрямь обрадуется.

Так Мишук попал в дом к Вовке Короткову. Вовка оказался щуплым пятиклассником, очень похожим на отца. Получив подарок, он от радости неприлично завизжал — точь-в-точь как девчонка — и спустя минуту заявил, что здоров и готов встать хоть сейчас. Но встать ему отец не позволил. Федя Бунтиков рассказал Вовке, что медвежонок, в общем-то, славный парень, только малость помешан на сахаре. Но Вовка и не собирался экономить на сахаре. Поэтому медвежонок проявил к Вовке такие пылкие чувства, что целый день ни на шаг не отходил от его постели. Тетя Муся, которая в отсутствие мамы прибирала в доме, говорила даже, будто Мишук ночью бегал в тайгу и принес Вовке целебный корень женьшень. Вовкин отец не поверил и сказал, что женьшень в здешних краях не растет. Но тетя Муся не смутилась и ответила загадочно:

— А это еще бабушка надвое гадала.

Может быть, тетя Муся и в самом деле присочинила, не спорю. Но как бы там ни было, а с появлением Мишука Вовка сразу пошел на поправку.

На другой день Вовку пришел попроведать его закадычный друг-приятель Лёха Жук. Глядя на Мишука, Лёха не стал визжать и сухо одобрил:

— Хороший медведь. Бурый.

Словно речь шла о резине для рогатки: хорошая-де резина, из настоящей автомобильной камеры. Но Вовку не проведешь. Он сразу заметил, что Лёха убит. Недаром у него глаза заблестели, как у ненормального.

— Что новенького в школе? — спросил Вовка.

— Новенького? Кое-что есть. Самообслуживание ввели.

— Это как?

— А так, фантики-бантики! — Лёха горько усмехнулся.— Класс теперь сам убирай, коридор тоже. Рукава, значит, засучил, тряпку в руки — и двигай.

— Вот,— сказал он.— Это тебе. Может, пригодится... В общем, ты это... поправляйся.

На пороге Жук обернулся:

— Слушай, Вовка! А медведя тебе придется пожертвовать. Для живого уголка.

— Ха-ха,— сказал Вовка.

— Не отдашь?

— Нет.

— А я ежа отдал?

— Сравнил — ежа-а!

— Что ежа? — рассвирепел Лёха.— Думаешь, ежа не жалко?

— Ну и целуйся со своим ежом!

— Ах, так? — Лёха обозвал Вовку мелким жмотом и вышел, хлопнув дверью.

Но Вовка был уверен, что Жук своего добьется. Так оно и вышло. Через два дня, когда Вовка уже собирался в школу, пришел весь 5-й «В». Столпившись у дверей

— И ты тоже двигаешь? — ужаснулся Вовка.

— Я-а? Еще чего!

Но по глазам Жука Вовка понял, что тот врет. Еще как двигает!

Боясь расспросов, Лёха внезапно заторопился домой и стал выкладывать из карманов всякую всячину: яблоко, сломанную зажигалку, подкову, кожаную подметку.

класс с любопытством, будто диковинного зверя, разглядывал Вовку. Это длилось минуты две, но Вовке они показались годом. Со слезой в голосе Вовка наконец выдавил:

— Ладно, же-жертвую...

Мишука моментом обрядили в старую фуфайку, повязали на шею чей-то шарф (надеть штаны Мишук наотрез отказался) и повели в школу .

Школьный завхоз дядя Петя воззрился на Мишука с таким ужасом, будто тот по крайней мере явился отнимать у него сейф. А когда ребята заикнулись о том, что медведь будет жить в живом уголке, дядя Петя замычал, замотал голой, как дыня, головой и долго не мог сказать ничего вразумительного. Придя в себя, он заявил:

— Что? Медведя? По-моему, лучше слона. Или на худой конец кита. Вы бы ему и аквариум смастерили.

Дядя Петя засмеялся, довольный своим остроумием.

Тогда вперед вышел Лёха Жук и сказал:

— Дядя Петя! Не бойтесь: кормить его мы будем сами, своими силами.

— Сами? — переспросил дядя Петя.— Этто интересно.

— И убирать за ним будем сами. Как классы,— добавил Лёха, и все зашумели так, что дядя Петя схватился за голову-дыню.

Потом завхоз сказал, что таскать из дому продукты не годится. Нужно придумать что-то другое. Класс стал думать. Наконец кто-то предложил пустить на пропитание медведя деньги, собранные за металлолом. Мысль показалась дельной, и ее одобрили.

С того времени Мишук поселился в школьном сарае. Там была такая чистота и порядок, что не хотелось уходить.

После уроков Мишука водили гулять и занимались его обучением. Вообще к Мишуку допускались все, кроме лодырей. Так постановил совет отряда 5-го «В».

А Лёха, тот самый Лёха, который презирал труд и прочие фантики-бантики, собственноручно написал плакат и повесил его в Мишуковой квартире: «Долой белаcard ручек!».

Вовка Коротков заметил в плакате ошибку. Поэтому плакат выглядит сейчас так: «Долой белоручек!».

Вот какая история приключилась с Мишуком, приангарским медвежонком. Возможно, кое-кто из вас усомнится в ней. Тогда пусть спросит у ребят нашего города: «Есть ли такой медведь?» И ему ответят: «Есть».

Ну, а начало Топтыжкиной биографии придумал Вовка Коротков, когда болел и ему было скучно.

Сцена из спектакля Центрального детского театра «Друг мой, Колька». Колька — Г. Саифулин, Исаев — А. Поляков, Седой — В. Арьков.

КОЛЬКА СНЕГИРЕВ ИЩЕТ ВЫХОД

В полутьме кто-то включил и быстро выключил карманный фонарик.

— «Тотр»! — громким шепотом произнес мальчишка.

— «Тотр»! — торопливо ответил ему другой и тоже щелкнул кнопкой фонарика...

Члены «тотра» — тайного общества троечников — Колька Снегирев, Маша Канарейкина, Федя Дранкин собрались на заднем дворе школы, на спортивной площадке.

...«Вступая в тайное общество троечников, клянусь всю свою жизнь, пока бьется мое сердце, до последней капли крови, изо всех сил мстить зубрилам и выскочкам, клянусь всей душой ненавидеть трусов, подлиз, защищать обиженного и помогать слабому! Все за одного, один за всех!» — вспоминает клятву общества Колька Снегирев; он и не подозревает, что наверху, прямо над ним, на столбе притаился председатель совета дружины Валерка Новиков. Он нарочно спрятался там, чтобы выследить тайное общество...

Но не один Валерка следит за ребятами, вслушивается, боясь пропустить хоть слово. Целый зрительный зал — больше тысячи человек! — замер в тишине, затаил дыхание. Идет спектакль Центрального детского театра «Друг мой, Колька!»

Что будет теперь с ребятами? Что станется с пионером Колькой Снегиревым, организатором «тотра», человеком, про которого старшая вожатая Лидия Михайловна Иванова сказала, что «таким не место в советской школе»?

Ведь Иванова и ее правая рука Валерка Новиков решили добиться своего: исключить Снегирева из пионеров и из школы. Откуда только берутся такие председатели, как Валерка Новиков? Посмотрите, вот он сидит в пионерской комнате, вежливый, школьный китель застегнут на все пуговицы, и говорит: «Возмутительное поведение», «Систематическое нарушение», «Безобразный поступок»... Это он о нашем друге Кольке так говорит! Он, Новиков, боится, что и ему влетит, если кто-нибудь узнает о тайном обществе. Вот и спасает свою шкуру.

Эх, ребята, ребята — и те, что на сцене, и

те, что в зрительном зале! Как же вы таких выбираете в совет дружины? Вы ведь вместе с ними учитесь, знаете их, наверно, как облупленных. Видно, когда голосовали, когда тянули вверх руки на перевыборном сборе, вовсе не думали о своей дружине. Видно, рассудили так: «Подумаешь! Какая разница, кого выберут! Скорей бы кончились эти перевыборы, да по домам!» Вот и попали в совет Валерка Новиков, да еще какая-то девочка с косичками, да мальчик в очках, которые, тоже не разобравшись, в чем дело, смотрят с укоризной на Кольку и поддакивают Новикову: «Возмутительный факт!», «Безобразие!»

Видите, как получилось. Когда голосовали, думали: «Все равно». А теперь приходится воевать со своим собственным советом дружины, потому что...

Смотрите, смотрите! Пока мы с вами разговаривали, мальчик в очках, и девочка с косичками, и Новиков, и другие уже решили: «Исключить!». И Валерка Новиков уже подходит к Коле Снегиреву, поднимает руки к его галстуку...

Тишина в зале, только слышно, как противно барабанит пальцами по столу вожатая Лидия Михайловна: торжествует!

Не такой барабан звучал, когда в третьем классе Коле повязывали галстук барабан гордый, радостный. Стучит по столу Иванова, тянется к Колькиному галстуку Валерка Новиков... Что же ты стоишь, Коля?

— Дай ему, дай ему в морду! — не выдерживает в зале какой-то мальчишка. Кажется, он готов сорваться с места, вскочить на сцену и защитить Колю Снегирева.

Нет, друг, такое кулаками не решают. Это дело серьезное.

Сейчас решается участь человека, шестиклассника Коли Снегирева, да и не только его — участь всей дружины, в которой Коля до этой минуты числился пионером.

Да, не удивляйтесь: пьеса на первый взгляд про одного Колю Снегирева, а на самом деле — про весь его отряд, про всю его дружину и даже, больше того, про многие пионерские дружины.

Совет дружины исключил Колю Снегирева из пионеров за то, что он сорвал сбор, за то, что связался с хулиганами, за то, что организовал тайное общество. Ну и еще за разные проступки. Серьезные обвинения, не правда ли? Они не выдуманы. Это не поклеп. Все именно так и было.

Но если мы посмотрим, какой сбор сорвал Колька Снегирев, почему он связался с хулиганами, зачем придумал «тогр», мы увидим, что дело не только в Снегиреве, что не случайно произошли с ним такие события...

Ну-ка давайте представим себе, что мы сами — члены совета дружины и нам надо разобраться во всем этом. Только мы с вами, конечно, не станем просто возмущаться и кричать «Безобразие!». Мы попробуем понять Колю Снегирева. Это всегда надо делать, когда речь идет о товарище.

Итак, перед нами Коля Снегирев, пионер из шестого класса. Он уже четвертый год пионер, четвертый год работает в отряде, ходит на сборы... И каждый год одно и то же. В прошлом году сбор «Береги минуту», в этом году сбор «Береги минуту». Собираются все вместе и начинают тянуть волынку: «В сутках, дескать, двадцать четыре часа, а в каждом часе шестьдесят минут... Все великие люди берегли минуту... Лев Толстой соблюдал режим дня... Предприятия нашего района за одну минуту выпускают то-то...»

Мы с вами видали такой сбор здесь же, на сцене, в пьесе. Да разве только на сцене? Ну-ка, признайтесь, товарищи зрители и читатели, разве у вас в отряде не было таких сборов, что хотелось завыть от тоски? Наверно, были. Есть ребята терпеливые: они все что хочешь снесут. А Коля Снегирев не выдержал. Как стала Маша Канарейкина читать «с выражением» стихи про то, что «дом ли построить, булку ль испечь, время, ребята, надо беречь», — схватил Колька свой портфель и к дверям. «А ну вас... — сказал он. — Ерунда все это!..»

Так ведь и действительно ерунда! Вот какой сбор сорвал Колька Снегирев.

Пожалуйста, товарищи члены совета дружины, — это я обращаюсь к читателям журнала — высказывайтесь: правильно поступил Колька или нет?

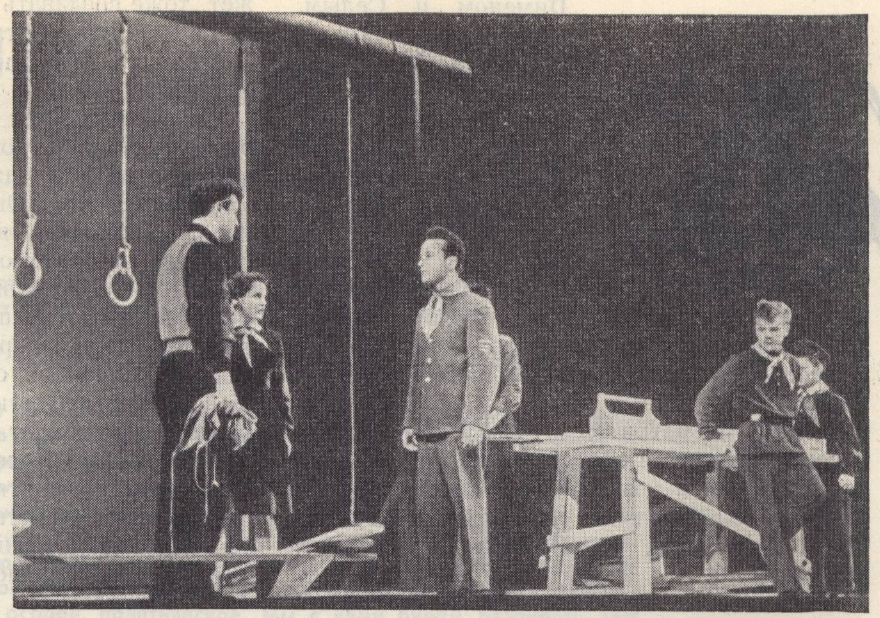
Одни скажут: правильно, чего там церемониться! Если бы все были такие, как Колька, то не было бы скучных сборов.

Другие скажут: Коля прав, что возмутился, но уходить нельзя. Если каждый будет вставать, когда ему вздумается, да уходить, что ж тогда получится? Надо было самому что-то придумать, предложить...

Ну, не знаю, кто прав, а кто нет. Это вы решайте сами. Напомню лишь, что Колька Снегирев не только уходил из отряда, не только отказывался участвовать в таких сбо-

рах, но и сам искал выход, сам думал, что же ему делать.

Понимаете, ребята, что получается: человек добровольно вступил в пионеры, в детскую коммунистическую организацию. Заметьте: не в школу поступил, не в кружок, не в секцию спортивную, а в такую организацию, где состоят только ребята, где командуют ребята, где они сами придумывают, чем им заниматься, сами все устраивают, сами помогают друг другу вырасти настоящими людьми, коммунистами.

Идет борьба за Кольку... Слева — вожатый Сергей Руденко (В. Калмыков), в центре — Валерий Новиков (В. Ованесов), справа — Колька Снегирев.

Так вот, вступил человек в пионеры, но проходит год, второй, третий, становится мальчишка старше и вдруг замечает, что он вовсе не хозяин в своей организации. Не он решает, какие сборы проводить; не он решает, кого исключать из пионеров, а кого нет; не он и даже не избранный им председатель совета отряда командует отрядом. А кто же? Да и не поймешь, кто: иногда учитель, иногда старшая вожатая, иногда и вообще никто. Слышали ребята, что надо проводить сборы «Береги минуту» или «Два мира — два детства», а как их проводить по-настоящему и зачем их проводить, никто не знает. Есть ведь такие люди, вроде этого самого Валерки Новикова, которые, как услышат словечко «надо», так и затрепещут... А кому «надо», зачем «надо», для чего «надо» — это у них даже не спрашивайте. «Надо» — и все тут!

Вот такая жизнь была у Коли Снегирева. Понятно, что это не устраивало его. Ему нужны настоящие дела, боевой отряд.

И вот Снегирев и другие ребята решили создать свое, тайное общество — «тотр». Мы с вами уже знаем о нем.

Но создать общество можно. И название можно придумать похлестче «тотра», и пароли всякие, и шифры, и командиров избрать. А что дальше? Поиграли-поиграли в пароли и шифры, а ведь делать-то что-то надо, иначе получается то же самое, что в плохом пионерском отряде: скучно! И вот происходит такая сцена в «тотре»:

Дранкин. Давайте, что делать, придумаем.

Маша. Что мы можем придумать?

Дранкин (уныло). Не знаю... Может, Клавке Огородниковой мышь в парту подсунуть?

Маша (хмуро). В прошлом году подсовывали.

Дранкин. В прошлом году дохлую, а теперь живую можно посадить!

Колька (горячо, Дранкину). Да что ты, не понимаешь, что ли? Ерунда все это с мышами.

Дранкин (разводя руками). Ну, а что мы еще можем?

Видите, как невесело ребятам! Не случайно Коля произносит те же самые слова, что и на сборе: «Ерунда все это!»

Видно, «тотр» или другое какое-нибудь тайное общество — это не выход. Дело, видно, не в обществе и не в паролях.

Пожалуй, если бы мы с вами действительно были членами совета дружины, мы не стали бы осуждать Колю Снегирева за его тайное общество. Страшного ничего нет: помогали пенсионерам, другие полезные дела делали. Что ж тут такого?

Пытался Коля Снегирев найти еще выход. Подружился он с одной компанией — девятиклассником Исаевым и его дружками

Пименом и Седым. Играл с ними в расшибалку. Шатался по городу. Пробовал курить. О, перед этой компанией никогда не встанет вопрос, что делать, чем заняться. Тут водятся деньжата. Откуда бы, а? Тут могут и в парк пойти и на стадион... Может, правда, Кольке так и поступить — связаться с Исаевым насовсем, прочно и начать вольную жизнь?

Только посмотрите: и у хулиганов жизнь совсем не сладкая. Вот «переросток» Пимен, запомнившийся нам своей придурковатой ухмылочкой. Как гадко ни сострит Седой, что ни скажет Исаев, у Пимена один ответ: «Гы-ы...»

Но вот даже глупенький Пимен понял, что он перестал быть человеком. Откликаться на свист своего вожака да получать от него подзатыльники — вот удел Вовы Пименова. И неспроста он «откололся», говоря его языком, «и подался на завод». Что ждет Кольку Снегирева, если он подчинится Исаеву? Унылая жизнь исаевского подпевалы, воровство (вот откуда деньги-то! Откуда же иначе?) и в конце концов — трудовая колония, тюрьма. Колька Снегирев с тоской размышляет о таком «приятном» будущем... Но он уже вступил на опасный путь, и не так-то просто вырваться из-под влияния вора! Это тебе не пионерский сбор — поднялся да ушел, это и не игрушечное общество. Это мир страшный, мир людей-хищников! Зря ты, Колька, сунулся туда! Из всех твоих ошибок эта — самая большая. И твое счастье, что у тебя верные друзья, что смогли они тебя выручить и советом, и деньгами, а когда понадобилось, и кулаками.

Вот как запутался пионер Колька Снегирев... Искал человек настоящую жизнь, тыкался, как слепой котенок, во все стороны, да так и не нашел...

Стоит ли обвинять его за это? Стоит ли исключать из пионеров, товарищи члены совета дружины?

Не знаю, как вы будете голосовать. Я голосую против. Я думаю, что не один Снегирев виноват, а весь отряд, вся дружина. И председатель ее совета.

Думаю, что вы со мной согласитесь. Снегирева мы с вами «оправдаем». А где же все-таки тот выход, который искал Колька? В чем он? Что делать нам, зрителям? Может, тоже создавать тайные общества или идти к разному хулиганью на поклон: примите нас в свою компанию, а то нам скучно!

Конечно, нет!

На счастье Коли Снегирева, пришел в его отряд настоящий вожатый — Сергей Руденко, шофер с завода сельскохозяйственного машиностроения. Он дал ребятам настоящее дело, по которому все истосковались. Отряд стал изучать автомобиль, чтобы летом отправиться в путешествие — в настоящее путешествие, а не «на парте по карте»! Ребята взялись строить гараж, ремонтировать подаренный шефами старенький грузовичок... И вот Колька Снегирев ходит, позвякивая в кармане ключом от гаража — от настоящего гаража! Зачем Коле теперь «тотр» с его «страшными» клятвами? Зачем ему Исаев с его «лишними» билетиками на стадион»? У него совсем другая жизнь самостоятельного человека, равноправного члена боевого пионерского отряда...

«Ну хорошо, — скажем мы с вами, зрители театра или читатели журнала, — Кольке повезло. К нему в отряд пришел хороший вожатый. А что же делать нам, если у нас нет вожатого, нет машины, нет гаража и вообще ничего нет?»

Давайте вместе думать! Ведь никто за нас думать не станет. Мы ведь сами хозяева своего отряда! Что ж мы станем делать? Пойдем к старшей вожатой: пусть поможет найти вожатого. Пойдем в райком комсомола: пусть помогут комсомольцы, подскажут, за какое серьезное, настоящее, интересное дело должен взяться наш отряд.

А можно сделать и так: создать «пионерскую разведку» — отправить маленькие патрули во все стороны от школы и разведать, где есть нужда в ребятах...

Самый же главный вывод, какой мы сделаем, уходя из театра: надо совсем по-другому выбирать пионерских активистов, чтобы никакие карьеристы, вроде Валерки Новикова, никакие тихонькие, «послушные детки» не попадали в совет отряда и тем более в совет дружины. Будет у вас хороший совет, будет и настоящий отряд, настоящая дружина, и тогда каждый найдет верную дорогу, такую же, какую нашел главный герой очень хорошей пьесы А. Хмелика «Друг мой, Колька».

Вожатый Сима Соловьев

Четыре правила юнкора

Оказывается, не такое это легкое дело — стать школьным журналистом! Некоторые ребята думали: взял лист бумаги, взял ручку, сел за парту — вот и готова заметка. Получай, редактор!

На самом деле очень немногим удалось хорошо выполнить задания курсов школьных журналистов.

Вот передо мной целые кипы писем. Какие только печати не увидишь на конвертах! Из Днепропетровска, из Красноярского края, из Кемерова, из города Мама — есть такой город в нашей стране; любознательные легко найдут его на карте. На двух конвертах треугольная печать: «Солдатское письмо». Это прислали свои задания пионеры-суворовцы Слава Подшибякин и Витя Монахов.

На прошлых занятиях курсов писатель Лев Кассиль и редактор газеты «Пионерская правда» Т. В. Матвеева рассказывали, о чем писать в газету, как писать, как организовать работу редакционной коллегии, что такое макет газеты и как его составить.

Сегодня у нас занятие особое, практическое. Мы с вами будем разбирать, кто как выполнил задание курсов. В институтах такие практические занятия — разборы — называются словом «семинар».

Значит, у нас с вами сегодня семинар по школьной журналистике.

1. ЭТО ВСЕМ ИЗВЕСТНО!

Вы никогда не задумывались над таким вопросом: для чего пишут в газету? Вы, конечно, хорошо понимаете, что газету выпускают вовсе не для того, чтобы похвастаться перед другими: мол, вот у нас висит газета, а у вас нет,— и заметки пишут не потому, что редактор пристает. Заметки пишут тогда, когда хотят сообщить что-то новое, рассказать о том, о чем никто, кроме вас, не знает или не все знают.

Давайте почитаем заметку Саши Мартиновича из Кривоселковской средней школы Копыльского района, Минской области. Саша рассказывает об одном сборе:

«После линейки была проведена беседа и показана часть пьесы К. Крапивы «Партизаны». Потом выступили чтецы класса».

Вот и вся заметка. То, что она короткая, это не страшно: в газету и надо стараться писать покороче. Но кому интересно читать такую заметку? На сборе был, наверно, весь отряд, все ребята до одного знают, что после линейки была проведена беседа и выступали «чтецы класса». Для кого же Саша написал свою заметку? Для посторонних, для тех, кто случайно зайдет в класс и прочитает газету? Не стоило стараться!

Такую же ошибку допустил Валерий Логинов из 35-й школы города Ленинска-Кузнецкого. Описывая пушкинский вечер, Валерий просто перечисляет программу, которую показали шестиклассники: «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сцена в корчме» из драмы «Борис Годунов»... Ну кто этого из шестиклассников, присутствовавших на вечере, не знает? Правда, Валерий замечает, что Н. Твиритнева исполняла роль Старухи хорошо, Г. Мурзин играл роль Варлаама «очень хорошо», а вся «Сцена в корчме» «была поставлена отлично». Вот эти замечания делают заметку немножко интересней. Может быть, кто-то в классе не согласился с Валерой, возник спор... Вот и отлично! Если заметка вызывает спор (заметим: спор, а не всеобщее осуждение!), это хорошо. Надо было, Валерий, подробнее написать, чем понравилось тебе исполнение ролей, а чем нет, и вышла бы совсем хорошая заметка. Итак, сделаем первый вывод нашего семинара:

Давайте не писать о том, о чем все в отряде и без нас знают...

2. ПОСПЕШИШЬ — ЧИТАТЕЛЕЙ НАСМЕШИШЬ

Есть такие заметки, авторы которых как бы говорят вам: «Знаете, писать по-настоя-

щему мне некогда, поэтому я написал кое-как...»

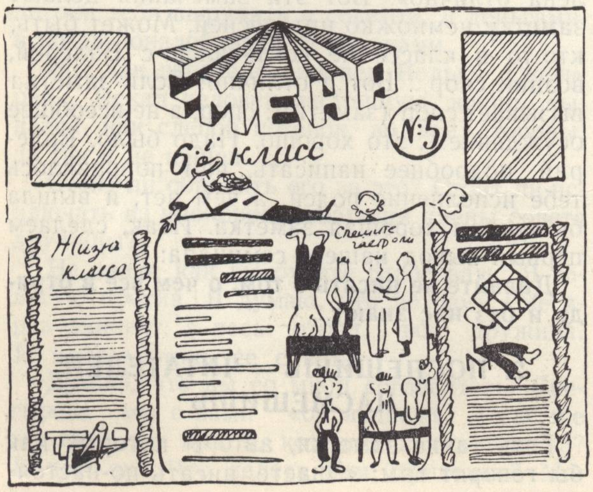
Вот Боря Шулындин из 3-й школы города Горького прислал заметку, которая вся состоит из цифр:

«Успеваемость в нашем классе непрерывно растет. Например, в 1-й четверти у нас было 7 хороших учеников, учащихся на «4» и «5», во 2-й четверти — 9, а в 3-й — 12. Число неуспевающих сокращается: в 1-й четверти было 12, а в 3-й — 4 неуспевающих».

Странная заметка, бесстрастная, как бухгалтерский отчет. Успеваемость растет, показывают цифры... а на самом деле четыре человека получили двойки в самой трудной, третьей четверти... Может, они и на второй год останутся. Хорошо было бы Борису разобрать, кто и почему (не по скольким предметам, а почему) отстает, и подумать: а что он, Борис, предлагает сделать?

Некоторые ребята думают, что в газету надо писать особым, казенным языком, то есть употреблять такие выражения, которые никто в обычной жизни не употребляет. Витя Викторов прислал заметку о работе юношеской добровольной противопожарной дружины в городе Черкассы. Витя пишет о хороших делах, но каким языком! «На протяжении шести месяцев члены нашей дружины проводили массово-агитационную работу среди населения города Черкассы путем расклеивания листовок, плакатов и проведения бесед с гражданами и детьми младшего школьного возраста...»

Я думаю, мы сделаем вот что: дадим Вите Викторову дополнительное задание—пусть перепишет свою заметку нормальным русским языком, без всяких там «путем проведения» и «путем расклеивания».

Такое же задание мы дадим и Люде Вериной из города Минска. Она пишет, например, о сборе, на котором «наши мамы рассказывают **о своей трудовой деятельности**». Разве нельзя было, Люда, сказать попроще: «о своей работе», «о том, как они работают»? Зачем эти «взрослые» слова «трудовая деятельность»?

Сделаем второй вывод:

Когда заметка написана, надо перечитать ее и исправить неудачные выражения. Если видим, что заметка получилась скучной, сухой, отложим ее в сторону и напишем новую, поинтереснее.

3. НЕ ВСЕ ПОДРЯД ХВАЛИ!

Не только среди ребят, даже среди взрослых есть такие журналисты, которые готовы хвалить все подряд, что покажется им необычным. Журналист должен быть очень вдумчивым человеком. Ему надо уметь разбираться, что хорошо, а что неправильно.

Я хочу поспорить с Надей Ковалевой из 18-й школы города Парижская коммуна, Луганской области. Надя пишет вот что: «Наш класс решил организовать для развлечения звенья: художественной самодеятельности, вышивания, выпиливания лобзиком, шашек, шахмат и домино. Ученики с охотой приняли это решение».

Ну-ка, давай, Надя, посмотрим, правильное вы дело затеяли или нет?

Пионерское звено — боевая часть отряда, а не просто кружок. Звено и спортом занимается, и книжки читает, и детскому саду берется помогать, и на каток ходит — словом, ведет разнообразную работу.

А у вас получится, что звено только и знает, что пляшет, например, да пляшет... или в домино играет. Я не был у вас в отряде, но по опыту других школ знаю: такие звенья (их называют «звеньями по интересам»), как правило, быстро распадаются.

Думаю, ваши звенья, созданные «для развлечения», тоже существуют только на бумаге... Так что ты, по-моему, поторопилась, когда писала о таких звеньях как о хорошем деле.

Сделаем с вами такой вывод:

Журналист не станет хвалить все подряд

Второе задание курсов — прислать макет своей газеты — оказалось трудным. Вот макет Тани Мельниковой из Бердянска. Хорошо, что Таня предусмотрела в газете много рисунков. Но вот беда — не осталось места для текста. Одна заметка в газете, да и та на самую общую тему: «Жизнь класса»... Слишком «привольно» расположились заголовок и фотографии слева и справа от него (они обозначены прямоугольниками).

без разбору. Не будем торопиться, посмотрим, как идет работа, а уж потом напишем в газету!

4. НА ОСОБОЙ ПАРТЕ...

На свете немало всяких плохих людей, но худшие из них, пожалуй, нытики. Все, что ни придумают ребята, все, что ни затеют,— все нытику не нравится, ни во что он не верит... Заведет волынку: «У нас отряд недружный... Мы ничего не умеем... У нас никто ничего не делает...»,— хоть беги! Иногда смотришь на отряд и думаешь: все люди как люди, а этот вот как будто на особой парте сидит, над всеми. Сидит и все критикует. Сам и пальцем не шевельнет, чтобы помочь отряду, а все критикует да ноет...

Скажите, вы не встречали таких ребят?

Среди тех, кто принят на курсы школьных журналистов и выполняет их задания, нытиков, по-моему, нет. Это хорошо: журналист всегда старается сам помочь общему делу, что-нибудь придумать, чтобы исправить положение.

И все-таки несколько писем-заданий вызывают досадное чувство. Вот одно письмо из Запорожья. Выполняя второе задание курсов, девочка — не буду называть ее фамилии — пишет:

«Учителя чуть ли не плачут на наших уроках... Мальчики курят, ругаются. Классный руководитель ничем не может заинтересовать ребят... Сам староста ругается, безобразничает на уроках и разлагает весь класс. Вот так и живем. Я написала вам чистую правду о нашем «дружном» классе».

Было такое условие курсов: все заметки помещать сначала в свою газету, а потом уж присылать в «Пионер». Думается, что это условие пионеркой не выполнено. В свою газету так никто не осмелится написать, потому что это ведь неправда. Неправда, что в отряде нет ни одного настоящего пионера. Конечно, есть, и не один. Вот и надо было бы призвать их объединиться и дать отпор хулиганам.

Многие девочки (почему это всегда девочки, не знаете?) пишут про «ужасных» мальчишек и перечисляют все их прегрешения. А вот Дуся Соловьева из Борисоглебска пишет бодро:

«Мы отучиваем Юрина, чтобы он не баловался. Он стал исправляться, но не совсем. Раньше он был командиром над мальчиками, а теперь отучиваем».

Видите, не совсем складная заметка, но какая хорошая!

Тут нытьем даже и не пахнет, тут, видно, взялись за дело и своего добьются. Очень толковую заметку написала Дуся Соловьева. Жаль, что она не поделилась со всеми ребятами, каким способом отучают они с товарищами Юрина от баловства.

Заметок-жалоб прислано на курсы немало. Видно, многие ребята привыкли к мысли, что они в отряде ничего не могут сделать. Всё ждут, что кто-то придет: или вожатый, или учитель, или из редакции кто-то приедет и наведет порядок и сделает класс дружным. Но ведь вы сами хозяева в своем отряде, сами и добивайтесь дружбы.

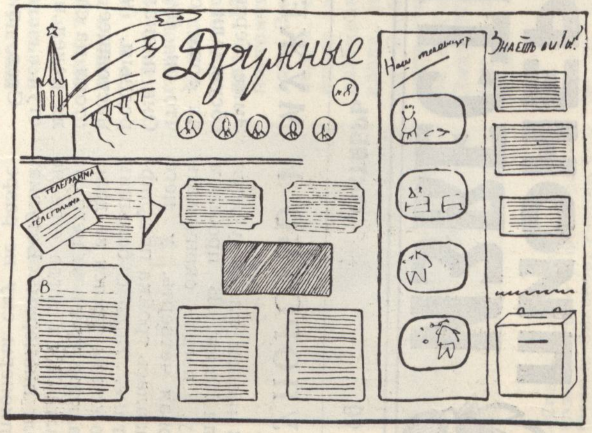
Давайте запомним последний вывод из нашего сегодняшнего разговора:

Журналист — самый активный пионер в своем отряде, в своей дружине. Он не ноет, не жалуется, он сам борется за дружбу, за хороший отряд.

На этом мы заканчиваем семинар. Могут сказать: что ж вы все ругаете да ругаете? Неужели никто не прислал хорошей заметки?

Нет, отчего же, прислали, и немало. Самые хорошие, на наш взгляд, заметки мы отобрали и передали в редколлегию газеты «Пионерские известия». Переверните страницу журнала, посмотрите «Пионерские известия» — там вы и найдете лучшие заметки, присланные на курсы. Подумайте, что в этих заметках хорошее, а что вам не нравится.

Вожатый Сима Соловьев

Этот макет Виты Мельниковой из поселка Христофоровка Днепропетровской области выглядит получше. Он сделан со вкусом, с выдумкой. Хорошо, что на видном месте помещены телеграммы. Это, наверно, сообщения о самых важных делах? Интересным кажется раздел «Наш телевизор». А вот последняя колонка явно лишняя. Прикрой ее, Вита, листком бумаги, и ты увидишь, как выигрывает газета. Кстати сказать, не стоит в стенгазете заводить отдела «Знаешь ли ты», и уж совсем незачем рисовать эти надоевшие почтовые ящики. Будет у вас хорошая газета — ребята сами станут писать вам, без всяких ящиков!

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 10 ОКТЯБРЬ 1960 г.

УПОРСТВО И МУЖЕСТВО

В нашем классе учится Коля Ионов. В прошлом году, когда окончилась первая четверть, у него оказалась тройка по арифметике. Коля с большим упорством взялся за дело, и вскоре троек у него не стало. Коля тогда еще не был пионером. Вступить в пионеры ему не разрешали мать и бабушка. Но вот как-то на уроке учительница прочитала нам рассказ «Поединок» из «Пионерской правды», об Эмме Гертер. Мы долго обсуждали его. И вот Коля тоже сказал матери, что он будет пионером. Она плакала, жаловалась родным, но он проявил настоящее мужество и настоял на своем. Скоро Коля надел пионерский галстук.

Став пионером, Коля учится еще лучше.

Наташа Ионова,
Оренбургская область, Саракташский район, ст. Сокулак.

ЮнТАСС СООБЩАЕТ

Феодосия. Здесь недавно открыт памятник пионеру-герою Вите Коробкову. Памятник построен на средства, которые пионеры города получили за собранный металлолом.

Ленинградская область. В шестом классе Тервенической средней школы организована «Команда помощи». Команда помогает отстающим по русскому языку. Ребята надеются, что к концу четверти отстающих не будет.

Брянск. В школе № 19 недавно проводилась пионерская лотерея. Цена каждого билета — 25 килограммов металлолома или 5 килограммов макулатуры. Около двухсот ребят получили выигрыши.

Узбекистан. 30 га земли выделил колхоз ученикам Панской средней школы. Ребята засеяли свое поле кукурузой, и все работали каждый день по два часа.

НАМ НЯНЕК НЕ НАДО

В этом году все классы нашей школы начиная с пятого перешли на самообслуживание. Мы тоже убираем свой класс сами. Утром дежурные приходят в класс раньше всех, проветривают его, поливают цветы, приносят чернильницы. А вечером, когда все уходят из класса, протирают сырой тряпкой парты, подметают и моют полы. Все ребята в школе ходят в тапочках. От этого в классах чище, а на переменах тише. Нам нянек не надо.

Нина Смачная,
Ленинградская область, п/о Тервеничи.

Будь другом

Иногда у нас в классе можно услышать: «Будь другом, дай списать!» И «друг» даст. Но не лучше ли было бы помочь другу иначе: позаниматься с ним, разъяснить непонятный материал. Вот это была бы дружба!

Случается и так. Дерутся два мальчика. Мимо проходит товарищ одного из них и, не разобравшись, в чем дело, вступает в драку — «помогает» своему другу. А не лучше ли было бы разъяснить другу, что драться нехорошо, что есть другие методы убеждения. Это была бы настоящая дружба!

Таких примеров можно привести много. Подумайте о своей дружбе, ребята! Какой ты товарищ? Настоящий ли друг?!

Володя Козлов,
г. Перово, Московская область.

«Пионерский патруль» в Новотроицке — гроза всех хулиганов и нарушителей порядка. На снимке: пионерка Люда Семенова, начальник штаба пионерских патрулей школы № 7.

Волшебная сказка

Недавно мы показывали октябрятам сказку «Золушка». Малышам понравилась и сказка и наша игра. Особенно большим успехом пользовался Алеша Решетников в роли шута. Алеша так хорошо «вжился» в роль, что казалось, он говорит не слова текста, а сам придумывает все шутки. А какой хороший костюм сшили ему наши мастерицы Наташа Разгульнова и Катя Самойлова! Рисунки всех костюмов сделал Витя Потапов. Декорации тоже он, вместе с Тоней и Юрой Кодубенко. В спектакле звучала и музыка. Это играли наши музыканты Алик Волобуев, Таня Марина, Света Перих и Антоша Тупик. Многие предметы в спектакле: фрукты, вазочки и другие — были не настоящие, а сделанные ребятами из папье-маше. И, надо отдать справедливость, выглядели они, как настоящие.

Золушка — Таня Головач — так просто и хорошо сыграла свою роль, что малыши поверили, будто она настоящая Золушка, и даже плакали, когда на нее кричали мачеха и сестры.

В общем, спектакль прошел хорошо. И было очень трогательно, когда малыши преподнесли всем участникам спектакля по букетику цветов и пожелали дальнейших успехов.

Таня Копелева,
г. Краснодар.

ПЛОЩАДКА ОТКРЫТА

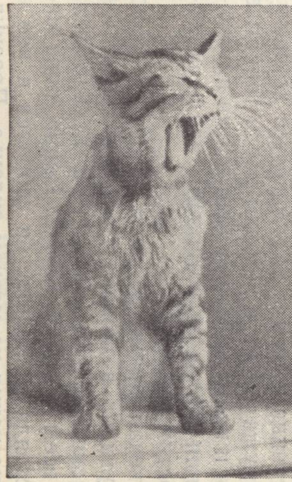
Открытие во дворе детской площадки было для меня самым замечательным событием за лето.

Эту площадку мы оборудовали сами, своими руками. Когда все было готово, мы пригласили своих мам, и пап, и соседей на торжественное открытие. Ребята подготовили небольшой концерт. После концерта были объявлены гонки на велосипедах, потом — аттракционы. Всем победителям вручали призы. Очень весело прошел наш праздник!

И еще у меня была одна большая радость летом. В августе ребята нашего города отмечали Праздник русского леса. Был объявлен конкурс на лучший рисунок о лесе и его обитателях. Я сделала три рисунка. И меня наградили акварельными красками «Нева». Я давно мечтала иметь такие краски.

Зоя Грачева,

ученица 5-го класса, г. Асбест, Свердловская область.

«Спать хочется...» — так назвал свою фотографию Феликс Силаков, ученик 6-го класса школы № 5 г. Батуми.

ОТВАЖНАЯ ПИОНЕРКА

Пионерка нашего отряда Лида Мироненко раньше нам казалась тихой и незаметной девочкой, но, когда представился случай, она проявила большую смелость и благородство.

Лида шла за молоком и вдруг увидела в окнах одного дома что-то красное. Сначала она не поняла, что это такое, но потом услышала крик ребенка и тогда, не раздумывая, быстро вбежала в дом. Там уже горела кухня и комната. Лида схватила малыша, вынесла из горящего дома и после этого побежала созывать людей.

На другой день Лида пришла в школу с забинтованной рукой, но никому ничего не сказала. А мы уже слышали о пожаре и, конечно, обо всем догадались. До сих пор у нас в классе не было смелых пионеров. А теперь есть — Лида.

Вита Воробьева,

Днепропетровская область, пос. Христофоровка.

НАШИ ТИМУРОВЦЫ

Дядя Миша Зимин живет недалеко от нашей школы. С ним случилось несчастье: он потерял зрение. Но у него большая тяга к знаниям. Он решил продолжать учиться и поступил в пятый класс специальной Московской заочной школы. И тогда тимуровцы нашего класса решили помочь дяде Мише. Они стали постоянными гостями в доме Зимина. Читают ему вслух, вместе с ним решают задачи и примеры, разбирают предложения, слова, повторяют правила. Особенно много помогают ему Тамара Чибисова и Валя Семичастная. Дядя Миша очень доволен нашими тимуровцами.

Люда Козлова,

ученица 6-го класса школы № 19 Бежицкого района, г. Брянск.

БУДЕМ ПОМОГАТЬ

Школа у нас маленькая, приходится заниматься в две смены. Поэтому на общем собрании мы решили помочь в строительстве дополнительного помещения. Будем помогать делать кирпичи.

Лариса Сысоева,

Узбекская ССР, Наманганская область, станция Пан, пос. ТЭЦ.

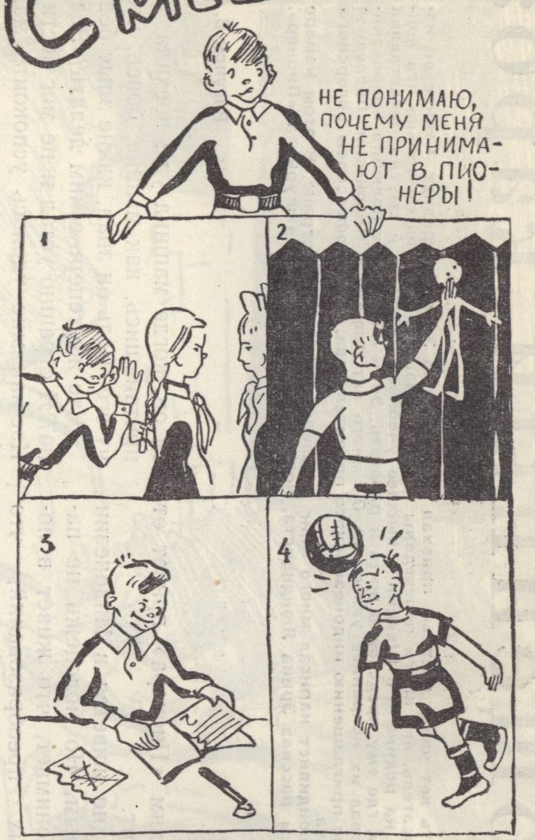
НА ТРАКТОРЕ

Я научился водить трактор и теперь могу самостоятельно работать на тракторе «Беларусь». Мне было легко научиться, потому что я еще раньше умел водить мотоцикл. Я вообще увлекаюсь техникой. Мы с товарищем — Сергеем Сердюком — сделали действующую модель подводной лодки.

Валентин Ляшенко,

Приморский край, село Вадимовка.

Смешинка

1. Я всем интересуюсь. 2. Увлекаюсь рисованием. 3. Веду борьбу с плохими отметками. 4. И голова у меня неплохо работает — почему же меня не принимают в пионеры?

Рисунки прислал на конкурс «Смешинки» Володя Новиков. Город Рига, школа № 39.

Этот номер «Пионерских известий» составлен из заметок, присланных ребятами по заданию курсов школьных журналистов.

Укрощенный карбау

Тридцать лет назад впервые приехал в Индонезию Эрик Люндквист. Сейчас он известный писатель, его книги переведены на много языков, а тогда он только что кончил у себя на родине — в Швеции — высшее учебное заведение и смутно представлял себе страну, где ему предстояло жить и работать. Эрик Люндквист полюбил индонезийцев и завоевал их искреннее уважение. Он много лет прожил в Индонезии. Последнее время он, по приглашению индонезийского правительства, был профессором Богорского университета.

Эрик Люндквист написал много книг о своей жизни в этой стране. В этом номере мы печатаем рассказ Эрика Люндквиста, который он написал для журнала «Пионер».

Эрик ЛЮНДКВИСТ

Рисунок В. Высоцкого.

Передаю читателям «Пионера» привет от индонезийских ребят.

Теперь еще трудно живется в Индонезии и молодым и старым. Но молодежь не падает духом: она понимает, что живет в пору революционных преобразований, что жизнь сегодня отличается от жизни, которая была десять лет назад, а еще через десять лет все будет совсем иначе. Ребята знают, что они живут неизмеримо лучше, чем их родители, — ведь теперь все они могут ходить в школу, могут учиться. Им не надо теперь гнуть шею перед иностранными господами, не надо бояться людей с белой кожей. Они могут говорить то, что думают, и смотреть всем прямо в глаза. Пятнадцать лет назад индонезийские дети не осмеливались этого делать, хотя трусишками их никак не назовешь. Далеко не все ребята могли учиться в школе, но многому полезному учила их сама жизнь.

Мне вспоминается маленький мальчик.

Это было на острове Ява. Я приехал на старом «форде» в деревушку. Оставив машину, я пошел в лес. Вокруг моей машины собралась, конечно, куча ребятишек, но я не беспокоился: я знал, что они ничего не тронут и ничего не испортят.

Вернувшись несколько часов спустя, я уже не застал детей. Потный, усталый, сел за руль. Мне предстояло проехать сорок километров до маленького городка, где я собирался заночевать в гостинице.

Гостиница состояла из множества домиков. Они окружали сад, в котором росли тенистые деревья и пальмы. Между цветущими клумбами стояли столы, за которыми сидели обитатели гостиницы.

Я въехал прямо во двор домика. Только тут я увидел в машине голого малыша. Он сидел, скорчившись, на полу и всхлипывал, дрожа всем телом от страха. Видно, пока машина стояла в деревне, он забрался в нее и нечаянно уснул на мягком сиденье. Проснулся он, когда машина уже поехала. Он сидел, притаившись, как мышка, боясь, что я замечу его. Ведь он знал, какие злые белые люди!

Что же теперь с ним делать? Везти обратно? Я страшно устал и не мог вести машину. Кое-как мне удалось успокоить мальчугана. Когда он понял, что я не сержусь, то сразу повеселел. Служащий принес ему большую тарелку риса. Тут малыш совсем просиял.

Однако не успел он управиться со своим рисом, как с улицы донесся шум и крики, и вдруг в сад ворвался громадный серый буйвол. Видно, он чего-то сильно испугался и теперь мчался, не разбирая дороги.

Карбау — так называют в Индонезии этих рослых буйволов с огромными рогами — самые мирные и спокойные животные на свете. Их толстая кожа всегда вымазана глиной: буйволы любят купаться в прудах и речушках. Мне очень нравятся карбау, я всегда дивился их неимоверной силе и невозмутимости.

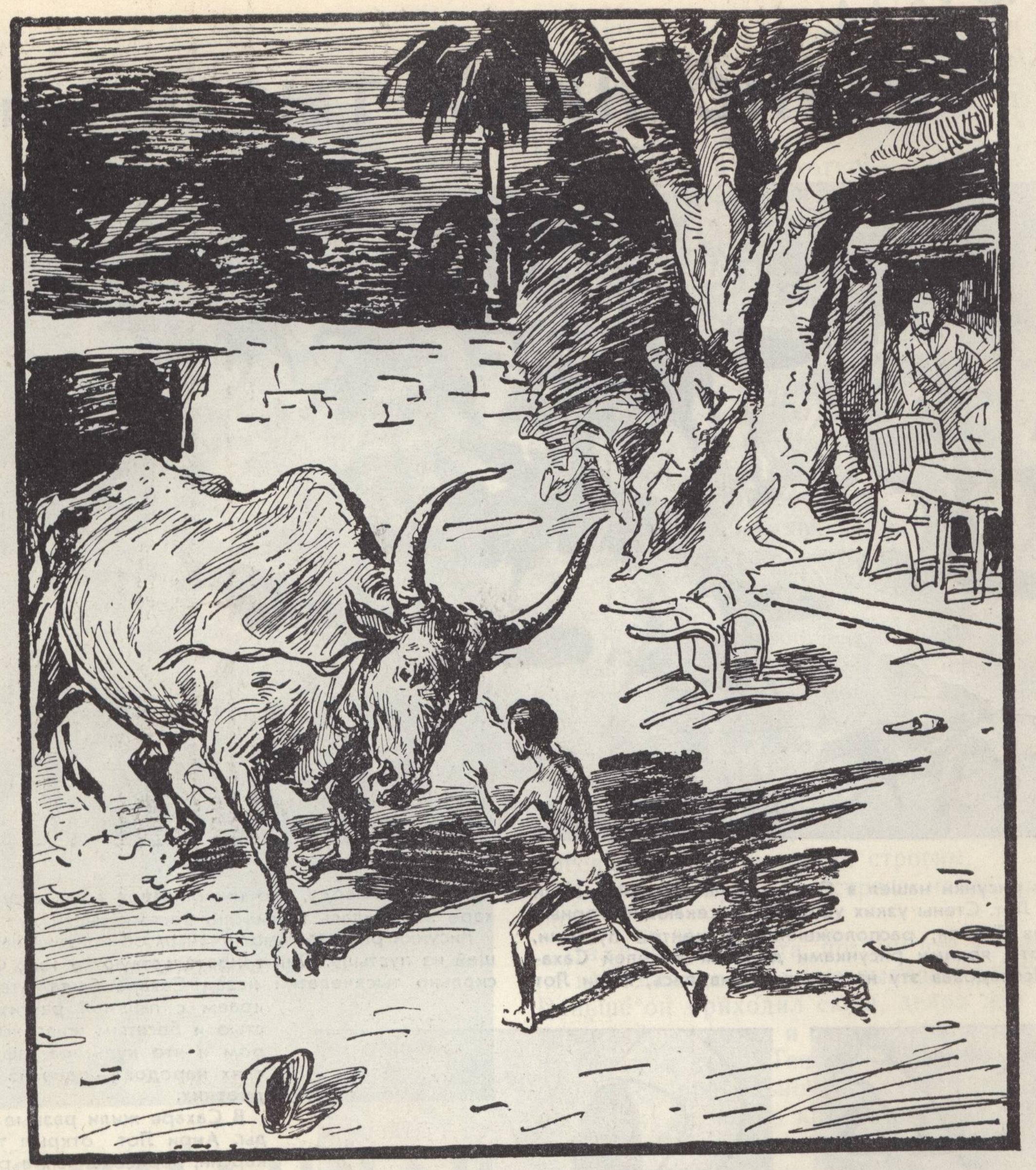
Но карбау, который ворвался в сад, был вне себя от ужаса. Он ринулся прямо к ближайшему столу и опрокинул его. Люди, сидевшие за столом, каким-то чудом увернулись от ударов мощных рогов.

Поднялась паника. Женщины кричали, все спешили укрыться в домиках. Толстая голландка застряла в кресле, никак не могла встать и дико визжала.

Буйвол направился прямо к ней. Никто из мужчин не отважился прийти ей на помощь. Официанты кричали, кидали в буйвола стульями, но подойти к нему поближе не решались. От этого буйвол стал еще злее, и я тоже побоялся сойти с веранды.

Что же делать? Сбегать за револьвером и пристрелить обезумевшее животное? И тут маленький голый мальчишка, сидевший рядом со мной, вскочил и побежал к буйволу. Он бежал и кричал что-то сердито и повелительно.

И случилось удивительное: как только раздался голос мальчика, буйвол остановился,

мальчишка подбежал к животному, ударил его по морде и мигом вскочил на широкую, измазанную грязью спину. Оседлав карбау, он стал колотить его тонкими ногами, продолжая повелительно кричать.

Страх и бешенство буйвола как рукой сняло. Послушно подчиняясь команде, он неторопливо вышел из сада, унося на спине голого карапуза.

Перепуганные голландцы долго не могли прийти в себя. Кто плакал, кто смеялся... Толстая женщина продолжала сидеть в своем кресле: она потеряла сознание.

После мы узнали, что буйвол тащил по дороге двухколесную тележку; на него наскочила машина, он испугался, изломал ярмо и побежал.

Появился хозяин буйвола, потом пришел полицейский, он стал ругать хозяина. С владельцем машины полицейский не стал связываться: ведь тот был голландец.

А жильцы гостиницы решили собрать денег в награду моему маленькому другу. Получилось довольно много. На следующий день, перед тем, как везти мальчика домой, мы пошли на базар и купили всей его семье одежду. Представляете себе, как радовались дома, когда мальчик вернулся живой и здоровый, да еще с подарками!

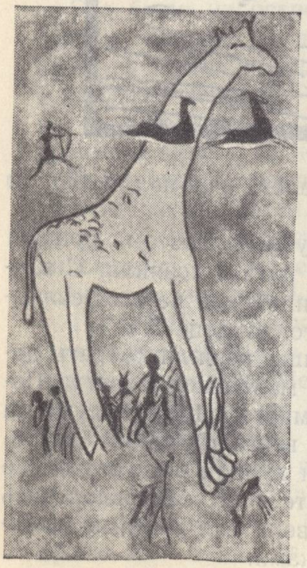
Перевел со шведского Л. Жданов.

ЭТИМ РИСУНКАМ ТЫСЯЧИ лет

Эти рисунки нашел в Сахаре французский ученый Анри Лот. Стены узких ущелий, рассекающих горный массив Тасили, расположенный в центре пустыни, покрыты яркими рисунками древних жителей Сахары. Исследовав эту наскальную живопись, Анри Лот пришел к выводу, что цивилизация в нынешней Сахаре зародилась примерно восемь тысяч лет назад.

Рисунки рассказывают ученым об истории величайшей из пустынь. Они свидетельствуют о том, что несколько тысячелетий назад Сахара была цветущим краем с пышной растительностью и богатым животным миром и что культура африканских народов — одна из самых древних.

В Сахаре жили разные народы. Анри Лот открыл тысячи картин, нарисованных в разные эпохи художниками различных народностей.

Обратите внимание на нижнюю картину слева. Анри Лот снимал с этой картины слой за слоем и обнаружил шесть картин, нарисованных в далекие друг от друга эпохи. Маленькие черные фигурки людей у ног жирафы изображены самыми древними художниками. Жирафа и антилопы нарисованы намного позднее.

Портрету девушки — три-четыре тысячи лет. Девушка эта похожа на женщин негритянского племени пелов, живущего и ныне в Центральной Африке.

ПОЙМАННАЯ СКОРОСТЬ

Рассказ И. РАХТАНОВА.

То, о чем я расскажу здесь,— истинная правда. И подтвердить это могут тысячи свидетелей, сотни газетных вырезок и, наконец, сам человек, о котором пойдет речь.

История эта началась так: четыре года назад, в феврале пятьдесят шестого, в субботу, в свободное от занятий время, ученик девятого класса школы рабочей молодежи токарь Виктор Косичкин забрел в большую аудиторию Политехнического музея. Он сидел на самой «верхотуре» и смотрел вниз, туда, где на кафедре, сменяя друг друга, вели рассказ только что вернувшиеся из Италии олимпийцы.

Это были Гончаренко, Гришин, Кудрявцев — победители Белой олимпиады в Кортина д'Ампеццо.

Кто из них произвел тогда большее впечатление на нашего парнишку, сказать теперь трудно, но уже в понедельник после работы он оказался в конькобежной секции общества «Динамо» перед тренером Клавдией Андреевной Власенко.

— Хочу стать конькобежцем,— сказал Виктор и улыбнулся.

Клавдия Андреевна оглядела новичка: ладный парнишка, упрямо вздернутая верхняя губа и твердый, открытый взгляд голубых глаз. Она перехватила улыбку юноши и так же весело спросила:

— Просто конькобежцем или настоящим?

— Настоящим.

— Тогда держись,— сказала Клавдия Андреевна, и лицо ее стало строгим.

И при следующей встрече началась работа.

Да, именно работа, потому что это ничем не напоминало прежние вылазки на каток. Раньше он приходил сюда, делал два или три плавных круга и шел в буфет лакомиться горячим кофе. Теперь же приходилось обучаться правильной посадке и идти по нескольку десятков кругов. Каждый такой круг, пройденный не просто, а по составленному тренером плану, прибавляет что-то либо в отработке выносливости, либо в правильном «подносе ноги».

Это были трудные, но захватывающие часы. Ведь он знал, что так же работают и Гончаренко, Гришин, Кудрявцев. Их умение, мастерство, искусство не упало с неба, не пришло прямо в руки. Именно об этом говорили они тогда, в памятный вечер, в переполненной аудитории Политехнического музея.

Круг за кругом, круг за кругом, как в песне, и нет конца замкнутым линиям.

Но по кругам нарастает мастерство... Имеет ли он право на такое высокое слово, он, вчерашний новичок, только к концу се-

СПОРТ

зона выполнивший нормы по третьему разряду?

Тут можно, пожалуй, вспомнить изречение, которое обычно любят молодые люди: «У каждого солдата в ранце лежит маршальский жезл».

Конечно, Виктор Косичкин мечтал если не о маршальском жезле, то о лавровом венке. В пятьдесят третьем, всего три года назад, в Осло, на стадионе Бишлет, под звуки советского гимна, под развевающимся на ветру красным знаменем на Олега Гончаренко надели такой венок, и конькобежец-скороход сделал под аплодисменты традиционный круг почета. Привели его к этому такие же упорные тренировки, такие же медленные часы бесконечной работы, во время которой наращивается скорость.

Да, да, скорость, она диктатор в спорте. Для овладения ею тратят столько времени и труда ребята, с которыми встречается на катке Виктор. И сам он мчится по кругам, догоняя ее, то податливую, то ускользающую...

Время его распределено строго: десятый класс школы рабочей молодежи—три вечера в неделю, каток — еще три. И не скажешь, что сложнее — математика ли, гуманитарные ли науки, или занятия у Клавдии Андреевны Власенко.

Часто, очень часто ему приходилось жалеть, что в сутках всего двадцать четыре часа.

Но молодость все преодолевает, и к концу сезона он «чуть не добрал до первого разряда». Успехи приходили стремительно: вот он уже третий в многоборье, а вот держит в руках аттестат зрелости.

Теперь прощай школьная наука, закончен один из этапов жизненного пути, в уплотненных сутках образовалось окно. Конечно, оно заполнилось тренировками.

Виктор знал уже, что означал вопрос Клавдии Андреевны, который она задала при первом знакомстве,— каким конькобежцем хочет он стать. Она требовала напряженной работы: быстрота приобретается в безостановочном движении.

В Кирове, этой конькобежной столице, где каждый мальчишка и девчонка знают имя Марии Исаковой, где младенцы рождаются словно бы с коньками на ногах, он выполнил нормы первого разряда, получил второй аттестат зрелости, на этот раз спортивной. Легким показался ему там звонкий лед, свободно катились по гладкой поверхности его «беговые», и по возвращении в Москву он с ходу занял первое место на дистанции в десять тысяч метров, обойдя Владимира Шилыковского и немца Хельмута Кунерта, у которого выиграл целых пять секунд.

Это была первая большая победа. Болельщики, подбадривая, выкрикивали его имя, и он все набирал и набирал скорость.

А потом, после победы, его обступили фотокорреспонденты, и лед вспыхнул от блеска блиц-ламп: каждый хотел найти ракурс поинтереснее, чтобы представить его публике. Счастливый, потный, улыбающийся, он стоял под этим дружелюбным обстрелом, и все, что произошло несколькими минутами раньше, казалось, кануло куда-то, и отсюда начинается совсем новая жизнь.

Действительно, после этой громкой победы имя его оказалось в списке состава сборной команды Союза, куда входили и Гончаренко, и Гришин, и Кудрявцев. Вот как все изменилось вокруг: вчерашний безвестный юноша сегодня равным вошел в ряды первых. А вышло так благодаря его упорству, помноженному на умный план тренировок, составленный Клавдией Андреевной Власенко.

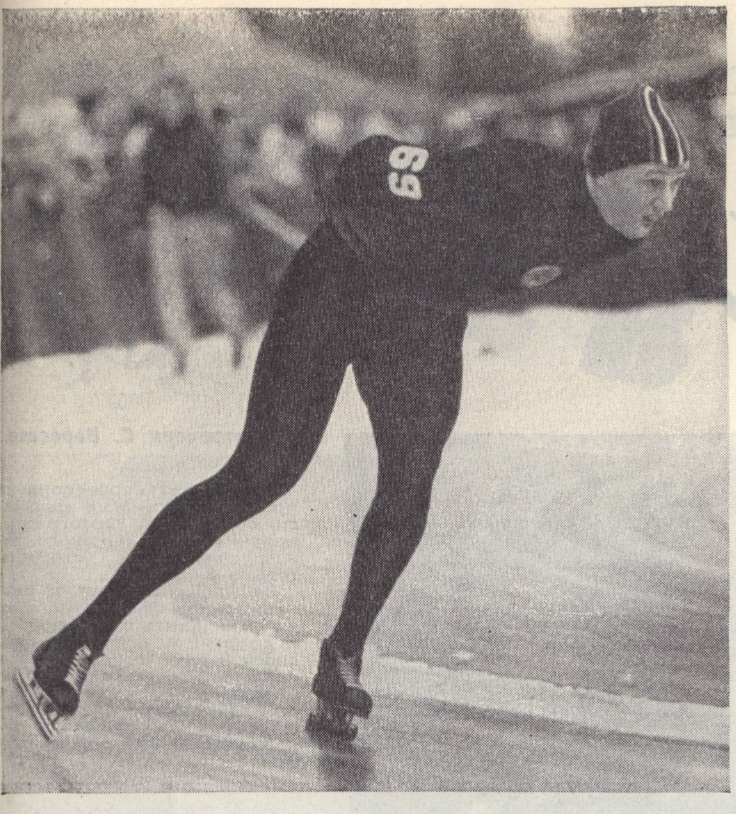
Но в план этот вторглась совсем не предусмотренная ангина. Однажды Виктор проснулся в сильном жару, болело горло, отвратительно тянуло в суставах. К этой болезни он привык с детства, знал ее хорошо по частым посещениям. Доктор, как всегда, велел полоскать горло противным на вкус грамицидином и о тренировках даже думать запретил.

— Куда вам на лед, милейший! Сердечко надо беречь. Постельный режим. Строго. Пройдете курс, отлежитесь, тогда...

Это «тогда» наступило только в следующем месяце. На отборочных соревнованиях он чувствовал себя еще слабым, но все же пришел вторым на дистанциях в пятьсот и тысячу метров. Так он завоевал право на участие в состязаниях за рубежом, в Норвегии.

Эта северная страна знала выдающихся русских конькобежцев. Задолго до революции здесь блистал Николай Струнников, после революции сюда приезжали Яков Мельников и Иван Аниканов, тут на легком, сверкающем льду они показали удивительное свое мастерство.

Я не стану рассказывать вам обо всех успехах Виктора, о встречах с голландцем Яном Песманом на международных катках. Об этом уже написано немало и будет, вероятно, написано еще больше. Мне нужно лишь напомнить, что именно эти успехи привели его в феврале шестидесятого года в ка-

Зимняя олимпиада в Скво Вэлли. Виктор Косичкин на дистанции.

лифорнийскую Долину индейских жен — Скво Вэлли—на новую зимнюю олимпиаду.

Четыре года отделяли олимпиаду в Скво Вэлли от олимпиады в Кортина д'Ампеццо. И вот юноша, который четыре года назад с замирающим сердцем сидел на «верхотуре» большой аудитории Политехнического музея и слушал рассказы олимпийцев, сам тренировался на искусственном льду олимпийского катка.

О нем писали в газетах, сравнивали его возможности с возможностями Песмана. Здесь, в Америке, он представлял огромную державу, державу великих достижений в самых различных областях человеческой деятельности.

Тут я позволю себе сделать отступление и рассказать вам о своей встрече с Виктором Косичкиным. Телефона у него нет. Точнее, пока еще нет, потому что он живет в новом доме, куда еще не дотянули телефонный кабель. Я приехал рано утром в воскресенье.

Меня встретил высокий, тонкий и очень молодой человек в мягких тренировочных брюках и трикотажной майке. На круглом обеденном столе лежали книги, кажется, роман Джека Лондона «Мартин Иден» и учебник английского языка для педагогических вузов.

— Садитесь,— сказал он.— Только я не пойму, о чем вы будете писать, ведь об этом все уже написано.

Однако по мере того, как он говорил о себе, передо мной все более отчетливо вырисовывался характер Косичкина. Я воочию увидел восхождение этого молодого человека на Олимп, и мне стало ясно, что оно в высокой степени типично для нашей спортивной системы, где к борьбе готовят не одни лишь мышцы спортсмена, но прежде всего его волю.

Виктор рассказывал мне о том, как в день своего рождения он получил золотую медаль олимпийского чемпиона, оставив Песмана позади себя на целых полтораста метров...

— Очень хотелось тогда выиграть,— говорил Косичкин,— такое было настроение, этого словами я передать не умею. Потом мне рассказывали, что тренер мой Кудрявцев (я с ним стал работать, когда вошел в сборную Союза) все время лежал на самом льду и кричал: «Давай, Коса! Коси, Коса... Да-ва-ай!» Ну, я и пошел... А вот рассказать... тут уже ваше дело. Нет, правда, бывает так, что легче пройти, чем об этом после рассказать. Только помню этот крик: «Коси, Коса, коси!..» И потом уже финиш, пресс-конференция, репортеры, микрофоны, надо произносить какие-то слова да помнить, что ты не дома, что всякое твое слово могут переврать. Впрочем, об этом там никогда не забываешь...

Но это еще не конец моего рассказа. Концовкой его, замыкающей круг, явился вечер в Москве, в большой аудитории Политехнического музея, когда заслуженный мастер спорта Виктор Иванович Косичкин, стоя на кафедре, вел рассказ о калифорнийской Долине индейских жен, о том, как протекала там борьба за медали, которые во славу Советского Союза он получил в день своего двадцатидвухлетия.

Не знаю, сидел ли в это время в зале грядущий чемпион новой олимпиады, но мне хочется думать, что это так...

Чемпионы

Фотоочерк С. Карасева.

Наш фотокорреспондент побывал во многих московских дворах. Фотографий получилось очень много. Но нам пришлось отобрать только шесть.

Эти ребята живут в разных концах Москвы, но всех их объединяет одно: любовь к спорту. А если любишь спорт, то в любом дворе найдешь уголок для спортплощадки. Верхний снимок сделан в переулке Садовских. Сережа Нефедьев показывает своим товарищам технику прыжка.

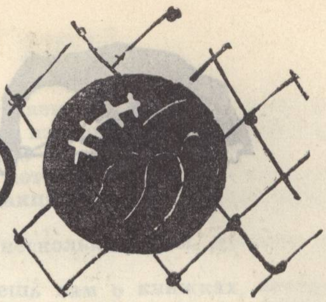

Взгляните, с каким азартом проходят соревнования волейбольных команд Антипьевского переулка!

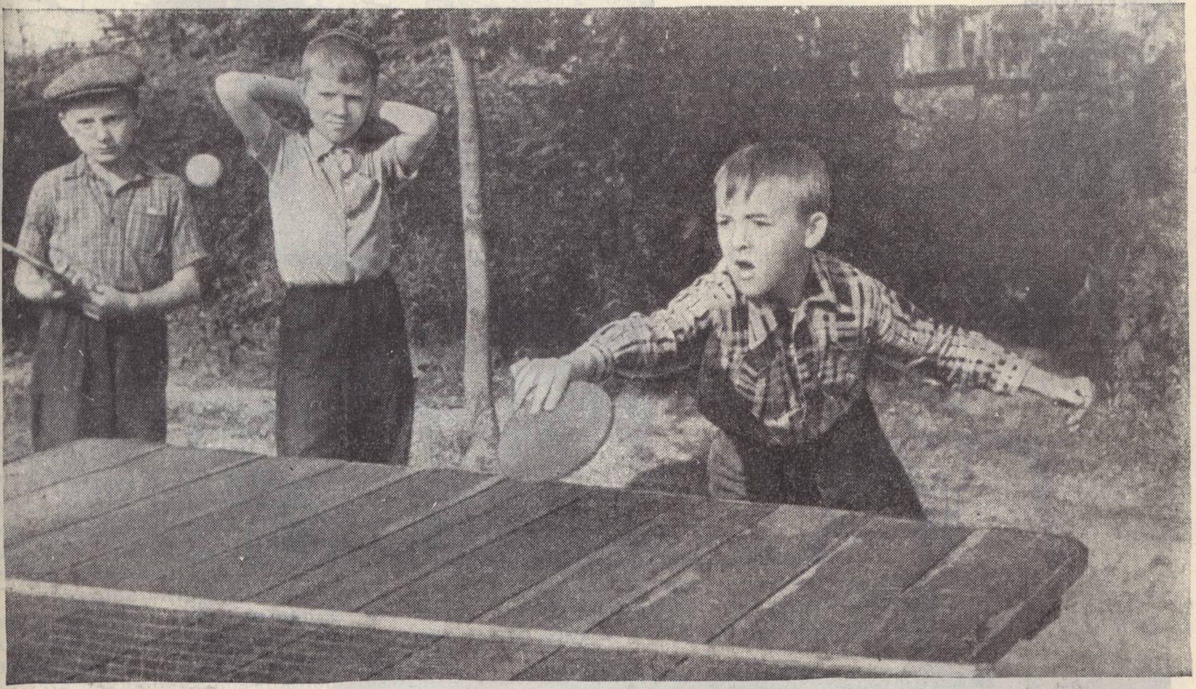

Нашего двора

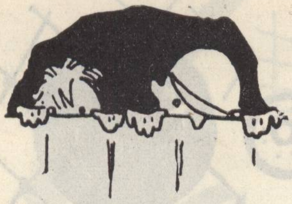

Стремительный бросок — и мяч отбит! Играет чемпион Третьего Воробьевского проезда Валерик Трутнау.

А эти ребята занимаются легкой атлетикой. И может быть, самый маленький из них, тот, что сейчас бежит последним, через несколько лет упорных тренировок станет чемпионом страны. Для настойчивых нет ничего невозможного!

Первые шаги по буму — это первые шаги к бесстрашию.

На фотографии внизу — самый распространенный вид спорта среди москвичей. Да и в каком городе не увлекаются ребята футболом?!

Ребята! А есть ли спортплощадка в вашем дворе? Бывают ли у вас спортивные состязания между дворами? Если нет — организуйте их! Сейчас дело идет к зиме. Подумайте, где вам залить каток, где сделать горку для малышей. Вас много, ребята, и любое дело вам по плечу!

Дорогой друг!

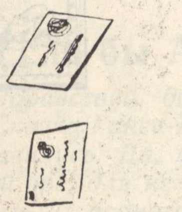
Ты много читаешь. А что ты думаешь о прочитанных книжках? Чем они тебе нравятся? С кем из героев ты хотел бы дружить? Что готов перечитать и раз и другой?

Обо всем этом говорят письма, которые читатели — и ты, читатель! — присылают к нам в редакцию, в Дом детской книги, непосредственно писателям.

В этом номере мы публикуем несколько писем. Думаем, что они будут и для тебя интересны.

Хорошо, если ты тоже напишешь нам о книжках, которые читал недавно и которые тебе нравятся. А может, тебе попалась и такая, что не посоветуешь читать другому?

Итак, ждем твоих писем.

Было ли так, как в книге?

Дорогая редакция!

Мы, ученики 2-го класса, прочитали книгу В. О. Богомолова «Иван». Ваня нам очень понравился.

Напишите нам: было ли так в действительности? Мы хотим разыскать родителей Вани Буслова и его могилку. В этом нам помогут октябрята г. Лунинца. Наша учительница Антонина Иосифовна была в этом городе, немного знает его.

Напишите, пожалуйста: было ли это так, как в книге? Тогда мы начнем свою работу.

Ждем.

Батов Сергей и все 35 человек нашего класса,
г. Советск, Калининградской обл.,
школа № 6, 2-й класс «Б».

Было ли так в жизни, как написано в книге? — этот вопрос часто задают автору. Спрашивают не только В. Богомолова, а любого писателя, у которого герой как живой и события в книге правдивые.

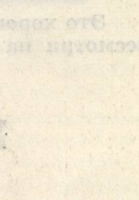
Что можно ответить на такой вопрос? Конечно, бывают книжки, где все очень точно «списано» с жизни. Эти книжки мы называем документальными.

Но чаще писатель выдумывает своего героя и обстановку, в которой он действует. Выдумывает — не значит, как могут решить некоторые, «привирает». А просто домысливает, как бы вел себя этот герой, этот человек вот в таких-то условиях, вот в такой-то обстановке.

Не исключена возможность, что и описанные условия и сам герой — не такой точно, а похожий на него — могут быть знакомы писателю. Но чаще писатель полагается на свое воображение. Ведь на то он и писатель, чтобы силой воображения, силой своей фантазии создать правдивую картину, в которую бы читатель поверил. И читатель поверит, если в событиях книги будет немало от самой жизни, а в герое — от людей, которых мы часто встречаем в жизни.

Поэтому пусть вас не огорчает, дорогие друзья, ответ, который можно дать на ваш вопрос: «Родителей Вани Буслова искать напрасно. Этого мальчишку писатель выдумал. Но в дни войны таких, как Ваня, было немало. В книге В. Богомолова «Иван» все так, как б ы в а л о в жизни. Поэтому вы и смогли поверить в то, что написано.

Так поступают пионеры

Дорогая редакция!

Когда я читала книгу «Так поступают пионеры», мне очень понравился рассказ «Кладовая мужества». Его написал Борис Тихомолов, Герой Советского Союза. Мне очень понравилось в этом рассказе то, что Леня Орлов и Лена Нелюбина

помогали пенсионерам. Я тоже помогала бы пенсионерам, но на нашей улице их нет. Я помогаю своим бабушке и дедушке, они у нас очень старые.

г. Липецк, 7, ул. Грибоедова. 51, Зеленой Тамаре.

Дорогая Тамара!

Ты правильно решила, что нужно помогать своим бабушке и дедушке. Некоторые ребята считают, что тимуровская работа только, когда находишь кого-то вне дома, кому надо помочь. Но пионер — везде пионер. И на улице и в своей семье. Хорошо, Тамара, что и ты так думаешь. Ведь, вспомни, Леня Орлов, о котором рассказано в очерке «Кладовая мужества», начал с помощи по дому, маме.

Во сколько раз Хоттабыч старше Вольки?

Дорогая редакция!

Я прочитала книгу Л. Лагина «Старик Хоттабыч», которая мне очень понравилась.

В этой книге написано, что Хоттабыч старше Вольки на 3 719 лет, или ровно в 287 раз. Я это проверила, и выходит, что Хоттабыч старше Вольки не ровно в 287 раз.

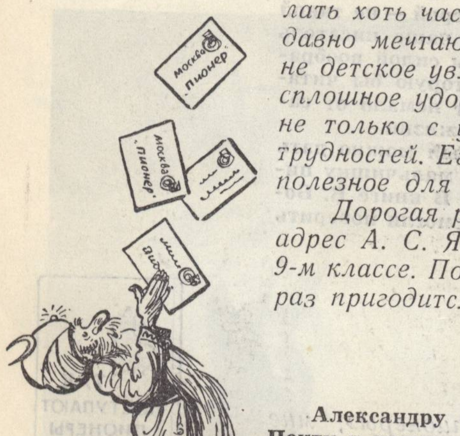
Зачем же тогда писать, что ровно в 287 раз? Чтобы было ровно, надо было бы взять не 3 719 лет, а 3 718, и тогда бы Хоттабыч был старше Вольки ровно в 287 раз.

Ученица 5-го класса Малина Надя, Московская область, Кунцевский район, Матвеевский питомник.

Это хорошо, Надя, что ты внимательно читаешь книги. И ты права в том, что, несмотря на неточность, «Старик Хоттабыч» — это чудесная книга.

Книга помогла выбрать профессию

С большим интересом прочитал я книгу Яковлева «Рассказы авиаконструктора». Мне кажется, что не может быть такого человека, которому бы не понравилась эта книга. Мне очень хочется жить и трудиться так, как трудился А. С. Яковлев. Я был бы счастлив, если бы мог сделать хоть частицу того, что сделал для нашей Родины Яковлев. Я уже давно мечтаю связать свою жизнь с авиацией. Мне кажется, что это не детское увлечение. Ведь увлекаться можно тем, что приносит только сплошное удовольствие. А ведь деятельность авиаконструктора связана не только с удовольствием. Авиаконструктор имеет дело с тысячами трудностей. Его задача — преодолеть все эти трудности и сделать что-то полезное для Родины.

Дорогая редакция! Прошу вас, если это возможно, сообщить мне адрес А. С. Яковлева. Я живу в Сибири, в Томской области. Учусь в 9-м классе. По математике, физике и черчению учусь неплохо. А это как раз пригодится в будущем, если я буду авиаконструктором.

Мой адрес: Томская обл., г. Колпашево, ул. Чкалова, 69, Терентьеву Александру.

Александру будущую профессию подсказали «Рассказы авиаконструктора». Почти у каждого человека в жизни попадается книга, которая заставляет задуматься над будущей специальностью. Напишите нам, была ли у вас такая книга, которая настолько увлекла вас, что вам захотелось пойти по пути героя. Какая это книга и что вы о ней думаете?

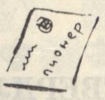

Таежными тропами

Дорогая редакция!

Я с большим интересом прочитал книгу Т. Тиховой «Таежные были». Мне очень понравились люди, участвующие в геологическом походе, особенно Сергей Иванович Шемякин, за его необыкновенную находчивость и умение помочь в труде своим товарищам. Особенно мне понравилось бесстрашие Сергея Ивановича на охоте и как он знает все о диких зверях, все их повадки. Очень хорошо написано о собаках и лошадях — настоящих друзьях человека.

Соловьев Витя, 6-й класс, Москва.

Действительно, откроешь книгу Т. Тиховой «Таежные были» — и очутишься в тайге, пойдешь по тропам с геологами и верными их спутниками — собаками. Книжка Татьяны Гавриловны Тиховой, которая сама прошла немало километров по тайге, увлечет тебя, читатель, в края, где, может, еще не бывал человек.

Если бы Андерсен родился в наше время...

Здравствуй, дорогая редакция!

Сказки Ганса-Христиана Андерсена мне очень, очень и еще раз очень понравились. Да, мне жаль Ганса-Христиана: если бы он родился при нашей эре, для него были бы другие условия. Ему бы не понадобилось уходить из родного города и из родного дома. Да, если бы он родился хотя бы в 1946 году, для него были бы другие условия. Ему не понадобилось бы уходить и бросать мать. Его бы любили еще лучше дети всех стран.

Вы описали в обращении «К читателям», как в воспоминаниях о своей жизни он рассказывал, что однажды к нему подбежал какой-то мальчуган и поздоровался с ним. Мать этого мальчика сказала ему: «Как ты смеешь разговаривать с чужими людьми?!» «Да это же вовсе не чужой! Это Андерсен! Его все мальчики знают»,— ответил мальчик.

Пока до свидания.

Баранов Борис, ученик 4-го класса «А» средней школы № 1, г. Могоча, ул. Малая, 4.

Дорогой Борис!

Ты горячо принял к сердцу судьбу замечательного сказочника Ганса-Христиана Андерсена. И прав, что в лучшее время ему не понадобилось бы уходить из родного дома.

Очень хорошо, что, читая книгу, ты интересуешься не только тем, что в ней рассказано, но и биографией ее автора.

МОЛОДЦЫ, СВЕРДЛОВСКИЕ ПИОНЕРЫ!

Хочу рассказать вам, ребята, об интересных встречах юных любителей шахмат. Во многих Домах пионеров собираетесь вы, мои юные друзья, чтобы в шахматных турнирах проверить свою силу, находчивость, упорство.

А где у юных шахматистов наибольшие успехи? Где лучше изучили они хитрости нашей мудрой игры?

И на эти вопросы теперь можно ответить. Во время летних каникул команды шахматистов и шахматисток из двухсот двадцати Домов пионеров Российской Федерации соревновались между собой.

Двести двадцать участников! Представляете, как трудно было попасть в финал, где встретились восемь самых сильных команд.

Недавно в городе Туле состоялись и финальные встречи. В гости к тульским ребятам приехали пионеры с берегов Тихого океана, из города Владивостока, волжане из Сталинграда, пионеры Татарии из Казани.

Победу в Туле оспаривали и юные шахматисты из Сыктывкара, столицы республики Коми, и сибиряки из Красноярска, и команда Ростова-на-Дону.

Борьба была нелегкой. Да это и понятно. Какой команде хочется отстать! Жестокие сражения велись на шахматных досках. Выигрывали ребята, приходилось им терпеть и поражения, но это не мешало их дружбе. Ведь очень верно сказал почти пятьсот лет назад великий узбекский писатель Алишер Навои: «Шахматы — это благородная вражда, вражда-соревнование. Игра закончится, и от вражды не останется и следа».

И вот пришел тот день, когда судьи подсчитали итоги всех матчей, когда в таблице результатов не было уже ни одной свободной графы.

Заслуженную победу одержала команда Свердловского Дворца пионеров. Уральские ребята набрали $28^1/_2$ очков из 42 возможных и заняли первое место. На второе место вышли пионеры Тулы — 25 очков.

А потом места распределились так: Казань — $22^1/_2$, Красноярск — $21^1/_2$, Ростов-на-Дону — 20, Владивосток — $19^1/_2$, Сыктывкар — $16^1/_2$, Сталинград — $14^1/_2$ очков.

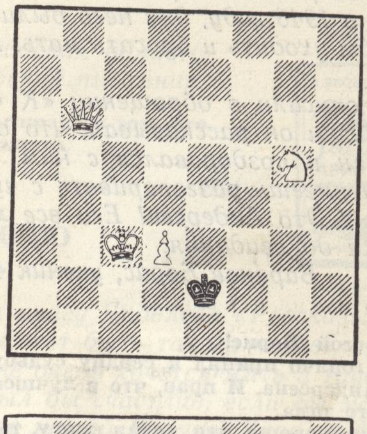
Рад я успеху свердловчан и тульских ребят, награждаю их своими «Грамотами ферзя и ладьи». А тем, кто на этот раз оказался побежденным, желаю как следует подготовиться к новым испытаниям и шахматным поединкам.

И еще у меня вопрос есть к вам, моим почитателям и оруженосцам. Хочу знать, как у вас, в Доме пионеров, шахматисты занимаются. Может быть, вы свой пионерский шахматный клуб еще и не организовали?

Собирайтесь вместе, подумайте, устройте шахматный турнир, проведите конкурс решений задач. Если у вас любителей шахмат маловато, постарайтесь привлечь новичков, расскажите им о шахматах, о том, как интересно сражаться за шахматной доской. А для того, чтобы лучше у вас конкурс прошел, помещаю я в этом номере веселые, затейные задачи. Решите эти задачи и покажите друзьям или в школьной стенгазете поместите. Пусть их и другие ребята решают.

ОТ ПЕРЕМЕН МЕСТ СЛАГАЕМЫХ...

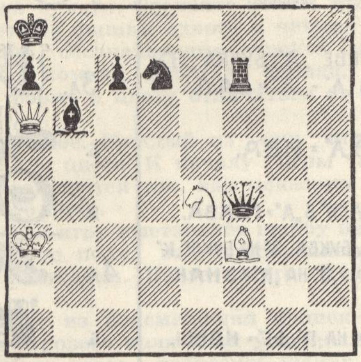

Две одинаковые позиции! Да, почти одинаковые. Только на второй диаграмме короли поменялись местами. И как в арифметике — от перемены мест слагаемых сумма не меняется. И в первой и во второй позиции белые дают мат в три хода черному королю. Только решаются эти задачи совсем по-разному.

ДВОЙНОЙ ШАХ

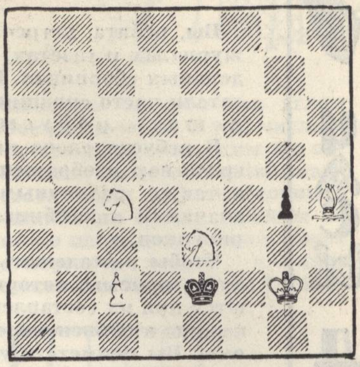

Большая это сила — двойной шах. Ведь от такого шаха не укроешься, одна возможность у короля — спасаться бегством.

Внимательно разберите комбинацию, которая возможна в этой позиции. Здесь белые дают мат в шесть ходов.

КОРОЛЬ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

А на этой диаграмме вы видите задачу, в которой мат достигается в четыре хода. Далек и труден путь к цели. Не буду приводить всего решения, только скажу: герой задачи — белый король. Все четыре хода делает он и даже мат объявляет.

Пишите мне, ребята, шлите ваши решения.

Расскажите о том, понравились ли эти задачи любителям шахмат в вашей школе. Шлите также ваши задачи и партии школьных турниров.

СТРАНИЧКА КОЛЛЕКЦИОНЕРА

ДВА ПАМЯТНИКА

Над одной из площадей маленького немецкого городка Эйслебен возвышается бронзовая фигура величайшего человека на земле — Владимира Ильича Ленина. Не увядают цветы у подножия памятника. Каждый житель Эйслебена, проходя мимо, обязательно задержится здесь. Этот памятник очень дорог каждому эйслебенцу.

...В 1943 году вместе с тоннами награбленного металла была привезена сюда гитлеровцами на переплавку статуя Ленина.

Коммунисты и простые рабочие завода решили спасти ее. Они сумели убедить администрацию, что разрезать огромную фигуру на части нет никакой возможности, так как электроды у сварщиков слишком тонки. Но обман легко мог раскрыться. Тогда памятник... исчез! Он был надежно спрятан под ломом цветного металла и пролежал там до того самого момента, когда советские войска вошли в Эйслебен.

В этот день рабочие завода торжественно водрузили памятник Ленину на площади План.

Впоследствии было установлено, что статуя была вывезена фашистами из пригорода Ленинграда — города Пушкина.

Советский Союз передал бронзовую фигуру вождя тем, кто с риском для собственной жизни спас ее в тяжелые годы нацизма, — простым рабочим простого немецкого городка Эйслебена. В ответ на этот дар эйслебенцы решили сделать подарок городу Ленина: из меди, которая была выплавлена ими сверх плана, они отлили статую замечательного сына немецкого народа Эрнста Тельмана. Ныне этот памятник украшает город Пушкин.

В Германской Демократической Республике выпущены недавно две почтовые марки: на одной из них — памятник Ленину в Эйслебене, а на другой — Тельману в Пушкине.

В альбомах юных филателистов они, бесспорно, займут почетное место, как свидетельство нерушимой дружбы между двумя народами.

С. Маревский

ЧАСЫ ДОСУГА

РЕБУСЫ

Вы, ребята, встречаете ребусы в журналах и газетах, а также в отдельных сборниках. В письмах читатели часто спрашивают нас, как решать ребусы.

В ребусах слова передаются посредством изображения предметов, а также различными условными значками и комбинациями букв и рисунков.

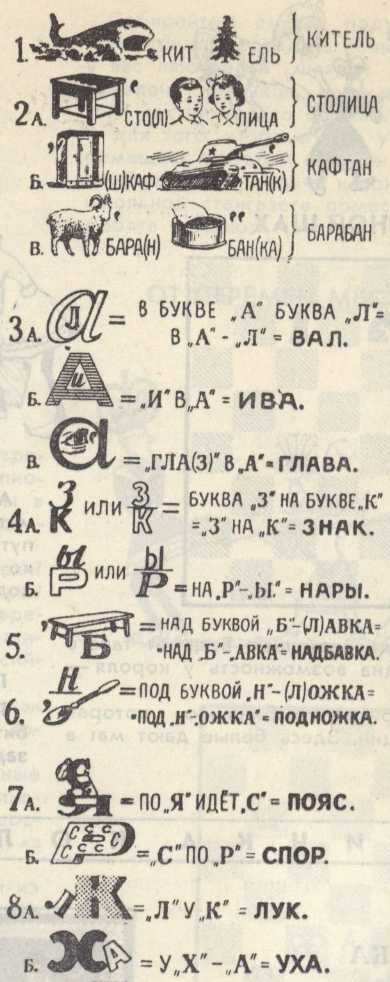
Чтобы разгадывать ребусы, надо знать приемы, которые употребляются при их составлении. Здесь показаны и объяснены основные приемы. Вы поймете и усвоите их, если сначала разберете то, что помещено на левой стороне, а потом прочтете слова, которые написаны в форме ребусов на правой стороне. Для этого вам придется воспользоваться приемами, с которыми вы уже познакомились.

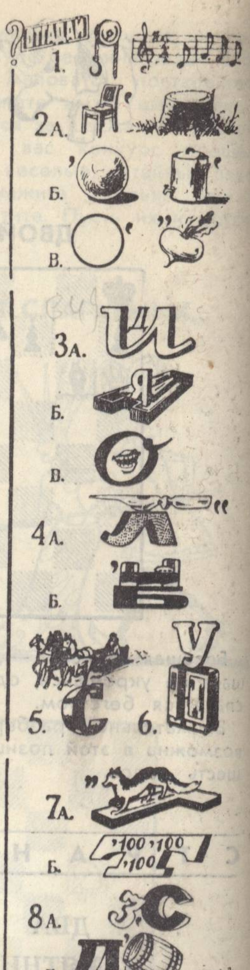
Если вы хотите превратить в ребус какую-нибудь фразу, запишите ее, не разделяя слов, а потом разбейте на части так, чтобы каждую из них можно было передать в ребусе тем или другим приемом. Попробуйте, например, сами составить ребус по загадке «Под соснами, под елками лежит клубок с иголками».

Не давайте в ребусе рисунка, прямо соответствующего целому слову. Например, вам встретилось слово «заяц», не рисуйте зайца — здесь нечего отгадывать.

Не рисуйте в перевернутом виде предметы, о которых нельзя судить: дано прямое изображение или обратное (например, палка, нож, карандаш и т. п.).

Решая ребус, нужно разгадывать его по частям, записывать слитно слова и слоги, которые получаются, а потом по смыслу разъединять слова.

ПОЛМИНУТЫ НА РАЗДУМЬЕ!

(Загадки-шутки)

1. Какой башмак не наденешь на ногу?
2. Как «мышеловку» написать пятью буквами?
3. Какую раковину не сыскать на дне моря?
4. По каким полям ни пройти, ни проехать?
5. Что можно сделать из жаворонка?
6. Всегда ли ерш на уху годится?
7. Какой гладью не вышивают?
8. Чего нет ни в дыне, ни в тыкве, но есть в арбузах, помидорах и огурцах?
9. Из какой утки не приготовишь жаркое?
10. «Хожу на голове, хотя и на ногах; хожу я босиком, хотя и в сапогах». О чем эта загадка?
11. На каком горне не сыграешь побудку?
12. Из какого меха не сошьешь воротник?
13. В какой печи не пекут калачи?

Хоккей с шайбой

На четвертой странице обложки дан чертеж 84-клеточного игрового поля для игры «Хоккей с шайбой». Увеличив размеры, перечертите его на лист плотной бумаги. Сделайте девять фишек из картона: четыре фишки одного и четыре фишки другого цвета, обозначающие игроков двух соревнующихся команд. Девятая фишка, шайба, должна по форме и цвету отличаться от фишек-игроков.

Играющих двое. Каждый из них играет за команду своего цвета. К началу игры фишки-игроки расставляются так, как показано на чертеже игрового поля.

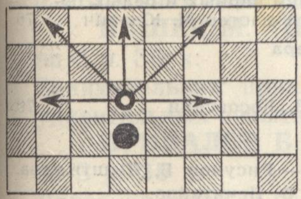
Начинающий игру выставляет шайбу на любую клетку игрового поля, за исключением своей штрафной площадки. После этого ходит его противник.

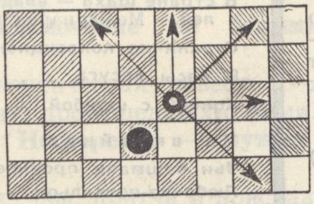
Игра состоит из перемещений фишек-игроков по клеткам игрового поля и их условных ударов по шайбе. Цель игры — забросить шайбу в ворота противника.

ПРАВИЛА ИГРЫ

1. За один ход фишка-игрок может переместиться на одну соседнюю с ней свободную клетку в горизонтальном, вертикальном или диагональном направлении (как король в шахматах). При этом любой, но только один игрок может становиться в ворота и вообще находиться на своей штрафной площадке.

2. Право удара по шайбе имеет игрок, который стоит рядом с шайбой и у которого есть ход. На рисунках 1 и 2 стрелками показаны направления

возможного броска шайбы, когда она находится в клетке, не примыкающей к бортику. Несколько иное направление ударов по шайбе допускается лишь в тех случаях, когда шайба примыкает к бортику игрового поля (рисунок 3).

Рис. 3.

3. Шайба при ударе может быть послана на любое расстояние. Шайба, посланная к бортику, «ударившись», «отражается» от него под углом падения тоже на любое расстояние, в том числе и до другого бортика, от которого она таким же образом может отражаться и дальше. Однако шайба не может перелетать через игрока, стоящего на пути ее полета; шайба не может дважды за один ход пересечь линию центра; шайба не может дважды за один ход пересечь клетку, которую она уже однажды пересекала. На рисунке 4 пока-

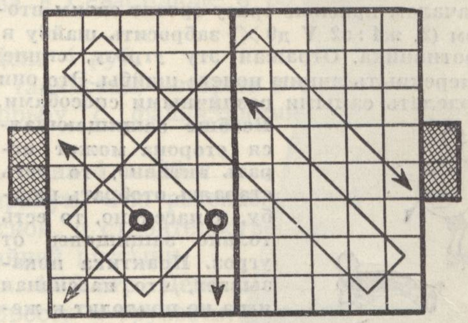

Рис. 4.

зано, как шайба отражается от бортиков. Конец стрелки показывает, где прекращается движение шайбы.

4. Каждая команда, в свою очередь, имеет право на два хода, которые могут быть распределены следующим образом:

а) два хода одним игроком; б) по одному ходу двумя игроками; в) два удара одним игроком; г) по одному удару двумя игроками; д) один удар и один ход или наоборот.

После каждого забитого гола игра начинается сначала: игроки занимают исходное положение, шайбу выставляет команда, которой забили гол.

КАК ЗАПИСЫВАЕТСЯ ПАРТИЯ

Красные	Синие
1. + е3 Означает: красные выставляют шайбу на поле е3. (Считается за два хода.)	г6 — д4 Означает: синие идут игроком с клетки г6 на клетку д4. (Два хода.)
2. з5 — ж4 : б3 Означает: игрок с клетки з5 идет на клетку ж4 и бьет по шайбе (:), которая попадает на клетку б3.	д4 — г3, а6 — б5 (?) Означает: игрок с клетки д4 идет на клетку г3, а игрок с клетки а6 идет на клетку б5. Знак вопроса — плохой ход.
3. г1 — в2 : д6 (!) Восклицательный знак — хороший ход.	б5 — г6
4. д5 : е6 : з8 V д0 ×	Синие проиграли.

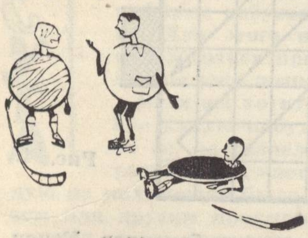
Последний ход красных означает: игрок, находящийся на клетке д5, дважды ударяет шайбу, переводя ее первым ударом на клетку е6 и вторым ударом на клетку з8, откуда она, отражаясь (V — знак отражения от бортика), попадает в ворота на клетку нулевого ряда —

д0. (Клетки ворот обеих сторон обозначим г0 и д0.) Косой крест в виде знака умножения обозначает, что шайба забита в ворота. В сокращенном виде эта запись может выглядеть так: 1.+ е3; д4. 2. ж4 : б3; г3, б5 (?). 3. в2 : д6; г6. 4.: е6:з8 V д0 ×. В такой записи показываются (где это возможно, не нарушая ясности) только те клетки, куда идет игрок и куда попадает шайба. Для примера одно из начал:

Красные	Синие
1.+ ж3	. . .

Этим началом красные сразу грозят своим вторым ходом (2. ж4 : з2 V д0 ×) забросить шайбу в ворота противника. Отражая эту угрозу, синие должны перекрыть линию полета шайбы. Это они могут проделать самыми различными способами.

Вообще защищающаяся сторона может играть активно, то есть стараясь отобрать шайбу, и пассивно, то есть только защищаясь от угроз. Практика показывает, что пассивная игра не приводит к желаемому результату. Благодаря этому в настольной игре остается в силе основной принцип настоящего хоккея — выход на свободное место для нападающих и, наоборот, противодействие этому, «опека» игроков, для защищающихся.

1. . . . а6 — б6, з6 — ж5 (?)

Позиционная ошибка: игрок красных на г1 надолго оставлен без «опеки», что позволяет красным создавать многочисленные угрозы, которые в конце концов должны стать неотразимыми. Но для этого красные должны играть точно, расчетливо, изобретательно, так как их ошибки могут привести к потере шайбы в безнадежной для них позиции.

2. д5 — е4 : д1 (!)

(Грозит 3.: д4, : а8 V г0 × или 3.: д5, : з8 V д0 ×.)

2. . . . г6 — д4

Синие перекрывают опасные диагонали.

3. г1 — д0, а5 — б4 б6 — г4 (?)

(Грозило 4. : г1 : г0 × или 4.: в3, : з8 V д0 ×.) Синие проигрывают.

Разберите самостоятельно другие возможности развития игры при втором ходе синих ...ж5 — д4 или ...г6 — г5, е5 — е6.

Есть много других вариантов, ведущих к интересной стратегической борьбе.

В. Косовский

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, Первая улица Ямского поля, 28, комната 11. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **А. Добрицин.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 06443. Подписано к печати 29/IX 1960 г. Тираж 537 400 экз. Изд. № 1628. Заказ 2537.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов: 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР выпустило в этом году интересные повести на исторические темы, о революционных событиях в России, о советских воинах, сражавшихся с фашистскими оккупантами, о покорении бескрайней пустыни Каракум; веселые рассказы и увлекательные сказки:

ВОЛК И. Санька покидает Слободку. 94 стр. Цена 2 р. 40 к.
Повесть о «холерном бунте» начала XIX века в Севастополе и об участии в нем детей.

ВОРОБЬЕВ Б. Капля крови. 174 стр. Цена 4 руб.
Автор рассказывает о четырех мужественных танкистах, которые в тылу врага, в тяжелых условиях продолжали борьбу с фашистскими захватчиками.

ГАНЕЙЗЕР Г. Река в пустыне. 204 стр. Цена 4 р. 30 к.
Познавательная книга о природе пустыни Каракум. Она рассказывает о работе и жизни членов экспедиции среди песков, о строительстве Туркменского канала и о его значении для бескрайней пустыни.

МАСТЕР ИВАНКО. Закарпатские сказки. 152 стр. Цена 3 р. 20 к.
В сборник вошли сказки о правде, лжи, храбрости и трусости, трудолюбии и лени.

КОЛОС Я. На широкий простор. 328 стр. Цена 6 р. 10 к.
Избранные повести и рассказы выдающегося советского писателя Белоруссии.

МОИСЕЕВА К. Меч Зорины. 206 стр. Цена 4 р. 15 к.
Историческая повесть о сакской девушке Зорине, которая спасла из рабства воинов своего племени, о древнем Китае, персидском царе Дарии I, о «Курганах безмолвия».

ПАШЕК М. Приключение на безымянной реке. 238 стр. Цена 5 р. 30 к.
Занимательная приключенческая повесть о чешских школьниках и об удивительных событиях, происшедших с ними.

ПРИВАЛОВ Б. Нестеренко — мужик озорной. 143 стр. Цена 3 р. 25 к.
Короткие веселые рассказы, притчи и присказки по мотивам белорусского фольклора.

РУТЬКО А. Повесть о первом подвиге. 127 стр. Цена 2 р. 65 к.
В книге рассказывается о революционных событиях в одном городке Поволжья, о смелых ребятах, детские игры которых заканчиваются настоящим революционным подвигом.

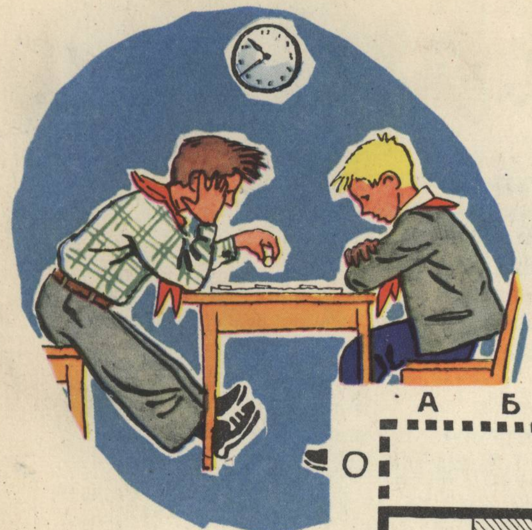
СКРЕБИЦКИЙ Г. Весне навстречу. 20 стр. Цена 1 р. 70 к.
Сказка о клестах, которые в зимнюю стужу построили гнездо и выходили птенцов.

Эти книги по мере выхода их в свет вы сможете приобрести в магазинах книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» в областных, краевых и республиканских книготоргах. Можно также заказать книги через отдел «Книга — почтой»: г. Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-б, магазин Москниготорга № 94.

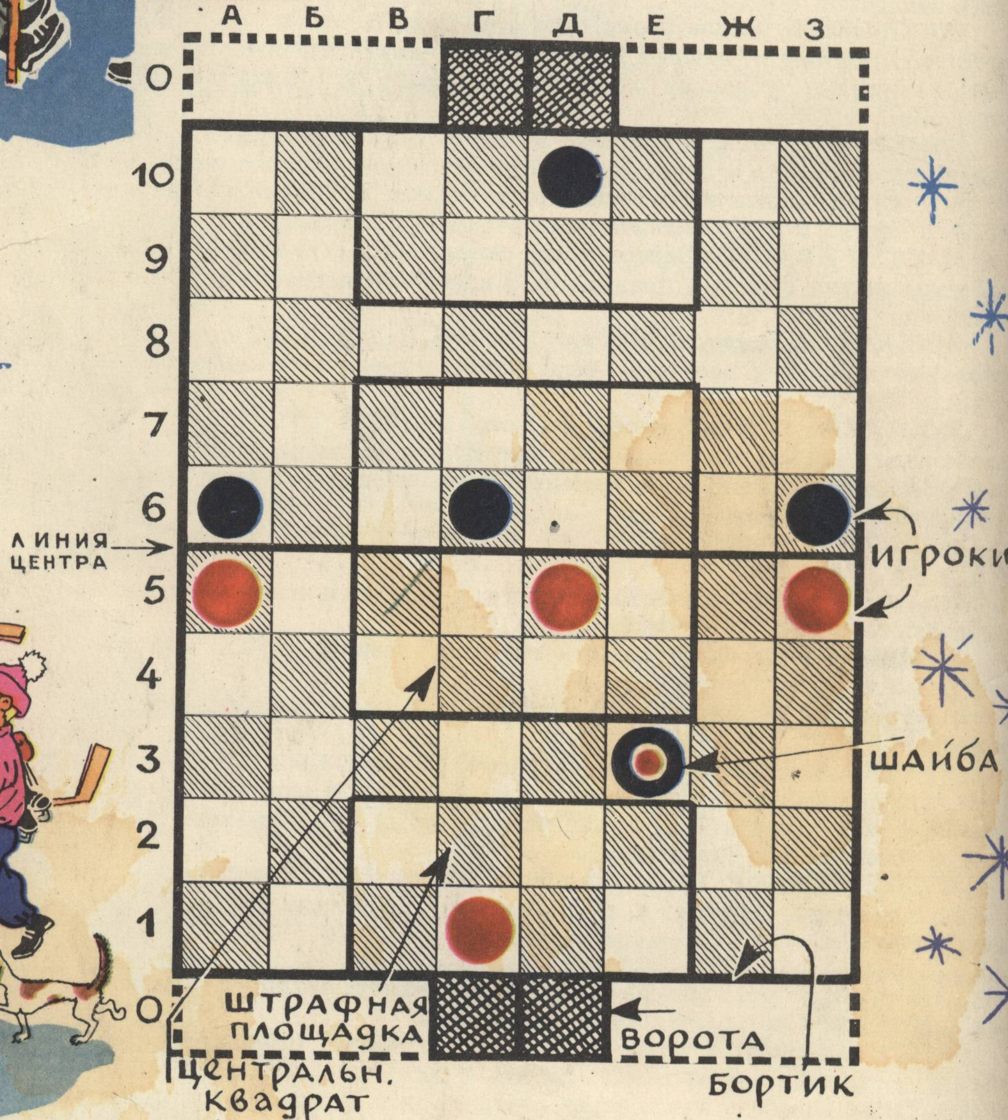
«Союзкнига»

Цена 2 р. 50 к.

ХОККЕЙ С ШАЙБОЙ

Как играть в эту игру, прочитайте на 79-й странице.